

ISSN 2219-1976

2015 / 2 (18)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

2015 / 2 (18)

ISSN 2219-1976

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2015 / 2 (18)

ISSN 2219-1976

Политические изменения в Латинской Америке

Научный журнал

№ 2 (18), 2015

Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета

Редакционная коллегия

к.г.н. И.В. Комов (ВГУ)
доц., д-р ист. н. М. В. Кирчанов (отв. ред., ВГУ)
доц., к.и.н. А. В. Погорельский (ВГАСУ)
к.и.н. И. В. Форет (ВГУ)

Editorial Board

Dr. Igor V. Komov (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr.Sc. in History Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr. Alexander V. Pogorelsky (Voronezh State Academy for Architecture and Building)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, ауд. 22

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию, проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Содержание

Тема номера I:

Латиноамериканистика: научное сообщество (интервью, дискуссия, полемика)

- «Современная латиноамериканистика давно вышла за пределы этнографических-экономических и односторонних исторических исследований»: интервью Китти Сандерс 5
- «Мой приход в латиноамериканистику был предопределен»: интервью с болгарской исследовательницей Латинской Америки доктором Элеонорой Пенчевой 18

Статьи и исследования

- Г. Коларов*, Проблемы завершения гражданской войны в Гватемале 21
- М.В. Кирчанов*, Проблемы истории бразильского натурализма («Плоть» Жулиу Рибейру в контексте европейских и бразильских влияний) 24
- В.В. Климова*, Инвестиционная привлекательность Аргентины 43
- М.Ю. Чибизова*, Внешнеполитический вектор России через призму аргентинских СМИ 46
- М.В. Кирчанов*, "...histórica, o erotismo, de crueldade...": истерия как "изобретенная традиция" и воображаемое "место памяти" в контексте социальной и культурной истории поздней Бразильской Империи 54

Тема номера II:

Буржуазные революции, которых не было: революции как идеальные историографические типы и изобретенная традиция

- М.В. Кирчанов*, Общие места и идеальные типы историографии, или буржуазная революция в Бразилии, которой могло и не быть 70
- М.В. Кирчанов*, Буржуа, рабы, мулаты, религиозные фанатики и etc в протестных движениях в Бразильской Империи: историографические мифологемы и «революционные» реальности 77
- М.В. Кирчанов*, От «национальной проблемы» к «национальной реальности», 1914 – 1938: об антикапиталистическом и антибуржуазном уклоне в бразильской интеллектуальной традиции 88

Полемика, дискуссии, критика

- М.В. Кирчанов*, Латиноамериканистика в современной России: кризис и невидимость отечественных латиноамериканских штудий в международном контексте 105

ТЕМА НОМЕРА I

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО (ИНТЕРВЬЮ, ДИСКУССИЯ, ПОЛЕМИКА)

В 2016 году журнал «Политические изменения в Латинской Америке» (ISSN 2219-1976), являющейся единственным региональным научным периодическим изданием в России, посвященным латиноамериканским студиям, отмечает свой десятилетний юбилей. В связи с этим Редакционная Коллегия обращается к авторам прошлых лет, нашим потенциальным авторам, экспертам и аналитикам с просьбой ответить на несколько вопросов, посвященных как латиноамериканистике, так и некоторым проблемам социального, политического, исторического и экономического развития современной Латинской Америки.

Ключевые слова: латиноамериканистика, Латинская Америка, развитие, академическое сообщество

The only regional academic periodical in Russia devoted to the Latin American Studies "Latin American political transformations» journal (ISSN 2219-1976) in the 2016 will celebrate its tenth anniversary. The Editorial Board ask the authors of the past years, our potential authors, experts and analysts to answer some questions dealing with Latin American Studies and actual problems of social, political, historical and economic development of contemporary Latin America.

Keywords: Latin American Studies, Latin America, development, academic community

«Современная латиноамериканистика давно вышла за пределы этнографических, экономических и однобоких исторических исследований»: интервью Китти Сандерс

С чем был связан Ваш приход в латиноамериканистику, латиноамериканские студии? Что подвигло Вас к изучению региона Латинской Америки? Можете ли Вы назвать интеллектуальные стимулы или авторитеты, стимулировавшие (стимулирующие) Ваш интерес к региону и вовлеченность в латиноамериканистское сообщество?

Факторов было довольно много. С одной стороны, меня очень сильно интересовали методы "шоковой терапии", которые в наиболее чистом виде были реализованы в Латинской Америке и отчасти Юго-Восточной Азии

(проблемами ЮВА, и особенно Индонезии, я тоже активно занимаюсь, а также я большая любительница индонезийского кинематографа). Книги авторов, вроде Наоми Кляйн, вокруг которых создана большая шумиха, мне показались поверхностными и неудовлетворительными. Когда я покопала проблему глубже, то поняла, что была права.

С другой стороны, я еще в отрочестве интересовалась радикальными политическими идеологиями - как ультралевыми, так и антикоммунистическими. Перелопатила тонны материала о ранних большевиках, различных коммунистических и социалистических проектах, левом терроре, антикоммунистическом сопротивлении - благо, родилась я в Петербурге, там подобных материалов было море. Изучая последнее, добралась до иберо-американских режимов, некоторые из которых показались весьма адекватными для своего времени: пока Европа уничтожала людей миллионами, проводила геноцид целых народов, а советские и азиатские коммунисты кромсали собственное население, пытаясь создать "нового человека" и "свободное общество", "правые иберо-американцы" принимали у себя евреев, занимали жестко антикоммунистическую позицию, но не впадали в сумасшествие, за исключением пара-тройки стран, вроде Гватемалы или Аргентины.

А дальше интерес естественным образом развивался, когда я обнаружила, что латиноамериканские режимы сильно отличались друг от друга, их различия были обусловлены не "происками ЦРУ", а историей и экономическими предпосылками, и вообще складывалась картина, отличавшаяся от того, что рисовала однообразная советская пропаганда.

Во второй половине "нулевых", когда в России стало совсем уж тяжело дышать, я уехала из страны, попутешествовала и в итоге добралась до Латины, где продолжила политические и социологические исследования.

Что касается "интеллектуальных стимулов"... Я увидела много общего между опытом посткоммунистической России 90-х и опытом латиноамериканских стран и государств ЮВА. Об этом много говорили в 90-е, вспоминали то Пиночета, то Менема. Эти вот попытки национального самоосознания, молодая демократия, ветер перемен, экономические и медийные эксперименты - на самом деле, это невероятно сильно меня сформировало и повлияло на мой дальнейший выбор. Для меня знаменитое китайское ругательство про "время перемен" - скорее благословение. Пожалуй, именно это стало одной из главных причин моего интереса к латиноамериканистике. Очень заметные параллели между опытом демократической Россией и опытом стран Латины, очевидный и работающий метод по преобразованию и быстрому демонтажу тоталитарного государства в свободное общество.

Еще одним важным стимулом стала заинтересованность в "латиноамериканском социологическом опыте". Это уникальное политическое и социальное пространство, в котором сочетаются как крайне современные, авангардные черты, так и чрезвычайно архаичные. Это очень интересно. Например, в своей первой книге "Brotos Pisoteados: organizaciones juveniles progubernamentales" я довольно много обращалась к латиноамериканскому опыту "национализации" молодежи государственными структурами и бюрократическими молодежными организациями, потому что латиноамериканский опыт второй половины XX века во многом уникален. Во второй книге, посвященной человеческому трафику, проституции, нелегальной миграции, "политике враждебности" и государственному участию в теневой экономике, связанной с этими явлениями, я еще чаще обращаюсь к латиноамериканскому опыту и "социологии континента".

Латиноамериканистика, как форма гуманитарных исследований, в России развивается, начиная с конца 1960-х годов. Оцениваете ли Вы предшествующие годы как удачные и продуктивные для российской латиноамериканистики или полагаете, что латиноамериканские штудии пребывают в кризисе, находясь под влиянием застарелых левых идеологических клише и схем?

На мой взгляд, российская латиноамериканистика "зависла" между этими двумя состояниями. С одной стороны, несомненно, оцениваю предшествующие годы как продуктивные. По крайней мере, регион был более-менее изучен, переводилась литература, шел какой-то культурный диалог. С другой стороны, крайне идеологизированный подход привел к тому, что латиноамериканистика развивалась однобоко. Многие факты скрывались - например, то, что на Кубе сразу после "народной революции" были созданы лагеря, куда заключили "неправильных граждан", до сих пор мало кто знает. Для того, чтобы скрыть от граждан немарксистский характер "союзников" (типа левоватого национал-социалиста Веласко Альварадо) и не пробуждать интереса ко всему антисоветскому, было не принято всерьез анализировать разные режимы; они либо обзывались антинародными, либо демократическими и прогрессивными. В итоге нет понимания, что сандинисты - это одно, левые перонисты - другое, Альенде - третье, а режим Кастро - четвертое. Есть какие-то речекряки про "народность", "справедливость", "прогрессивное демократическое правительство" и прочее, не вскрывающие различий между этими режимами и их идеологиями. И есть смутное ощущение "наших" и "ненаших", которого, по

всей видимости, и добивались советские политики. Еще хуже дела обстоят с анализом правых и просто антикоммунистических режимов - там просто мрак, в одной куче лежат Сомосы (все трое), Рене Баррьентос, Папа Док, Трухильо, Пиночет, Марио Сандоваль Аларкон и Перес Хименес. Если бы СССР просуществовал подольше - туда же отправились бы и Урибе с Менемом и Фухимори.

Т.е. существует огромный перекоп, вызванный советской идеологизацией и отсутствием в СССР таких наук, как социология и политология.

В итоге есть большие сложности с научным подходом, масса очень живучих мифов и этот жуткий псевдонаучный пиджн, типа "демократическое правительство, стремящееся к социальной справедливости" и "неолиберальный режим, приводящий к социальному расслоению и протестам широких масс". Сейчас вот, в связи с украинскими событиями, вытащили слово "хунта", хотя, конечно, с точки зрения политической науки, никакой хунты там нет, поскольку хунта это структура, как правило, состоящая из военных, или реже из связки военные+полиция+парамилитарес, регулирующая деятельность правительства и политику государства. Боюсь, что с нарастанием нынешних тенденций, в латиноамериканистику опять в полном объеме вернется этот ужасный советский псевдонаучный язык, клеймящий "фашистскими полицейскими хунтами" всех, кто против России, и называющий "демократическими прогрессивными правительствами" тех, кто за нее. Даже если этими "прогрессивными" будут такие мрачные персонажи, как Николас Мадуро.

Латиноамериканистика развивается в странах Северной Америки и Западной Европы. В последние годы в мире, в интеллектуальном сообществе доминирует англоязычная латиноамериканистика. Американские авторы демонстрируют традиционно высокие рейтинги цитирования. Как Вы полагаете, что в теоретическом, методологическом и организационном плане может и могла бы позаимствовать современная российская латиноамериканистика из западных Latin American Studies? Почему не происходит диалога между российскими и преимущественно англоязычными западными латиноамериканистами?

Языковые сложности, идеологическая заштампованность, крайняя отсталость России в гуманитарной области знаний и шовинизм российского научного сообщества. Это основные причины.

Современная латиноамериканистика давно вышла за пределы этнографических-экономических и однобоких исторических исследований. Идет масштабное и системное изучение гендерных проблем в латиноамериканской литературе, искусстве, истории и политике. Работают различные социологические школы, ставятся социальные эксперименты, направленные на достижение равноправия, усиление интеграции и снижение насилия. Идет интенсивный культурный диалог. Изучается кинематограф, дискурсы латиноамериканского искусства, живая культура. А что известно о, скажем, чилийском кинематографе в СНГ? Да практически ничего не известно, кроме рассказов Аларкона о том, что при Пиночете в Чили "сняли только два фильма" - это я цитирую. Что известно об авангардном искусстве в Парагвае? Опять же - известно лишь, что Стресснер все запретил и всех убил, а кого не убил - того посадил. Но ведь это же полная чушь. При Пиночете в Чили были сняты лучшие по оценкам чилийцев и мирового кинообщества фильмы! Развивался артхаус. Я не хочу сказать, что военное правительство была причиной появления таких фильмов - просто это факт, и игнорировать его - значит исказить и игнорировать историю в угоду собственной идеологической позиции. При хунте в Чили действительно произошла переориентация на сериалы и ток-шоу, поскольку правительство было католическим, поддерживало образ женщины-матери, которая не работает и сидит дома, просматривая мыльные оперы. Но фильмов вышло множество. Или Парагвай - ну ради Бога, доступны же испаноязычные источники, Рикардо Мильориси, Ольга Блиндер, Эдит Хименес, Карлос Коломбино, пластическое и авангардное искусство, живопись, индихенистское искусство развивались невероятно. Их нужно изучать, а не говорить: "Его не было, потому что Стресснер, фашизм, русофобия и хунта".

Даже если оставить за кадром политизированность российского взгляда на искусство. Вот я вбиваю на русском запрос "Армандо Бо" в гугле. Практически ничего нет - только малосодержательные страницы о его внуке, современном режиссере. О "первом" Армандо Бо, феноменальном для своего времени режиссере, который работал с легендарной Исабель Сарли, нет даже страницы в Википедии. В СНГ далеко не все люди, интересующиеся латиноамериканистикой или историей Аргентины, знают эти имена. Но как же можно их не знать, если Армандо Бо и Исабель Сарли взорвали латиноамериканский кинематограф, параллельно создали аргентинский exploitation и т.д.?

Наконец, не последнюю роль играет тот факт, что в России многие не знают английский язык на достаточном уровне; а также влияние оказывает

определенный шовинизм и с недавних пор - оголтелое антизападничество, которым, увы, тоже заразилось научное сообщество.

Российская латиноамериканистика в советский период отличалась значительным уровнем идеологизации. Современная отечественная латиноамериканистика также пребывает в состоянии зависимости от преимущественно левых или даже левацких политических течений и настроений. Как Вы оцениваете эту особенность российской латиноамериканистики и каковы пути преодоления подобной ситуации?

Оцениваю плохо, на пользу это не идет и препятствует развитию науки.

Насчет путей преодоления - даже не знаю. Российская система образования и вертикальная научная структура сами по себе неэффективны, крайне зависимы от государства, и государство за последние сто лет постоянно накачивало их воинствующими однобокими идеологиями. На самом деле, российской науке помогла бы сильная децентрализация, отвязка от государства и значительная автономия для университетов.

Если говорить о латиноамериканистике, то ее лучше всего изучать на месте. Масса документов и книг никогда не переводились с испанского и не цифровались, их можно найти только в библиотеках или книжных магазинах стран региона. Опять же, изучать язык, культуру и быт лучше всего, находясь в соответствующем окружении. Но перед тем, как приступить к их изучению, нужно выбросить из головы всю пропагандистскую ересь про "наших" и "ненаших", "российскую геополитику" и прочее. Латинскую Америку нельзя изучать, фантазируя о каких-то мировых противостояниях и геополитике, потому что тогда вы не сможете изучить проблемы региона и будете постоянно совершать ошибки в своих оценках. Потому что латиноамериканистика - это наука, изучающая Латинскую Америку, а не то, как ее видят Путин, Обама, Олланд или Папа Римский.

Формально латиноамериканистика в России является наукой, но по целому ряду направлений близка к политической идеологии. Какую бы научную повестку для Вы предложили бы российскими исследователям Латинской Америки? К изучению каких тем, на Ваш взгляд, следует обратиться, чтобы содействовать выходу российской латиноамериканистики из международной изоляции?

Социология, культурология, антитеррор, история, политическая интеграция. Современная экономика региона, насколько я могу судить, в России более или менее изучена - мне попадались хорошие исследования по Чили, Бразилии, Аргентине, Перу. А вот что касается остального - есть большие пробелы. Я бы рекомендовала изучить новейшие социологические, гендерные и расовые исследования, историю культуры интересующих стран, нормальные источники по истории региона и истории политических партий. Обязательно нужно посмотреть на интеракционные структуры как прошлого, так и настоящего, узнать историю территориальных конфликтов и претензий, перспективы интеграционных процессов - опять же, без каких-либо идеологических заморочек. Например, многие интернет-пользователи, интересующиеся регионом, знают блок ALBA (потому что он "против Америки"), что-то слышали об объединении MERCOSUR, но ничего не знают об Alianza del Pacífico (потому что он "проамериканский", "неолиберальный" и прочее).

В современной России, к сожалению, крайне мало или практически неизвестны достижения в сфере общественных, социальных, экономических, политических и исторических наук интеллектуалов из стран Латинской Америки. Не могли бы Вы назвать несколько наиболее заметных и ярких, на Ваш взгляд, событий, фигур, связанных с развитием упомянутых наук в Латинской Америке? Что из указанного, на ваш взгляд, могло бы стать полезным для России и развития российской латиноамериканистики?

Да, такая проблема есть. Дело в том, что латиноамериканские интеллектуалы в основном занимаются проблемами региона и чаще выступают на родном испанском или португальском языке, а не на английском. Отсюда некоторая "отчужденность" Латины. Из известных российскому читателю следует, конечно, назвать перуанцев Эрнандо де Сото и Марио Варгаса Льосу. Из видных философов и социологов следует назвать колумбийца Сантьяго Кастро-Гомеса, перуанца Миро Кесада, кубинца Хорхе Домингеса (ныне гарвардского профессора) и аргентинца Вальтера Миньоло. Рикардо Лопес Мерфи - блестящий аргентинский экономист, социолог и политик, нынешний президент международной сети RELIAL, мой хороший друг, кстати. Николас Маркес - исследователь ультралевого и антикоммунистического террора в Аргентине, специалист по перонизму и современным левым авторитарным режимам континента. Эрнан Бучи и Хосе Пиньера, создатели чилийской пенсионной системы,

очень видные новаторы-экономисты. Эрта Паскаль Труйо, выдающаяся женщина, первой в истории занявшая пост Временного президента Гаити - страны крайне патриархальной и агрессивно относящейся к женщине, играющей "нетрадиционную" гендерную роль. Группа технократов и интеллектуалов, которая сложилась вокруг гондурасского экс-президента Порфирио Лобо, и которая занималась проектом "чартерного города" в стране, тоже очень интересная. К сожалению, проект так и не реализовали из-за коррупции и традиционалистов в правительстве. Выдающиеся чилийки Мария де ла Крус и Елена Каффарена, сделавшие очень много для эмансипации женщин. Лилиан Тинтори, венесуэльская оппозиционерка и спортсменка, супруга посаженного в тюрьму за оппозиционную деятельность венесуэльского политика Леопольдо Лопеса - тоже очень хорошая. Перечислять можно долго, на самом деле.

Латиноамериканистика в современной России практически не имеет традиций изучения истории, идеологии и современного состояния правых движений и партий в Латинской Америке. Какие перспективы, на Ваш взгляд, открываются перед отечественными исследователями региона, если они обратятся к изучению указанной проблематики? Применим ли политический и экономический опыт латиноамериканской правой в современной России и, если да, то в каких направлениях он мог оказаться наиболее эффективным?

Перспективы огромные. Правда, американские исследователи уже прилично "истоптали" это поле. Но перед русскоязычным исследователем, конечно, откроется новый мир. Латиноамериканская правая политика это очень разнообразное и любопытное явление, зачастую не имеющее ничего общего с пропагандой, которую про нее бесконечно транслируют. Это могло бы дать хороший толчок для развития российской политологии, которая пребывает в очень плачевном состоянии.

Насчет латиноамериканского опыта... Разумеется, он может быть полезным для России. И в вопросах интеграции, и в вопросах перехода от этатистской экономической модели к частной (увы, после недолгого периода это опять стало актуально), и в вопросах создания гражданских институтов и реальной демократии, в рамках которой люди могут открыто выражать свой протест и даже менять правительство.

Российские латиноамериканисты традиционно идеализируют как левые движения, так и левые режимы в Латинской Америке. С

другой стороны, известно, что их реальные экономические «достижения» являются более чем спорными, а политика может содействовать ограничению демократии. Как вы оцениваете «успехи» левых в Латинской Америке, устойчивы ли их режимы, каковы перспективы их развития в контексте эрозии и демократизации или постепенной консервации и стагнации?

Ну прежде всего следует сказать, что социализм работает крайне плохо. Как и большинство других этатистских моделей, в рамках которых собственность принадлежит государственным или преимущественно государственным структурам.

Рассказы об успехах левых, как правило, сильно преувеличены, либо представляют из себя обычную пропаганду. Например, я регулярно встречаю информацию об "успехах" аргентинского правительства, тогда как реально Аргентина - это двухнедельные отключения света, неспособность справиться с проблемой вывоза мусора в регионах, огромная безработица, невероятная коррупция и постоянное существование на грани дефолта. А с недавних пор - еще и политические убийства; я о "деле Нисмана", разумеется. Во всем этом, разумеется, "виноваты" все, от США и Европы до Бразилии и оппозиции, только не правительство и президент. Ну это всегдашняя логика левых: "Вот бы уничтожить всех конкурентов и посадить всех, кто не согласен с нами - тогда и заживем!". При этом режим Киршнер в Аргентине еще относительно вменяемый - по крайней мере, в стране действует оппозиция, есть относительная свобода слова, полиция приличная. Если же говорить о Венесуэле, которая, насколько я знаю, в российской пропаганде часто представляется едва ли не образцовым союзником, то там творится просто ад. Еще недавно страна чуть не вырвалась в первый мир, а сегодня она больше напоминает какие-то африканские образцы.

Я довольно много общаюсь с беженцами из Венесуэлы, хорошо знакома с деятелями тамошней оппозиции, знаю жен Антонио Ледесма и Леопольдо Лопеса, поддерживаю кое-какие контакты с военными и журналистами, которых увольняют за "неправильную политическую позицию". Картина очень безрадостная, страна реально превратилась в помойку, где убийства протестующих происходят постоянно, девушек-активисток насилуют, причем это выдается либо за криминальные разборки, либо за самодеятельность colectivos - чавистско-мадуровских ячеек, отвечающих за "партийную работу на местах". В стране постоянно пасутся боевики и руководители FARC из соседней Колумбии, и при этом венесуэльское руководство имеет наглость обвинять колумбийское

правительство в "подготовке терактов против Венесуэлы". Экономика убита, "народная система образования" штампует зомбированных идиотов. Шансов на будущее у боливарианского режима нет.

Другие левые правительства - боливийское, эквадорское и прочие - становятся все более авторитарными. В Боливии вот Моралес пошел на третий срок, в Эквадоре тоже идет преследование оппозиции, хотя и не такое серьезное. Я не думаю, что у этих режимов есть перспективы. Насколько долго они просуществуют? Думаю, настолько, насколько долго им позволят люди. Венесуэльцам, думаю, осталось уже недолго страдать - там протесты происходят постоянно, оппозиционные структуры действуют за рубежом. Было бы, конечно, лучше, если бы оппозиции помогали другие страны - те же Колумбия, или США. Но колумбийское руководство сейчас изменилось, ушел Урибе, а президент Сантос занят важнейшей проблемой - как бы легализовать и протащить в правительство FARC и перераспределить столь выгодный наркотрафик. Про внешнюю политику США говорить даже не хочется. По-моему, кабинет Обамы может претендовать на статус самого некомпетентного в истории страны.

Относительно демократические и демократические левые страны, типа Аргентины и особенно Уругвая и Бразилии, продержатся еще какое-то время. Тут, впрочем, надо заметить, что Бразилия это богатая страна с собственным политическим стилем, и она не столько "идейно левая", сколько хитро-популистская. В какой-то момент дискурс Лулы и Дилмы заменят на что-то более проамериканское, как только это станет выгодно. Важно понимать, что Бразилия создает политические дискурсы на континенте, в частности, она серьезно подмяла под себя левые движения через тот же Foro de São Paulo, и она уже давно претендует как минимум на абсолютное региональное лидерство. Если для достижения этого лидерства нужно будет изменить вектор и опять стать проамериканской - Бразилия это сделает достаточно легко. Против Дилмы, кстати, там тоже постоянно идут протесты.

Аргентина в XX веке показала удивительную способность погружаться все глубже в коррупцию и инфляцию, при этом удерживаясь на плаву, так что вряд ли что-то изменится.

Уругвай очень милая и благополучная страна, социально вполне либеральная и абсолютно не авторитарная; думаю, с ним не случится ничего плохого. К тому же он до сих пор проводил довольно взвешенную политику.

Современная внешняя политика России навязчиво занимается поисками новых друзей и союзников в Латинской Америке в

условиях ухудшения отношений с западным миром. Как Вы оцениваете перспективы подобной политики? Насколько формальные «союзники» РФ в Латинской Америке от Венесуэлы до Аргентины используют ее для решения своих собственных задач и к чему подобная политика может привести?

Шансы оцениваю как незначительные. Россию не рассматривают как серьезного международного игрока. От нее хотят благ и помощи, но всерьез к ней не относятся. Ну... может, Ортега относится, по старой памяти - он же старый сандинист, социалист тогдашней закваски и прочее. Но Никарагуа ничего не решает.

Венесуэла "хорошо относится" к любой стране, которая ее поддерживает, в т.ч. финансово и в военном отношении. Россия помогала и Чавесу, и Мадуро, поэтому венесуэльское руководство хорошо относится к ней. Но нужно совершенно не знать историю, чтобы считать, что дружеские отношения между РФ и латиноамериканской страной - это надолго. Ну уберут завтра-послезавтра Мадуро, придет на его место кто-то из оппозиции - и Россия вылетит из списка друзей и партнеров. Бразилия давно преследует сугубо свои интересы. Аргентина лелеет надежды, но и у киршнеристов, и у основных оппозиционеров из PRO куда более серьезные завязки с Китаем (у PRO - еще и со Штатами). У меня лично нет сомнений, чью сторону Аргентина выберет, если ее начнут "делить" Москва и Пекин. Не российскую.

Россию используют сугубо в своих интересах даже не крупные восточноевропейские партнеры - Венгрия, Сербия; что же говорить о странах Латинской Америки, для которых Россия - это просто одна из абстрактных далеких стран?

Теоретически Россия может начать вновь "покупать" союзников, как это делал СССР. Но это крайне бесперспективно. Я всегда в таких случаях привожу очень яркую ситуацию с Боливией. В 1970 там пришел к власти просоветский лидер Хуан Хосе Торрес, который наладил тесные отношения с СССР, Болгарией, Кубой и ГДР, задружился с перуанцем Веласко Альварадо и чилийцем Сальвадором Альенде, начал национализировать американские предприятия, разогнал все прозападные организации, ввел цензуру, в общем - типичная картина для того времени. СССР отреагировал очень позитивно - заявил, что покупает у Боливии олова на восемь миллионов долларов. Далее СССР предоставил Боливии крайне выгодный кредит на 27 500 000 долларов, а потом подписал с ней торговое соглашение. Боливийцы очень обрадовались такой щедрости, в прессе пошли материалы с названиями, типа «Выгодные условия русского

кредита», пресса и политики с восторгом клялись в преданности социализму и договорам с Союзом. Потом СССР наладил и профинансировал работу боливийского ТВ. Боливийцы в знак признательности зачастили с визитами на Кубу, проголосовали в 1971 против заключения Межамериканской конвенции по борьбе с терроризмом, которую в регионе проталкивали Бразилия, Аргентина и Парагвай, и вошли в Андский пакт, по которому получили за счет Перу и альендевской Чили (и косвенно через СССР, помогавший Перу) множество преференций и льгот. Также в Боливии принимали группу армянских танцоров из СССР. Такой была боливийская взаимность. Но самое смешное началось позже.

Уже в 1971 году "просоветское" правительство свергли, и к власти пришел Уго Бансер, человек весьма антикоммунистических взглядов. Однако он был очень хитрым политиком, а потому глава МИД Боливии Марио Гутьеррес сразу же направил в советское посольство ноту, в которой выражал надежду на продолжение «сердечных отношений дружбы», которые существовали между странами, и продолжил риторику предыдущего правительства. За период 1971-1973 Боливия выбила у СССР оборудования и машин на 19 млн. долларов в счет кредита, полученного еще старым, социалистическим правительством. Также Бансер умудрился «выдоить» из СССР оборудование и постройку установки для обогащения оловянных руд. СССР продолжал покупать боливийское олово и цинк по завышенным ценам, принятым опять же во времена президента Торреса. В 1972 году Боливия выслала большое количество сотрудников советского посольства и советских специалистов, при этом умудряясь выбивать деньги и оборудование из Союза.

Думаю, что картина ясна. Купить какое-то левое правительство можно, благо они чаще всего более или менее коррумпированные. Но это не приведет к каким-то серьезным результатам.

Начиная с 2014 года российские СМИ активно культивируют образ Латинской Америки как пророссийского и антиамериканского региона. Некоторые российские эксперты и аналитики открыто ностальгируют относительно советско-латиноамериканского сотрудничества и позитивно оценивают антиамериканские и антилиберальные движения в некоторых странах региона. Насколько соответствует латиноамериканским реалиям подобная схема, предложенная российскими сервиллистскими СМИ? Какова реальная роль политиков и экспертов либеральной и нелиберальной ориентации в Латинской Америке? Какие идеи они могли бы предложить российским коллегам?

Российские СМИ и политологи продолжают развивать советскую wappabe-колониалистскую парадигму, в рамках которой "развивающиеся страны" не имеют собственной субъектности и способны только на бинарное мышление - либо они за "наших", либо за "фашистов-империалистов". Это, конечно, не так.

Во-первых, большинство стран Латины уже не те, что были в 70-80-е годы. Сегодняшние Чили, Колумбия, Бразилия, даже Перу довольно крепко стоят на ногах и "продаваться" желанием не горят. Если в 70-е перед Перу стояли фундаментальные проблемы, без решения которых было невозможно развитие в принципе - обеспечение едой, повышение грамотности, урбанизация, потребность в технике и специалистах; то сегодня большинство стран Латины уже не испытывают такой серьезной нужды. Многие "отстающие" страны совершили сильнейший рывок в 90-е: Аргентина при Менеме, Перу при Фухимори. Стран, стоящих на грани гуманитарной катастрофы, в регионе почти нет - разве что Венесуэла, Гаити и наиболее криминализованные государства Центральной Америки (хотя и там ситуация постепенно налаживается).

Во-вторых, многие страны региона имеют собственный взгляд на политику, причем имеют довольно давно - та же Чили вполне успешно следует внешнеполитической и военной стратегии, сформулированной еще президентом Габриэлем Гонсалесом Видела, это 40-50-е годы. Бразилия, Аргентина тоже имеют собственный взгляд на свою судьбу и стратегию развития. Т.е. российские медиа неверно понимают роль антиамериканизма и антилиберализма в Латине. Они полагают, что эти явления напрямую взаимосвязаны с Россией, как раньше они были связаны с СССР. Но это не так. Олевачивание Латинской Америки мало чем поможет России. Даже если произойдет ужасное и полевеет весь континент, то скорее от этого выиграет Китай.

Насчет реальной роли. Зависит от страны. В Бразилии либералы играют весьма значительную роль. В Чили, Перу, Мексике и Колумбии - тоже. В Центральной Америке роль правых либералов тоже традиционно высока. Парагвай - аналогично. Экономически правые очень сильны. "Неолиберальный" Тихоокеанский Альянс экспортирует на 60% больше товаров, чем Меркосур, а его совокупный ВВП составляет 36% от всего латиноамериканского ВВП. А Тихоокеанский Альянс - это всего четыре страны - Чили, Перу, Колумбия и Мексика. Роль либералов снижена в странах с авторитарными левыми режимами, где их либо убивают, либо сажают по выдуманым причинам, как происходит в Венесуэле и отчасти Боливии.

**«Мой приход в латиноамериканистику был предопределен»:
интервью с болгарской исследовательницей Латинской
Америки доктором Элеонорой Пенчевой**

С чем был связан Ваш приход в латиноамериканистику, латиноамериканские студии? Что подвигло Вас к изучению региона Латинской Америки? Можете ли Вы назвать интеллектуальные стимулы или авторитеты, стимулировавшие (стимулирующие) Ваш интерес к региону и вовлеченность в латиноамериканистское сообщество?

Мой приход в латиноамериканистику был предопределен – я не могла быть математиком, например. Я верю в теории о перерождения духа человеческого. Каждой раз когда я бываю в латиноамериканской стране (особенно – в Мексики и Перу) я чувствую как там очень многое мне знакомо. Мне была очень близка и практика нагвали и это отразилось в моих научных изысканиях и исследованиях.

Латиноамериканистика, как форма гуманитарных исследований, в России развивается, начиная с конца 1960-х годов. Оцениваете ли Вы предшествующие годы как удачные и продуктивные для российской латиноамериканистики или полагаете, что латиноамериканские студии пребывают в кризисе, находясь под влиянием застарелых левых идеологических клише и схем?

Почему именно «русскую школу?». Не следует забывать и других странах. Мир не черно-белый. Надо брать все позитивное и полезное из советской школы. Даже когда была идеологическая пристрастность и когда левая антиимпериалистическая риторика была слишком пафосна, исследования проводились через призму человека, а их авторы искали пути как изменить мир, чтобы все люди были и богатыми и счастливыми. Даже когда причины для бедности и эксплуатации были слишком односторонними («виноваты только США и капитализм») в основе исследования был гуманный взгляд на события, а универсальной призмой исследования была человеческая судьба.

Латиноамериканистика развивается в странах Северной Америки и Западной Европы. В последние годы в мире, в интеллектуальном сообществе доминирует англоязычная латиноамериканистика.

Американские авторы демонстрируют традиционно высокие рейтинги цитирования. Как Вы полагаете, что в теоретическом, методологическом и организационном плане может и могла бы позаимствовать современная российская латиноамериканистика из западных Latin American Studies? Почему не происходит диалога между российскими и преимущественно англоязычными западными латиноамериканистами?

Сегодня у нас есть горький опыт за последние 25 лет – «новый мировой порядок» уже не так привлекателен. Мы поняли агрессивную природу неолиберализма; поняли, что рынок не решает все проблемы и не создает демократии. Видим, что мир уже переделан и изменен. Бывшие колониальные страны, которые давно устроили свои богатые общества, своя демократия, хотят уже не колонии, а глобальные ресурсы. У них и деньги и возможности. И что бы присвоить ресурсы планеты, чтобы умножить свои *прибыли*, они не могут быть совсем гуманные, справедливые, благородные, даже честные. Если сейчас мы занимаемся политическим и экономическим анализом через призму человека, то понимаем – все наши теории не могут сделать большую часть человечество счастливее.

Формально латиноамериканистика в России является наукой, но по целому ряду направлений близка к политической идеологии. Какую бы научную повестку для Вы предложили бы российскими исследователям Латинской Америке? К изучению каких тем, на Ваш взгляд, следует обратиться, чтобы содействовать выходу российской латиноамериканистики из международной изоляции?

Западные исследователи часто предлагают только одно видение развития проблемы - *Новый мировой порядок*. Но у нас фактически уже два *мировых порядка*: мы видели, куда ведет дорога идеологического пристрастия и одурманивание. Мы знаем что это - манипуляция общественного мнения. Мы понимаем, что любая элита - феодальная, капиталистическая, социалистическая - хочет власт и контроль над массами. Власть всегда старается *атомизировать* общество, чтобы легко управлять им. Почему массы поддаются контролю? *Это надо исследовать*. Когда живешь в богатой стране воспринимаешь все людей в бедных странах как неудачников... Твое государство дает тебе возможности быть богатым и тебя не интересуют причины этого. Когда живешь в бедной стране, то видишь *исторические причины* за последние 4 века.

Латиноамериканские страны стали просыпаться – от них многое зависит в этом мире, но надо менять экономические и финансовые условия. И они делают свои попытки, пробуют возможности относительно самостоятельного регионального рынка. Это не антиглобализм – это попытка изменить условия развития. Это возможность увеличить свое производство не на глобальном уровне, так догнать США невозможно, а на региональном, т.е. более реальном уровне.

В современной России, к сожалению, крайне мало или практически неизвестны достижения в сфере общественных, социальных, экономических, политических и исторических наук интеллектуалов из стран Латинской Америки. Не могли бы Вы назвать несколько наиболее заметных и ярких, на Ваш взгляд, событий, фигур, связанных с развитием упомянутых наук в Латинской Америке? Что из указанного, на ваш взгляд, могло бы стать полезным для России и развития российской латиноамериканистики?

Проблема не в цитировании, а в том, что мы цитируем... Надо менять сознание через высшие человеческие ценности, а не через прибыль. Латиноамериканцы уже ищут свои варианты развития. И нам должно хватить мудрости и человечности, чтобы изменить мир и сделать его более совершенным. И должны начать с себя... Если мы еще верим, что можно и нужно развивать высшие, духовные, человеческие ценности: честность, щедрость, сострадание, взаимопомощь, щедрость, великодушие, благородство – начнем с себя. И тогда поймем как изменить мир.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Коларов

Проблемы завершения гражданской войны в Гватемале

Политический переворот 1954 года привел к началу гражданской войны в Гватемале. Автор анализирует проблемы завершения гражданской войны в Гватемале. Особое внимание уделено политическим процессам, политической динамике, перспективам урегулирования конфликта и развития страны.

Ключевые слова: Гватемала, политические процессы, гражданская война

The political coup of the 1954 led to the beginning of the civil war in Guatemala. The author analyzes the problems of the civil war completion in Guatemala. The particular attention is paid to the political processes, political dynamics and prospects of conflict settlement and development of the country.

Keywords: Guatemala, political processes, civil war

Гватемальская партия труда (ГПТ), после переворота в 1954 году, положила начало самой старой партизанской войне в Латинской Америке. В 1960 году партия подготовила вооруженное восстание, подавленное с помощью американцев. Партизанское движение развивалось по восходящей до 1964 года, когда вследствие внутренних разногласий в нем появляются ультралевые – троцкистские и маоистские фракции. Тогда в стране действовали пять левосектантских паравоенных организаций с 3000 бойцами. Их руководители характеризовали один другого как «агенты империализма», «ревизионисты», «оппортунисты». Доктрина ГПТ начала меняться от изоляционистской по отношению к другим левым силам к созданию единого фронта против олигархии и реакционной военщины. В тезисах, принятых на Национальной партийной конференции в 1966 году, отмечается, что «для успеха революционной борьбы нужна как консолидированная марксистско-ленинская пролетарская партия, так и широкое народное движение. Речь не идет об организации параллельной партии, а о концентрической части в отношении нашей партийной организации».

После конференции, однако, расщепление революционного движения продолжалось. Под руководством ГПТ созданы новые революционные вооруженные силы. На IV партийном конгрессе в 1966 году постановили, что революция в стране будет иметь характер тотальной, кровопролитной борьбы, и приняли популярную во всей Латинской Америке концепцию «гера популар пролонгада» (продолжительная народная война). Это война

масс, так как их широкое участие гарантирует победу. Она осуществлялась через самые разнообразные формы: легальные и нелегальные, экономические, политические, военные и другие. Продолжительный характер определяется множеством причин, важнейшие из которых следующие: неблагоприятное соотношение сил в момент начала восстания, прямое и усиливающееся вмешательство империализма, которое может дойти до открытой военной интервенции, недостаточная консолидация субъективного фактора, отсталость демократического движения, отсутствие единства в его рядах.

Эта концепция проявилась в Кубинской революции и в подъеме революционного движения в регионе после нее. Она официально одобрена на третьем совещании латиноамериканских коммунистических руководителей в Гаване в 1964 г. Ее воплощение затруднялось наступившим конфликтом между коммунистами региона, вследствие конфликта между КПСС и ККП. Восприятие со стороны ГПТ тактики единого фронта повлияло на опыт и позицию компартий в Латинской Америке. В соответствии с ней в 1971 г. началось сближение с отделившимся партизанским движением. В 1973 г. был достигнут общественный политический союз вопреки существующим противоречиям. Движение, естественно, сохранило свою самостоятельность. Оно активизировалось в 1978 г., когда военная диктатура попала в глубокий кризис, и отняло у ГПТ ее авангардную роль в революции. Партийное руководство сделало выводы из этого факта, главные из которых: «взаимное дополнение между вооруженными и невооруженными формами борьбы: необходимость работать везде, где есть массы, которые являются родником революционного творчества и опыта; отказ от доктринерских схем; использование любой возможности для легального волеизъявления».

По этим вопросам наступают разногласия с революционными движениями, которые саботируют единство между ними. Партизанские руководители опирались преимущественно на индивидуальный террор и считали легальные формы борьбы потерей времени и средств. Так как единство революционного движения продолжает развиваться и углубляться, пока в то время ГПТ снова начала впадать в изоляцию, она делала новые попытки для сближения революционных движений. Ее руководитель Карлос Гонсалес заявил: «Мы, коммунисты, готовы признать наши недостатки и не можем отрицать заслуги других. Мы ожидаем, что то же самое сделают и они, чтобы не было стремления ставить интересы собственной организации впереди интересов гватемальского народа». Партийное руководство отказалось от претензии на авангардную роль в революции. До полного единства не дошло, хотя была установлена

координация и прагматичное сотрудничество. Революционное движение в Гватемале оказалось в такой ситуации, в которой не может завоевать власть и армия не в состоянии уничтожить его. Так дошло до перемирия конца 1996 года, когда партизаны сложили оружие и вошли в политику. Их депутаты в Национальном конгрессе до сих пор остаются в меньшинстве.

5 января начинается очередной судебный процесс против бывшего диктатора Гватемалы Хосе Эфраина Риоса Монтта, во время правления которого погибло 250 000 людей, а еще больше пропало без вести. Среди них было много индейцев. В 2013 году он получил 80 тюрьмы за преступления, совершенные на президентском посту (50 лет за Геноцид против гватемальского народа и 30 лет за преступления против человечества). 88-летний возраст бывшего диктатора стал причиной отмены приговора по состоянию здоровья Конституционным судом. Тогда дело было перенесено на этот год.

Оба приговора были основаны на докладе «Геноцид в Гватемале», изданном в 2013г. Международной Федерацией по Правам Человека. В нем антропологи, историки, социологи объединились в мнении, что расизм в стране, в периоде правления генерала, перерос в геноцид.

Надо упомянуть, что антикоммунистические установки Хосе Эфраина Риоса Монтта дали ему возможность пользоваться полной поддержкой президента США Рональда Рейгана. Во времени своего визита в Гватемале, он заявил: «Президент Риос Монтт – человек большой личной честности и обязательства. Он хочет улучшить качество жизни для всех гватемальцев и укрепить социальную справедливость».

Проблемы истории бразильского натурализма («Плоть» Жулиу Рибейру в контексте европейских и бразильских влияний)

Автор анализирует проблемы натурализма в интеллектуальной истории Бразилии. Натурализм в бразильской литературе стал результатом французских культурных, интеллектуальных и литературных влияний. Интеллектуалы в поздней Бразильской Империи содействовали национализации натурализма. Роман Жулиу Рибейру «Плоть» признан как один из самых натуралистических текстов в бразильской литературе. Жулиу Рибейру актуализировал проблемы сексуальных отношений и либерализации подавленной феминности. Роман содействовал также фетишизации науки, ревизии старых социальных ролей и идентичностей, развитию новых идентичностей.

Ключевые слова: бразильская литература, европейские влияния, натурализм, французский натурализм, Шарль Бодлер, «*Une Charogne*», бразильский натурализм, Жулиу Рибейру, «Плоть»

The author analyzes problems of naturalism in intellectual history of Brazil. Naturalism in Brazilian literature was the result of French cultural, intellectual and literary influences. The intellectuals in the late Brazilian Empire assisted to nationalization of Naturalism. The novel of Julio Ribeiro "Carne" is recognized as one of the most naturalistic texts in Brazilian literature. Julio Ribeiro actualized problems of sexual relations and liberalization of the repressed femininity. The novel also led to fetishizing of science, revision of an old social roles and identities, development of new identities.

Keywords: Brazilian literature, European influences, naturalism, French Naturalism, Charles Baudelaire, "Une Charogne", Brazilian naturalism, Julio Ribeiro, "Carne"

Бразильская культура, в частности – литература [17], на протяжении 19 и 20 столетий развивалась в контексте европейских культурных традиций. Подобная ситуация стала следствием специфики исторического процесса в этой стране, которая исторически существовала в контексте европейской культуры. Формой, точнее – региональной вариацией европейской культуры, которая утвердилась в 19 столетии на территории Бразильской Империи, стала португальская культура. В подобной ситуации интеллектуалы в Империи не развивались в состоянии культурной и духовной изоляции, а саму культуру Бразильской Империи не следует воспринимать как региональную версию португальской или некую периферийную форму европейской культуры.

В 19 веке, в условиях развития национализма и становления уникальной версии бразильской имперской идентичности, местная культура перестала быть региональной, постепенно трансформировавшись в национальную, а бразильские интеллектуалы предложили оригинальные тексты, которые стали сферой как функционирования, так и воспроизводства бразильской национальной и политической идентичности.

В 19 столетии бразильская идентичность существовала и развивалась именно в текстуализированных формах, что было для этого века не только неизбежно, но и совершенно естественно: число потребителей и носителей подобной идентичности, которая формировалась в рамках «высокой культуры», было в значительной степени ограниченным.

Культурный класс в Империи численно был невелик, а в своих культурных тактиках и стратегиях его представители ориентировались на европейских авторов. Несмотря на общий невысокий уровень развития трансатлантических коммуникаций – культурные и интеллектуальные связи между бразильскими и европейскими авторами оказались более развитыми и устойчивыми, чем связи в сфере, например, экономики или военного сотрудничества. Ситуация для 19 века была вполне естественной, так как иных культурных и интеллектуальных ориентиров Бразильская Империя просто не имела, а США на том этапе были не в состоянии предложить какую бы то ни было альтернативу, так как находились в культурно близком к Бразильской Империи состоянии, будучи в большей степени заняты поисками и попытками построения собственной идентичности.

Таким образом, на протяжении всей истории Бразилии в рамках имперской модели с 1822 по 1889 год, страна пребывала в состоянии естественной зависимости от европейской культуры, но эта зависимость не являлась чем-то пагубным, отрицательным и негативным. Бразильские интеллектуалы не просто копировали европейские модели или слепо следовали за европейскими культурными практиками и стратегиями. Европейский культурный продукт неизбежно интегрировался к бразильский контекст, а европейские веяния в сфере литературы и искусства подвергались переосмыслению и последовательной национализации, трансформируясь в более бразильские.

Подобной ассимиляции в Бразильской Империи подверглись романтизм и реализм, чему в значительной степени содействовали и способствовали тексты Жозе де Аленкара и Мошаду дэ Ассиза [38], усилиями которых в рамках бразильской литературной традиции 19 века сформировался национальный канон романтизма и реализма, хотя последнему было, вероятно, тесно в рамках реалистической литературы и он в значительной степени приблизился к модернизму, хотя это предположение можно воспринимать как попытку переноса современных идентичностей на культурные пространства 19 столетия. Тем не менее, эти пространства живо и оперативно реагировали на европейские культурные предложения и вызовы.

Натурализм, исторически возникший во Франции благодаря деятельности Шарля Бодлера (1821 – 1867) и Эмиля Золя (1840 – 1902), не

стал исключением из этой логики развития бразильской культуры. Начиная с 1857 года, то есть первого издания «Цветов зла» Ш. Бодлера, бразильские интеллектуалы периодически реагировали на натуралистический вызов, что привело к генезису, формированию и последующему развитию бразильской школы в натурализме [19; 21], большинство представителей которой в качестве своего предшественника и идейного вдохновителя были склонны воспринимать Эмиля Золя [25].

Именно ему, как «королю натурализма», посвятил свой роман «Плоть» [26] признанный бразильский натуралист Жулиу Рибейру [6; 53], предпослав тексту пространное посвящение, написанное на французском языке: «A. M. Emile Zola. Je ne suis pas téméraire, je n'ai pas la prétention de suivre vos traces; ce n'est pas prétendre suivre vos traces que d'écrire une pauvre étude tant soit peu naturaliste. On ne vous imite pas, on vous admire... Ce n'est pas l'Assommoir, ce n'est pas la Curée, ce n'est pas la Terre, mais, diantre! Une chandelle n'est pas le soleil, et pourtant une chandelle éclaire. Quoi qu'il en soit, voici mon oeuvre... St. Paul, le 25 janvier 1888 Jules Ribeiro» [58] («Г-ну Эмилю Золя. Не дерзаю идти по Вашим стопам; я лишь осмеливаюсь, следуя Вашему примеру, написать скромный этюд в духе натурализма. Вам невозможно подражать – Вами можно только восхищаться... Это не «Западня», не «Проступок аббата Муре», не «Земля» – но, черт побери! Свеча – не солнце, но и она светит. Как бы то ни было, вот мое сочинение... Сан-Паулу, 25 января 1888 Жулиу Рибейру» [71]).

В целом, европейские интеллектуальные влияния на бразильский натурализм [70], замеченные и принятые уже в 1890-е годы [24], признаются большинством исследователей, хотя число работ, посвященных данной проблеме, продолжает оставаться незначительным. Поэтому, в центре авторского внимания в данной статье будут как проблемы интеллектуального влияния европейской культурной и интеллектуальной традиции на бразильский интегрализм, так и специфика, проявления и особенности развития натурализма в бразильском культурном контексте.

Генезис европейского натурализма был связан с деятельностью Шарля Бодлера, автора поэтического сборника «Цветы зла» (1857), идеи которого оказались созвучны с культурными и литературными тенденциями в Латинской Америке, в том числе – и в Латинской Америке. Одно из стихотворений, «Падалъ», вошедших в сборник, хорошо изучено и описано в историографии – поэтому, в данном контексте нас интересует только то, как настроения, представленные в этом тексте, соотносились с культурными, интеллектуальными и, вероятно, политическими тенденциями в Бразильской Империи. В качестве иллюстрации приведем два фрагмента

из «Падали» Шарля Бодлера во французском оригинале [13] и португальском переводе [12]:

Rappelez-vous l'objet que nous vimes, mon ame,
Ce beau matin d'ete si doux:
Au detour d'un sentier une charogne infame
Sur un lit seme de cailloux,

Les jambes en l'air, comme une femme lubrique,
Brulante et suant les poisons,
Ouvrait d'une facon nonchalante et cynique
Son ventre plein d'exalaisons.

Le soleil rayonnait sur cette pourriture,
Comme afin de la cuire a point,
Et de rendre au centuple a la grande Nature
Tout ce qu'ensemble elle avait joint

[...] Et pourtant vous serez semblable a cette ordure,
A cette horrible infection,
Etoile de mes yeux, soleil de ma nature,
Vous, mon ange et ma passion!

Oui! telle vous serez, o la reine des graces,
Apres les derniers sacrements,
Quand vous irez, sous l'herbe et les floraisons grasses,
Moisir parmi les ossements

Alors, o ma beaute! dites a la vermine
Qui vous mangera de baisers,
Que j'ai garde la forme et l'essence divine
De mes amours decomposes!

Lembra-te, meu amor, do objeto que encontramos
Numa bela manhã radiante:
Na curva de um atalho, entre calhaus e ramos,
Uma carniça repugnante.

As pernas para cima, qual mulher lasciva,
A transpirara miasmas e humores,
Eis que as abria desleixada e repulsiva,
O ventre prenhe de livores.

Ardia o sol naquela pútrida torpeza,
Como a cozê-la em rubra pira
E para o cêntuplo volver à Natureza
Tudo o que ali ela reunira [...]

[...] Pois há de ser como essa coisa apodrecida,
Essa medonha corrupção,
Estrela de meus olhos, sol da minha vida,
Tu, meu anjo e minha paixão! Sim!

Tal serás um dia, ó deusa da beleza,
Após a bênção derradeira,
Quando, sob a erva e as florações da natureza,
Tornares afinal à poeira.

Então, querida, dize à carne que se arruína,
Ao verme que te beija o rosto,
Que eu preservarei a forma e a substância divina
De meu amor já decomposto!

Известно, что текст «Падали», центральной фигурой в котором стал труп мертвой лошади, привлекающий мысли героев и понуждающий их к рефлексии и размышлению, построен в форме монолога героя-мужчины в отношении формально невидимой героини, к которой обращены его мысли, граничащие с облечением. Мертвая плоть в тексте символизирует постепенно умирающую форму политического устройства, архаичные формы культуры, в большей степени соотносимые со старой «высокой культурой», а насекомые, в свою очередь ее пожирающие, стали символом будущего культурного и политического разнообразия, ставшего следствием кризиса и падения более ранних и, как следствие, архаичных, культурных форм и предпочтений. В целом, вердикт Шарля Бодлера в отношении старой культуры, архаичных культурных традиций нельзя назвать оптимистичным, так как он предрекал ей медленное умирание и неизбежную смерть.

Подобные настроения оказались востребованными не только в Европе, но и за ее пределами, в Бразильской Империи, где местные бразильские интеллектуалы читали Ш. Бодлера и Э. Золя, постепенно интегрируя его идеи в бразильский политический и культурный контекст, что привело к появлению не только многочисленных переводов, но и оригинальных исследований, посвященных не только проблемам истории переводов [1; 42 – 44; 54; 69], восприятия Ш. Бодлера в Бразилии [2; 27; 36], роли натурализма в бразильском культурном и литературном контексте, его месту в генезисе модернизма [57] (и даже марксизма [23; 63] как в политическом, так и интеллектуальном плане), проявлениям в бразильской литературе [62], но и бразильско-французским литературным параллелям [43], роли его текстов в генезисе культурных перемен, в частности – в возникновении модернизма [32].

Анализируя феномен бразильского натурализма, который сравнительно быстро занял устойчивые позиции в литературной жизни поздней Империи [67], ее интеллектуальном и культурном пространстве, некоторые бразильские интеллектуалы [33; 60] склонны акцентировать внимание не только на исключительно французском интеллектуальном влиянии (хотя тема французских пластов [45 – 50] в генезисе бразильского натурализма продолжает оставаться стабильно популярной), но на факторе привнесения этого метода в бразильский культурный контекст, но на вкладе бразильских интеллектуалов в натурализм в целом, полагая, что бразильские писатели 1870 – 1890-х годов и более поздние кинематографисты 1970 – 2000-х годов не были простыми имитаторами, но являлись оригинальными мыслителями, а бразильский натурализм стал составным элементом большого натуралистического дискурса в западной культурной традиции и в культуре постмодерна.

В целом, генезис бразильского натурализма связывается с французским влиянием преимущественно на Алуизиу Азеведу [59], в тени которого вынужденно пребывают другие бразильские натуралисты, хотя признается влияние со стороны прочих континентальных европейских литератур, например – русской [34; 35]. В бразильской историографии имеют место попытки написания истории бразильского натурализма в различных системах координат – не только нормативной историографии в рамках преимущественно событийной парадигмы, но и в контексте междисциплинарных интерпретаций, например – в контексте социальной истории [61].

Поэтому уже в конце 1980-х годов бразильскими интеллектуалами, которые изучали феномен натурализма, были предприняты попытки деконструкции и ревизии более ранних версий истории этого течения. В

частности, Н. Фариа [30] был поставлен вопрос о фрагментированном и множественном, фактически плюралистическом характере натуралистического опыта в Бразилии, который был представлен на одном условным идеально вообразенным, изобретенным и интегрированным в исторический контекст и канон бразильском натурализме, но множественном натурализме с его частными, социальными и региональными формами и версиями, которые отражали гетерогенный характер формирования и развития идентичностей в Бразильской Империи и в ранней Республике.

При этом в бразильской историографии утвердился в значительной степени сфокусированный на отдельных авторах [41], то есть персонифицированный подход к истории натурализма. К 1960-м годам, по оценкам Товареша Бастоша, произведения Ш. Бодлера на португальский были доступны в версиях более сорока переводчиков, а общее количество переводов составило 468 [7]. В целом, бразильская литература воспринимается как реципиент европейских литературных влияний, в том числе – и со стороны Ш. Бодлера [39], но, по мнению бразильских историков, эти влияния достаточно быстро подвергались ассимиляции. «Цветы зла» относительно быстро были переведены на португальский и были частично изданы в Бразильской Империи [18], хотя большая часть бодлеровских переводов [29] в Бразилии вышла только в 20 веке [8; 9; 10; 11].

Представители политического и культурного класса Империи не могли проигнорировать событие столь значимое как творчество Шарля Бодлера [51]. Бразильский критик, Иван Жунквейра, один из наиболее известных переводчиков Ш. Бодлера в Бразилии на португальский язык, подчеркивает, что «Бодлер оказал влияние, возможно, даже больше чем Эдгар Аллан По в создании того, что мы воспринимаем в качестве современности» [52], хотя бодлеровское влияние на бразильскую культуру в большей степени было актуализировано относительно поздно, после падения Империи, а пик его пришелся на необычайно плодотворные для бразильской культуры 1930-е годы. При этом, некоторые авторы [16] полагают, что влияние Бодлера было и некой формой архаизации культурного и литературного пространства в Бразилии, так как поэт в своих текстах проповедовал идеал общества, которое не знало бы классовых и социальных противоречий между угнетателями и угнетенными, буржуазией и пролетариатом, что слабо соотносилось с теми модернизационными и трансформационными процессами, которые начались уже в период Империи.

Влияние Ш. Бодлера на интеллектуалов Бразильской Империи было достаточно разнообразным, проявляясь не только в интересе к его текстам,

попыткам их интерпретации и критического переосмысления, но в непосредственном бодлеровском влиянии на литературу периода Империи. Именно поэтому Империя уподоблялась мертвой лошади, но в бразильской ситуации смерть и умирание Империи были только отдаленной гипотетической перспективой. Тексты Ш. Бодлера были важны как некий культурный код, как символический месседж, который бразильские интеллектуалы воспринимали в качественно другой системе культурных и интеллектуальных координат, прочитывая и интерпретируя как послание, центральным мотивом которого была неизбежность социальных и политических перемен и трансформаций в то время, как биологические и натуралистические подробности были не более чем фоном.

Поэтому натурализм Бодлера в Бразильской Империи обрел не только чисто биологические, собственно – натуралистические, измерения, но и социально-политические уровни. В подобной ситуации в Бразильской Империи натурализм претерпел метаморфозу, связанную с его постепенной интеллектуальной миграцией и перемещением в направлении натуралистического восприятия не отношений между литературными героями и в более широкой перспективе биологическими полами, не фиксирование гендерных ролей, но в понимание, принятие или отрицание тех или иных социальных, экономических и политических отношений.

Бодлеровский подход к отражению / отторжению реальности стимулировал бразильских авторов к переносу на бразильскую почву и в бразильский культурный контекст идей, высказанных Шарлем Бодлером. В контексте этого бодлеровского влияния, вероятно, следует рассматривать роман Жулиу Рибейру «Плоть».

В романе «Плоть» (судьба и репутация которого в бразильской интеллектуальной истории [64; 65] оказалось весьма противоречивой, так как оценки и интерпретации текста варьировались от эротического [22] и порнографического до реалистического и натуралистического), натуралистические мотивы имеют несколько измерений, связанных как с отражением природности, актуализации биологичности, так и попытками поставить под сомнение архаичные традиционные основы общества. В подобной ситуации биологической либерализации предшествует утверждение свободы мысли. Поэтому перед сексуальным освобождением и раскрепощением имело место раскрепощение духовное и приобщение к качественно другим культурным ценностям – в частности, один из героев «Плоти», сын полковника прожил десять лет в Европе, «где только не был: в Италии, в Австрии, в Германии, во Франции. Довольно долго прожил в Англии – учился там у какого-то проходимца, который утверждает, что мы, мол, те же обезьяны» [71]. Вероятно, в силу доминирования подобных

нарративов в «Плоти» в бразильской историографии Жулиу Рибейру обрел репутацию автора, который содействовал десакрализации бразильской литературы [45], ее эмансипации и либерализации [5], постепенному, но последовательному обновлению, деконструкции устаревшего романтического или реалистического дискурса.

Натурализм в подобном контексте актуализировал свои функции, связанные не только с разрушением старых и архаичных культурных моделей, но и с утверждением других качественно новых культурных ориентиров. В подобной ситуации те мотивы и образы, которые служили основой для обвинения в безнравственности, фактически были формой либерализации, своеобразной модернизацией. Натурализм в текстах Ж. Рибейру вскрывает в большей степени социальные проблемы, связанные с трансформациями общества поздней Империи и генезисом перемен. В частности, один из героев романа сетует, что «переусердствовал с воспитанием – дал тебе знаний больше, чем следует. В результате ты поднялась на такую высоту, что оказалась в гордом одиночестве. А ведь женщина создана для мужчины, а мужчина – для женщины. И брак – это необходимость, причем не столько социальная, сколько физиологическая...» [71].

В такой ситуации возникает конфликт поколений, который имеет не просто возрастной, но и гендерный бэк-граунд: общество продолжает оставаться в значительной степени традиционным, идентичности его членов также традиционны, и, поэтому, их роли в большей степени имеют не социальные, классовые или экономические, но биологические основания, легитимность и правильность которых поддерживается и воспроизводится существующей традиционностью. В «Плоти» есть что-то от бодлеровского натурализма «Падали», но в качественно другом измерении. Если у Ш. Бодлера аграрные, традиционные сельскохозяйственные мотивы предстают как рефлексия относительно смерти, но у Жулиу Рибейру зафиксирован несколько иной уровень аграрности, которая еще относительно далека от смерти: «...телеги подъехали к мельницам. Ловкие негры запрыгнули на повозки и начали их разгружать. Через несколько мгновений тростник уже стоял в снопах, перехваченных посередине собственными листьями. В печи под котлами развели огонь, потом открыли шлюз – и вода бурно хлынула на мельничное колесо, которое тут же завертелось – сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Рассекая завязки снопов ловкими ударами тесака, негр-мельник бросил первую партию тростника меж вращающихся цилиндров. Послышался треск раздавливаемых волокон, извергнутые выжимки забрызгали белым темный чердак, где крутились жернова, сок потек по

желобу зеленоватой струей. Описывая дугу, он сливался в большой, бурлящий, булькающий, пенящийся чан...» [71].

Вместо разлагающихся трупов лошадей, герои Ж. Рибейру, наоборот, проявляют заметную активность, но активность эта, с одной стороны, носит некий оттенок предчувствия умирания, его неизбежности, а, с другой, обреченности – поэтому, описания подобной формальной витальности и активности сочетается с качественно иными мотивами, связанными с насилием, но и в этом насилии нет социальных оснований, оно носит преимущественно биологический характер: «...в ней пробудилась жестокость – она щипала креолок, тыкала иголкой или перочинным ножиком в животных, попадавших ей на пути. Как-то раз одна собака не выдержала и укусила ее. А был еще случай, когда Ленита поймала канарейку, залетевшую к ней в комнату, оторвала ей лапки, сломала крылышко, а потом выпустила, от души потешаясь, как изуродованная пташка силится взлететь, взмахивая одним крылом и волоча другое, оставляя кровавые следы на дворе, мощенном камнем...» [71].

Эта склонность к насилию со временем обретает и другие формы: образованную героиню, которая оказывается все больше подверженной биологизации (в этом контексте все атрибуты некой формальной современности – образование, умение читать, интерес к новейшим достижениям науки) являются ничем иным как фоном, в тени или в контексте которого развивается биологизация, точнее – природные начала и инстинкты оказываются более адаптивными, а социальные формальности, нормы и условности утрачивают свое значение. Именно поэтому героиню Ж. Рибейру начинает интересовать насилие над человеком, еще более привлекает ее насилие над мужчиной, над черным рабом – «...раб, которого она избавила от кандалов, действительно сбежал, как и предсказывал полковник. Его изловили, и два метиса привели его, крепко связав ему руки веревкой. Делать нечего, сказал полковник, на этот раз негру надо всыпать по первое число еще и за то, что он злоупотребил доверчивостью Лениты. Ее разбирало жгучее любопытство увидеть, как производится порка, увидеть воочию это легендарное, унижительное, жестокое и в то же время любопытное наказание. Она от души радовалась единственному, может быть, представившемуся ей случаю, с необъяснимым, порочным наслаждением предвкушала вид корчащегося от боли, жалобно кричащего несчастного негра, который совсем еще недавно пробуждал в ней сострадание...» [71].

С другой стороны, негры [14; 15; 20; 31; 66] стали стимулом к развертыванию натуралистического дискурса в бразильской интеллектуальной традиции, гендерной эмансипации [37; 72], биологизации

белых героев в романе, содействуя актуализации именно натуралистического дискурса: «...ее внимание привлекли мягкие отблески на металле, охваченном светом. Она встала, подошла к столу и пристально посмотрела на статуэтку... Эти руки, эти ноги, эти выпуклые мышцы, эти напряженные сухожилия, эта мужественность, эта стать производили на нее сейчас странное впечатление. Десятки раз любовалась она этим анатомическим чудом и изучала его в мельчайших подробностях, из которых складывалось художественное совершенство,— но сейчас она испытывала то, чего никогда прежде не испытывала. Могучая шея, налитые бицепсы, широкий торс, узкий таз, напряженные мышцы статуэтки, все казалось соответствующим пластическому идеалу... ее обуревало стремление к неведомому — неясное, смутное, но настойчивое и острое. Ей представлялось, какое беспредельное наслаждение она бы получила, если бы этот боец бросился на нее, растоптал, избил, разорвал бы ее на кусочки. У нее возникло страстное желание впиться поцелуями в отлитую в бронзе мужскую плоть. Ей хотелось обнять ее и раствориться в ней...» [71], но и эта пространная цитата в значительной мере проникнута элементами культурного и социального расизма.

Биологичность и сексуальность негров [4], о которой идет речь, не является первичной. Она вторична, так как воображается и конструируется белыми героями романа, которым Жулиу Рибейру сам приписывал определенную ограниченность, связанную с подавленной, угнетенной и репрессированной биологичностью. Жулиу Рибейру в «Плоти» в определенной степени продолжает идеи, высказанные ранее Шарлем Бодлером в «Падали» в той лишь разницей, что бодлеровский натурализм в некоторой степени граничит с некрофилией, а Рибейру, наоборот, описывает проявления живой, цветущей биологичности: «как она была прекрасна! Чуть смуглая, высокая, безукоризненно сложенная... Руки и ноги были у нее словно литые, запястья и лодыжки узкие, ладони и ступни аристократически изысканные, ногти на руках и на ногах розовые и необычайно гладкие. Ниже упругих, торчащих грудей тело сужалось, тонкая талия переходила в широкие бедра и твердый, округлый живот, низ которого резко оттенялся густым темным руном. Иссиня-черные волосы коротенькой челкой ниспадали на лоб и прихотливо завивались на затылке. Шея была сильная, идеальной длины, голова небольшая, глаза черные, живые, губы пунцовые, зубы белоснежные, на левой щеке темнела круглая родинка. Лениста удовлетворенно осматривала себя. Собственная плоть сводила ее с ума» [71], хотя и склонен табуировать ее: «внезапно низвергнуться, словно архангел у Мильтона, с небесной выси в земную грязь, ощутить себя уязвленной жалом плоти, изнывать от похоти, точно

невежественная негритянка, точно грязная скотина, точно коза во время течки... Какое падение!» [71].

В подобной ситуации натурализм претендовал в литературе поздней Империи на статус универсальной парадигмы, которая в одинаковой степени подходила для описания как гендерных ролей, так и расовых противоречий, отражая специфику бразильского расизма, развивавшегося как преимущественно социо-культурное явление от того, что в негативном отношении Ленины к неграм [40] не было их биологического неприятия – ей, наоборот, претила ее собственная биологизация, сопоставимая по масштабам с природностью и биологической свободой негров. Кроме этого, подобные формы расизма в «Плоти» актуализированы в контексте насилия над неграми, которое содействовало биологизации и натурализации и, как следствие, либерализации белой героини романа: «Ленину всю трясло от наслаждения. Она побледнела, глаза метали молнии. Ее била лихорадка. Жестокая, ледяная улыбка кривила ей рот, обнажая ослепительно белые зубы и розовые десны. Свист плети, корчи и крики истязуемого, струйки крови опьяняли ее, сводили с ума, доводили до неистовства. Она нервно ломала руки и притопывала ногами. Словно весталке на гладиаторских играх, ей хотелось повелевать жизнью и смертью; хотелось продолжать истязание, покуда жертва не лишится жизни... Она вся дрожала от неведомых прежде ощущений, от болезненного сладострастия. Во рту она чувствовала привкус крови» [71].

Поэтому, формы расизма, которые были описаны Жулиу Рибейру, были биологическом насилием не в отношении негров, это был, наоборот, своеобразный авторасизм белых героев, которые использовали физическое насилие в отношении негров, оправдываемое экономическими и социальными нормами, для собственного биологического и сексуального раскрепощения, которому бразильские натуралисты уделяли особое внимание. Проблемы секса, сексуальности, их маркетизации в форме проституции [45], девиантные и нетрадиционные для 19 века [46; 47] формы сексуального поведения привлекали особое внимание со стороны бразильских писателей натуралистического направления, в особенности – Алуизиу Азеведу [48; 49], что дало возможность более поздним поколениям исследователям констатировать порнификацию [28] как один из составных элементов раннего бразильского натурализма.

Именно натуралисты были среди первых бразильских интеллектуалов, которые придали дискуссиям о сексуальности качественно новый уровень, перенеся формально непристойные темы из португальского фольклора с его общими романскими корнями в плоскость «высокой», классической литературы. В этом контексте натурализм стал одновременно и

универсальной формой неизбежной либерализации и фоном легитимации качественно иных социальных, культурных и гендерных ролей, которые ставили под сомнение безусловное доминирование мужчин, но это сомнение не стало радикальной попыткой пересмотра сложившейся системы социальных и гендерных ролей, так как и сама героиня романа признает, что «неординарная женщина, несмотря на свой могучий интеллект и на все свои познания, оставалась в каком-то смысле обыкновенной самкой. И то, что она ощущала, было не что иное, как вожделение, органическая потребность в самце» [71].

В этом контексте Жулиу Рибейру становится продолжателем Шарля Бодлера, развивая настроения, характерные для «Падали» [71] с той лишь разницей, что у Бодлера герой-мужчина утверждает непристойную функциональность женщины, а героини Рибейру последнюю констатируют сами. Насилие над черным рабом для Ж. Рибейру – только фон – фон утверждения новых форм доминирования, переход от доминирования Ленины как госпожи черного Раба к качественно другим ее характеристикам, связанным с возможным доминированием над белым мужчиной с формально близким социальным статусом. Натурализм в бразильской литературе периода поздней Империи оказался весьма удобной матрицей для формирования образов Другости и Инаковости, в частности – образов негров. В тексте романа негритянские нарративы занимают не самое последнее место, а образы негров отличаются определенным разнообразием, хотя диапазон их социальных ролей в тексте нельзя признать оригинальным.

В частности, негры фигурируют в качестве носителей некой биологической природности, которая слабо затронута влиянием белого португальца как носителя качественно другой культуры: «...ужасно выглядел этот негр – лысый, губастый, с отвисшей челюстью. На черном лице сверкали глаза с желтыми белками и полопавшимися сосудами. Сгорбленный от старости, вялый, хромой, когда он вставал и, закутавшись в бурое шерстяное одеяло, делал несколько шагов, то походил на бурую, медлительную, трусливую, свирепую, отвратительную гиену. Руки у него были иссохшие, узловатые; на скрюченных, омерзительных пальцах на ногах ногтей уже не было видно...» [71]. Подобные нарративы были призваны, с одной стороны, не только подчеркнуть различные формы и измерения инаковости и другости негров, их отличности от белых бразильцев.

С другой, вероятно, не следует их воспринимать как форму актуализации расового дискурса, так как в этом контексте Жулиу Рибейру, вероятно, в большей степени актуализировал естественность и природность негров, которая, по его мнению, была утрачена и перестала

быть доступной для белых бразильцев. Поэтому, месседж Жулиу Рибейру как натуралиста состоял в попытке оправдать и придать легитимность попытка биологической и сексуальной либерализации формально белых героев романа. Подобной природности негров-рабов в «Плоти» противостоит в значительной степени формализованная культура белых, которые склонны приписывать себе пастырские роли в отношении своих черных рабов: «...какое там к черту варварство! Ничего страшного тут нет... Негра нужно драть как сидорову козу, а не только одевать и кормить. Он же работать не станет, если не увидит над собой надсмотрщика с хлыстом. Я ведь так говорю и делаю не со злобы – наоборот, меня считают добрым. Я – как пахарь, который знает, как обращаться с волами...» [71]».

В этом контексте уподобление негров животным является, вероятно, неслучайным в контексте оправдания и легитимации насилия, которое со стороны белых воспринимается вполне естественно. Поэтому, роман «Плоть» частично можно воспринимать как принадлежащий к большому расистскому дискурсу, но расизм этого текста в меньшей степени предстает как биологический, но развивается в социальной и культурной форме. В подобной ситуации, белый фазендейру в поздней Империи усилиями Жулиу Рибейру превращается в стихийного и вынужденного естествоиспытателя, недобровольного натуралиста, а экономическое принуждение в элементах насилия в отношении черных рабов превращается в форму почти научных изысканий на стыке пространственных размышлений о народном хозяйстве в контексте расовой теории.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов.

Генезис натурализма в бразильской литературе не стал следствием только и исключительно европейского культурного и интеллектуального влияния – бразильский натурализм стал закономерным и естественным результатом развития бразильского культурного развития и трансформаций идентичности. Своим появлением натурализм был в большей степени обязан не только европейским культурным трендам, но тем трансформациям, которые протекали в рамках идентичности. К середине 1880-х годов имперская модель бразильской политической и культурной идентичности пребывала в состоянии кризиса, став в значительной степени архаичной моделью, которая не могла адекватно реагировать как на внешние, так и на внутренние вызовы. Кроме этого активность бразильских интеллектуалов в значительной степени содействовала его эрозии, размыванию и ослаблению, что было связано с их предложением других, качественно иных культурных практик, которые были в большей степени близки к модернизму, чем к другим литературным трендам.

Бразильский натурализм возник в недрах бразильской литературы, определенные его элементы могут быть найдены в текстах Машаду дэ Ассиза, который в значительной степени содействовал разрушению старого культурного канона. Европейское интеллектуальное влияние в Бразилии не было определяющим, оно в бразильском культурном контексте пало на благоприятную и уже подготовленную почву. Подобно тому, как в Европе, натурализм стал проявлением разочарования в старых культурных практиках и разочарованием в более ранних формах идентичности, эта его функция в полном объеме была также актуализирована и в Бразилии. Генезис и ранняя история натурализма в Бразилии отразили увлечение интеллектуалов наукой, но это увлечение в значительной степени носило имитативный характер, чему в значительной степени содействовали газеты 1880 – 1890-х годов, которые привели к вульгаризации науки [56], ее трансформации в более доступные, популярные и понятные для масс формы.

Это увлечение сводилось почти исключительно к естественным наукам, что использовалось натуралистами, дабы актуализировать неизбежную биологичность и животность человеческого бытия и существования, для которого политические, социальные и экономические институты были не более чем попыткой прикрыть биологические начала и основания. В рамках подобных стратегий раннего бразильского натурализма не только наука, но и сам человек, его тело, телесность были превращены в фетиши, идеальные типы, коллективные места памяти. Фетишизация тела, телесности и сексуальности толкала первых бразильских натуралистов фиксировать именно биологичность, точнее – утверждать, что биологическое как природное, естественное и натуральное неизбежно окажется сильнее и адаптивнее, чем все социальные ритуалы и ограничение, предписываемые носителям высокой культуры в рамках тех идентичностей, которые существовали в тех или иных группах и сообществах.

Фетиш телесности / биологичности / сексуальности в раннем бразильском натурализме имел, вероятно, два измерения. С одной стороны, он преобладал в интерпретации и описании гендерных, частично – сексуальных, ролей мужчины и женщины в условиях доминирования преимущественно маскулинных культур. Триумф в рамках раннего натурализма культуры, основанной на фетише, привел к актуализации редукционнистских тенденций в бразильском политическом и культурном пространстве. Если в сфере политики редукции, в первую очередь, подверглась империя как некая форма архаичности и политической традиционности, как естественная, почти биологически неизбежная

оппозиция модерновой Нации-Государству, то в сфере литературы, и связанных с ней идентичностей, натурализм также содействовал значительному переформатированию пространства, отсекая и отбрасывая формально устаревшие и генетически связанные с «высокой культурой» аппендиксы и культурные наслоения, которым уже не было места в контексте культуры не Империи как государства поданных, но Республики как Нации-Государства граждан, склонных к потреблению, формальному использованию как политических институтов и процедур, так и культурных продуктов.

С другой, фетишизация биологичности неизбежно распространялась и переносилась на политические процессы, свидетелями которых стали первые бразильские натуралисты – Жилиу Рибейру, подобно Шарлю Бодлеру, не только предрекал гибель своих героев, но и крах, исчезновение той империи, Бразильской Империи, подданными которой они являлись. Если Шарль Бодлер зафиксировал дискурс разложения мертвого тела, то Жулиу Рибейру в конце 1880-х годов только предрекал умирание Империи. Империя не смогла в полной степени выработать, сформировать и предложить ее обитателям институт гражданства – поэтому, они были вынуждены довольствоваться статусом подданных, но подданство, в большей или меньшей степени, означает подавление и насилие, в том числе – чисто биологическое, гендерное, сексуальное...

В этом контексте генезис и последующее развитие натурализма в Бразилии стало следствием перемен и трансформаций в сфере идентичности, которые были вызваны кризисом и падением Империи, на смену которой пришла Республика с попытками ее новых элит на месте империи построить Nation-Government, для чего были необходимы новые, качественно другие, культурные практики и стратегии.

Библиографический список

1. Abes G.J. Ivan Junqueira. Tradutor de Baudelaire: eco de um histórico eco / G.J. Abes [Электронный ресурс]. – URL: http://www.unioeste.br/prppg/mestrados/letras/revistas/travessias/ed_008/Cultura_PDFs_Gilles_Alber_PRONTO.pdf.
2. Alano da Cruz S.C.C. Um Baudelaire para o século XXI / S.C.C. Alano da Cruz [Электронный ресурс]. – URL: <http://sibila.com.br/novos-e-criticos/um-baudelaire-para-o-seculo-xxi/3579>.
3. Amaral G.C. do, Aclimatando Baudelaire / G.C. do Amaral. – São Paulo: Annablume, 1996.

4. Amaral P. Contradições da “Carne” – a mulher a o negro em dois momentos do naturalismo brasileiro / P. Amaral // Fênix. Revista de História e Estudos Culturais. – 2007. – Ano IV. – Vol. 4. – No 2. – Abril – Maio – Junho [Электронное издание]. – URL: http://www.revistafenix.pro.br/PDF11/Dossie.artigo.8_Pedro.Amaral.pdf
5. Andrade O. de, Dois emancipados: Júlio Ribeiro e Inglês de Sousa / O. de Andrade // Buarque de Hollanda A. O romance brasileiro (de 1752 a 1930) / A. Buarque de Hollanda. – Rio de Janeiro: Ed. O Cruzeiro, 1952. – P. 175 – 178.
6. Bandeira M. Centenário de Júlio Ribeiro / M. Bandeira // Ribeiro J. A carne / J. Ribeiro. – São Paulo: Ateliê Editorial, 2002. – P. 337 – 352.
7. Bastos C.T. Baudelaire no idioma vernáculo / C.T. Bbastos. – Rio de Janeiro: São José, 1963
8. Baudelaire Ch. As Flores do Mal / Ch. Baudelaire / trad. Ignácio de Souza Moitta. – Belém: Conselho Estadual de Cultura, 1971.
9. Baudelaire Ch. As Flores do Mal / Ch. Baudelaire / trad., intr. notas Jamil A. Haddad. – São Paulo: Difel, 1958.
10. Baudelaire Ch. As Flores do Mal / Ch. Baudelaire / trad., intr. notas Ivan Junqueira. – Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1985.
11. Baudelaire Ch. Flores do Mal / Ch. Baudelaire / trad. Juremir M. da Silva. – Porto Alegre: Sulina, 2003.
12. Baudelaire Ch. Uma Carniça / Ch. Baudelaire http://www.projetovemser.com.br/blog/wpincludes/downloads/As_Flores_Mal_Charles_Baudelaire.pdf
13. Baudelaire Ch. Une Charogne / Ch. Baudelaire [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/9/bodler-pr.html>
14. Bernd Z. Negritude e literatura na América Latina / Z. Bernd. – Porto Alegre, 1987.
15. Bernd Z. A questão da negritude / Z. Bernd. – São Paulo, 1984.
16. **Blaitt A.** A modernidade de Baudelaire / **A. Blaitt** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cruzeirodosul.inf.br/materia/331888/a-modernidade-de-baudelaire>
17. Bosi A. História concisa da literatura brasileira / A. Bosi. – São Paulo: Cultrix, 1976.
18. Bottmann D. Traduções de Baudelaire no Brasil / D. Bottmann [Электронный ресурс]. – URL: <http://naogostodeplagio.blogspot.ru/2013/02/traducoes-de-baudelaire-no-brasil.html>
19. Broca B. Naturalistas, Parnasianos e Decadistas: vida literária do Realismo ao Pré-modernismo / B. Broca. – São Paulo: Unicamp, 1991.
20. Brookshaw D. Raça e cor na literatura brasileira / D. Brookshaw. – Porto Alegre, 1983.
21. Bueno A., Ermakoff G. Duelos no Serpentário: uma antologia da polêmica intelectual no Brasil (1850 – 1950) / A. Bueno, G. Ermakoff. – Rio de Janeiro: Ermakoff Casa Editorial, 2005.
22. Bulhões M. Histeria, sedução e frustração: o erotismo em romances naturalistas brasileiros / M. Bulhões [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.letras.ufri.br/neolatinas/media/publicacoes/cadernos/a4ne/marcelobulhoes.pdf>
23. Cara S. de A. Marx, Zola e a Prosa Realista / S. de A. Cara. – São Paulo: Ateliê Editorial, 2009.
24. Carvalho A. de, O naturalismo no Brasil / A. de Carvalho. – Maranhão: Livraria Contemporânea, Júlio Ramos e C. Editores, 1894.
25. Carvalho R.J. Émile Zola e o naturalismo literário / R.J. Carvalho // Revista Urutágua. – 2011. – No 24. – P. 105 – 118.

26. Corrêa de Figueiredo J. O romance suicida: realismo e cetismo em "A Carne" de Julio Ribeiro / J. Corrêa de Figueiredo [Электронный ресурс]. – URL: http://www.filologia.org.br/cluerj-sg/anais/iii/completos_Ccomunicacoes_julianocorrea.pdf
27. Costa Lima L. Paris ante o olhar baudelairiano / L. Costa Lima // Mímesis e Modernidade: formas das sombras. – Rio de Janeiro. Edições Graal, 1980.
28. El Far A. Páginas de sensação. Literatura popular e pornográfica no Rio de Janeiro (1870 – 1924) / A. El Far. – São Paulo: Cia das Letras, 2004.
29. Faleiros Á. Sobre uma não-tradução e algumas traduções de "L'invitation au voyage" de Baudelaire / Á. Faleiros // Alea. Estudos Neolatinas. – 2007. – Vol. 9. – No 2. – P. 250 – 262.
30. Fario N. O naturalismo e o(s) naturalismo(s) no Brasil / N. Faria // Travessia. – 1989. – No 16 – 18. – P. 124 – 147.
31. Filho D.P. A trajetória do negro na literatura brasileira / D.P. Filho // Estudos Avançados. – 2004. – No 18. – P. 161 – 193.
32. Freitas Teodoro J.B. de, As imagens da modernidade nos "Quadros Parisienses" de Baudelaire e a relação com o Caderno "J-Baudelaire" do Projeto das Passagens [Paper presented in "XII Semana de Letras da Ufop «Pluralidade da Memória: literatura, tradução e práticas discursivas», 23 a 26 de outubro de 2012, Ufop – Mariana, MG, Brasil"] / J.B. de Freitas Teodoro [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ichs.ufop.br/delet/images/Anais/As_imagens_da_modernidade_nos_Quadros_Parisienses.docx.pdf
33. Gasparelli Junior L.G. A lâmina do naturalismo e seus códigos arquetípicos no cinema brasileiro contemporâneo [Dissertação apresentada ao Programa de PósGraduação em Ciência da Arte do Instituto de Arte e Comunicação Social, Universidade Federal Fluminense, para obtenção do grau de mestre em Ciência da Arte. Área de concentração: Análise crítica] / L.G. Gasparelli Junior. – Niterói, 2008.
34. Gomide Br. Da estepe à caatinga: o romance russo no Brasil (1887 – 1936) [Tese. Doutorado em Teoria e História Literária. Instituto de Estudo da Linguagem, Universidade Estadual de Campinas] / Br. Gomide. – Campinas, 2004. – 702 f.
35. Gomide Br. Clóvis Bevilacqua e o romance russo: entre *naturalismo superior e emancipação literária* / Br. Gomide [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.inventario.ufba.br/04/pdf/bgomide.pdf>
36. Grünwald J.L. Poetas franceses do século XIX / J.L. Grünwald. – Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1991.
37. Hahner J.E. Emancipação do Sexo Feminino: a luta pelos direitos da mulher no Brasil 1850 – 1940 / J.E. Hahner. – Florianópolis: Editora mulheres, EDUNISC, 2003.
38. Jobim J.L. Machado de Assis: o crítico como romancista / J.L. Jobim // Machado de Assis em linha. – 2010. – Ano 3. – No 5. – P. 74 – 94.
39. Klein F. A anatomia da felicidade em Cruz de Souza (1861 – 1898) – entre a filosofia de Schopenhauer (1788 – 1860) e a poesia de Baudelaire (1821 – 1867). Dissertação apresentada à Universidade Estadual de Maringá, como requisito parcial para obtenção de grau de Mestre em Letras, na área de concentração de Estudos Literários. – Universidade Estadual de Maringá, 2010.
40. Machado de Paula J.C. Sinais de fumaça: feitiços e feiticeiros negros em A carne, de Júlio Ribeiro, e "São Marcos", de João Guimarães Rosa / J.C. Machado de Paula // Todas as Musas. – 2014. – Ano 05. – No 2. – P. 70 – 80.
41. Meira Silva L.U. O naturalismo de Aluísio Azevedo: produção jornalística e romanesca / L.U. Meira Silva // Revista Alpha. – 2012. – No. 13. – P. 57-69.

42. Meirelles R. Baudelaire no Brasil: Clodomiro Cardoso, um mistério revelado / R. Meirelles // Anais do seta. – 2008. – Vol. 2. – P. 299 – 304.
43. Meirelles R. Baudelaire no Brasil: Eduardo Guimaraens, um poeta / R. Meirelles // Cerrados: Revista do Programa de Pós-Graduação em Literatura. – 2007. – No 23. – Ano 16. – P. 81 – 97.
44. Meirelles R. Les Fleurs du mal no Brasil: traduções. Tese (doutorado). Faculdade de Filosofia, Letras e Ciências Humanas. Universidade de São Paulo, São Paulo, 2010.
45. Mendes L. Na lama forte do vício de largo fôlego: naturalismo e prostituição no Brasil / L. Mendes // Caderns neolatinas. – 2005. – No 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.letras.ufrj.br/neolatinas/media/publicacoes/cadernos/a4ne/leonardomendes.pdf>
46. Mendes L. Naturalismo com aspas: Bom-Crioulo de Adolfo Caminha, a homossexualidade e os desafios da criação literária / L. Mendes // Revista Gragoatá. – 2003. – Vol. 14. – P. 29 – 44.
47. Mendes L. O retrato do imperador: negociação, sexualidade e romance naturalista no Brasil / L. Mendes. – Porto Alegre: Edipucrs, 2000.
48. Mendes L. Rita Baiana: nação e sexualidade em “O cortiço” / L. Mendes // Livros e idéias: ensaios sem fronteiras / eds. D.S. de Azevedo Filho, R.M. de Abreu Maia. – São Paulo: Arte & Ciência, 2004. – P. 115 – 128.
49. Mendes L., Ferreira Catharina P.P.G. Naturalismo, aqui e lá-bas / L. Mendes, P.P.G. Ferreira Catharina // O eixo e a roda. – 2009. – Vol. 18. – No 1. – P. 109 – 127.
50. Mendes L.P. Júlio Ribeiro, o naturalismo e a dessacralização da literatura / L.P. Mendes // Pensares em Revista. – 2014. – No 4. – P. 26 – 42.
51. Musilli C. O diabo em Baudelaire e no Brasil / C. Musilli [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bonde.com.br/fohawebovno/default.php?id_folha=2-1--11-20150201
52. O Lirismo negro de Baudelaire. O poeta e ensaísta Ivan Junqueira, tradutor e estudioso de Baudelaire, discute o legado do poeta francês [Электронный ресурс]. – URL: <http://revistacult.uol.com.br/home/2010/03/o-lirismo-negro-de-baudelaire/>
53. Oliveira L.R. de, Silveira C.R. da, Nos domínios da “Carne”: Júlio Ribeiro, sena freitas e a polêmica no século XIX / L.R. de Oliveira, C.R. da Silveira [Электронный ресурс]. – URL: http://www.uel.br/eventos/sepech/sumarios/temas/nos_dominios_da_carne_julio_ribeiro_sena_freitas_e_a_polemica_no_seculo_xix.pdf
54. Pacheco F. Baudelaire e os milagres do poder da imaginação / F. Pacheco. – Rio de Janeiro: Jornal do Comércio, 1933.
55. Pereira L. História da Literatura Brasileira / L. Pereira. – Rio de Janeiro: José Olimpio, 1973.
56. Rezende Vergara M. de, O naturalismo da Revista Brasileira, 1879 – 1900 / M. de Rezende Vergara // Mneme: Revista Virtual de Humanidades. – 2004. – Vol. 5. – No 10 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cerescaico.ufrn.br/mneme/pdf/mneme10/naturalismo.pdf>
57. Ribeiro Fortuna D. Do naturalismo ao realismo sujo: a tendência realista na literatura brasileira / D. Ribeiro Fortuna // Cadernos do CNLF. – Vol. XVI. – No 4. – t. 1. – P. 480 – 492.
58. Ribeiro J. A Carne / J. Ribeiro. – São Paulo: Martin Claret, 1999 [Электронное издание]. – URL: <http://www.culturabrasil.org/zip/acarne.pdf>
59. Santos A.M. dos, Uma convergência entre naturalismo e psicanálise, mediante, análise de um personagem de Aluísio Azevedo [Dissertação apresentada ao Programa de Pós-

- Graduação em Literatura e Interculturalidade da Universidade Estadual da Paraíba, área de concentração Literatura e Estudos Interculturais, linha de pesquisa Literatura e Hermenêutica, em cumprimento aos requisitos para obtenção do título de Mestre] / A.M. dos Santos. – Campina Grande, 2012. – 108 f.
60. Sereza H.G. O Brasil na Internacioanala Naturalista / H.G. Sereza. – Dissertation. 2012.
  61. Silva A. da, Silva Viana N., Dias de Souza R. História Social do Naturalismo Einstein / A. da Silva, N. Silva Viana, R. Dias de Souza [Электронный ресурс]. – URL: http://www.prp2.ueg.br/06v1/conteudo/pesquisa/sic2006/arquivos/humanas/historia_social.pdf
  62. Silva M.B.B. da, O naturalismo em o de Aluizio Azevedo “O cotriço” e “Maggie” de Stephen Grane. Dissertação para obtenção do Grau de Mestre, Área de Concentração: Literaturas de Língua Inglesa, do Curso de PósGraduação em Letras. Setor de Ciências Humanas, Letras e Artes da Universidade Federal do Paraná / M.B.B. da Silva. – Curitiba, 1981.
  63. Silva W.S. As matrizex acadêmicas do pensamento brasileiro: comte e Marx / W.S. Silva // Fides Reformata. – 2012. – Vol. 17. – No 1. – P. 66 – 77.
  64. Silveira C.R. da, Erudição e ciência: as procelas de Júlio Ribeiro no Brasil oitocentista [Tese apresentada a Faculdade de Ciências e Letras de Assis – Unesp para obtenção do título de doutora na área de História e Sociedade] / C.R. da Silveira. – Assis, 2005.
  65. Silveira C.R. da, Fama e infâmia: leituras do romance A carne, de Júlio Ribeiro / C.R. da Silveira // ArtCultura. – 2010. – Vol. 12. – No 21. – P. 195 – 209.
  66. Soares de Gouvêa M.C. Imagens do negro na literatura infantil brasileira / M.C. Soares de Gouvêa // Educaço e Pesquisa. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 77 – 89.
  67. Ventura R. Estilo tropical. História cultural e polêmicas literárias no Brasil 1870 – 1914 / R. Ventura. – São Paulo: Companhia das Letras, 1991.
  68. Veríssimo J. O romance naturalista no Brasil / J. Veríssimo. – Rio de Janeiro: Laemmert & Cia, 1894.
  69. Villela M.M. Algumas “Flores do mal” / M.M. Villela. – Belo Horizonte: Bernardo Álvares, 1964.
  70. Werneck Sodré N. O naturalismo no Brasil / N. Werneck Sodré. – Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 1965;
  71. Рибейру Ж. Плоть / Ж. Рибейру / пер. с порт. А. Родосского. – СПб., 2007 [Электронное издание]. – URL: <http://www.litres.ru/zhuliu-ribeyru/plot/>
  72. Miceli S. Poder, Sexo e letras na República Velha / S. Miceli. – São Paulo: Perspectiva, 1997.

Инвестиционная привлекательность Аргентины

Автор анализирует привлекательность Аргентины для зарубежных инвестиций. Выявлен ряд факторов, способствующих привлечению иностранного капитала, среди которых, не только экономические, но и политические и правовые. Особенно активно инвестиции стали привлекаться в конце XX века, когда правительство Аргентины приняло новую Конституцию и заключило ряд договоров с другими государствами. Особенно активно стала инвестировать Испания, чьей колонией была Аргентина.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, экономика, Аргентина, Испания

The author analyzes the attraction of foreign investment to Argentina. A number of factors contribute to attracting foreign capital, including not only economic, but also political and legal. Investments have extensively been attracted in the late twentieth century, when the government of Argentina adopted a new Constitution and a number of agreements concluded with other states. Especially active was the Spain's investment, whose colony Argentina has been.

Keywords: [foreign direct investment](#), economy, Argentina, Spain

Аргентина является индустриально-аграрной страной, одной из наиболее быстро развивающихся стран в Латинской Америке. С начала 1990 годов правительством Аргентины активно привлекается иностранный капитал. Подписание президентами Бразилии и Аргентины в 1985 году Программы экономической интеграции и сотрудничества заложило фундамент для образования общего рынка стран Латинской Америки – МЕРКОСУР, который в свою очередь значительно расширил внутренний рынок Аргентины и привлек инвесторов из соседних государств. Но наиболее крупным и преданным инвестором оставалась Испания, под чьей короной находилась Аргентина до 1816 года.

В 1991 году первые крупные инвестиции были вложены Испанией в телекоммуникации, а именно в компанию Telefónica, расположенную в Аргентине и Чили. А с 1994 по 1999 год Аргентина стала основным местом испанских прямых инвестиций, с покупкой Repsol YPF за 14,9 миллиарда долларов США в 1999 году, что составило около 20% от общего объема инвестиций Испании в Латинской Америке с 1992 по 2001 год [1].

В начале 2000-х Аргентина подписала со многими государствами Соглашения о стимулировании и защите инвестиций, а также договоры, позволяющие избегать двойного налогообложения. В 2006 году было создано Национальное агентство по инвестициям, что свидетельствовало о намерениях аргентинского правительства поддержать рост внутренней инвестиционной деятельности и о стремлении привлечь в страну как можно больший объем иностранного капитала.

В 2011 г, однако, приток прямых иностранных инвестиций в экономику Аргентины значительно снизился по сравнению с 2010 г. на 29,5% и составил 3,3 миллиарда долларов США [2]. В 2012 году правительством Аргентины было принято решение экспроприировать 51% акций YPF, испанской нефтяной компании Repsol[3]. Эта мера была предпринята из-за недостатка инвестиций со стороны испанских владельцев компании, что привело к оттоку капитала из Аргентины. Немаловажным аргументом послужило также и то, что Аргентина всегда являлась экспортером нефти, а в 2012 году стала импортером, так как объем, добываемого сырья перестал удовлетворять потребности внутреннего рынка. Эта ситуация не могла не сказаться на двусторонних как экономических, так и политических отношениях Аргентины и Испании. Кроме того, решение о национализации испугало и других иностранных инвесторов. Это объясняется опасением того, что правительства других стран могут последовать примеру Кристины Фернандес де Киршнер и национализировать крупные компании, принадлежащие иностранцам.

Тем ни менее, этот конфликт уже исчерпан. В 2014 году Аргентина предложила Испании выплатить неустойку за экспроприированную компанию в размере 5 миллиардов долларов. Хотя первоначально испанская компания настаивала на компенсации в размере 10 миллиардов долларов. В соответствии с достигнутой договоренностью, стороны отказываются от любых судебных претензий и новых требований в адрес друг друга.

Несмотря на размолвку, произошедшую между Аргентиной и Испанией, Аргентина является привлекательной страной для прямых иностранных инвестиций. Во-первых, Аргентина располагает богатой минерально-сырьевой базой для развития промышленности. По запасам урановых руд Аргентина входит в десятку ведущих стран мира. А запасы топливно-энергетических ресурсов таких, как нефть и газ, привлекают внимание инвесторов из разных концов света. По добыче нефти Аргентина занимает 4 место в Латинской Америке. Во-вторых, благодаря благоприятному климату в стране развито сельское хозяйство. Более того, Аргентина является крупным производителем и экспортером мяса. В-третьих, промышленность также не отстает от сельского хозяйства, особенно развито транспортное машиностроение (свои заводы в Аргентине имеют [Ford](#), [Chrysler](#), [Toyota](#), [Peugeot](#) и др.), сельскохозяйственное машиностроение, производство оборудования для пищевой промышленности, электротехника (заводы [IBM](#), [Siemens](#)). В-четвертых, стоит отметить наличие современной транспортной инфраструктуры. В-пятых, нельзя не отметить наличие квалифицированной рабочей силы. При

достаточно небольшом уровне безработицы многие квалифицированные кадры по-прежнему вынуждены работать по «черному» найму. В-шестых, достаточно хорошо развита туристическая отрасль. В-седьмых, политическая обстановка в обществе стабильна, а конфронтации отсутствуют. А иностранные инвесторы в Аргентине пользуются широкой государственной поддержкой. Их права защищены не только Конституцией страны[4], в которой иностранцу гарантируется тот же правовой статус, что и гражданину Аргентины, но и специально разработанными нормативными документами. В соответствии с Законом об иностранных инвестициях (№ 21.382)[5] иностранные инвесторы могут: размещать свои капиталы в Аргентине без получения предварительного разрешения и на тех же условиях, что и местные инвесторы; переводить за границу ликвидную или овлеществленную прибыль, полученную от вложенного капитала, а также репатриировать его; использовать любую организационную форму для своего бизнеса, предусмотренную аргентинским законодательством; получать кредиты внутри страны на тех же условиях, что и местные предприниматели.

Таким образом, Аргентина остается привлекательной страной для иностранных инвесторов не только своими природными богатствами, но и относительной политической и экономической стабильностью, широкими возможностями для диверсификации бизнеса, а также лояльным законодательством по отношению к инвесторам.

Библиографический список

1. William Chislett: Spanish Direct Investment in Latin America: Challenges and Opportunities [Электронный ресурс]. – URL: www.realinstitutoelcano.org
2. Webeconomy.ru [Электронный ресурс].-
3. URL:<http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=213>
4. Официальный сайт Правительства Аргентины [Электронный ресурс].-URL: <http://www.presidencia.gob.ar/informacion/discursos/25810-anuncio-del-proyecto-de-ley-de-expropiacion-de-y-pf-discurso-de-la-presidenta-de-la-nacion>
5. Конституции мира [Электронный ресурс].-URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=358>
6. Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс].-URL:<http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=6850>

Внешиполитический вектор России через призму аргентинских СМИ

Автор использует метод качественного контент-анализа для исследования отражения внешнеполитического курса Кремля в аргентинских изданиях. В статье отражены основные тенденции в оценках зарубежными СМИ различных аспектов внешнеполитического курса РФ. Также была проанализирована тональность суждений и оценок.

Ключевые слова: СМИ, контент-анализ, информационная война, образ России

The author uses content analysis in order to draw out the image of Russian foreign policy in Argentinian news media. The article reflects common tendencies of various aspects of Russian policy-speak representation in foreign mass media. Also, the stance of assertions and characterization was analyzed.

Key words: mass media, content analysis, information warfare, the image of Russia

Латиноамериканский регион является дружественным для России, так как у этих стран нет исторических споров или взаимных претензий. В то же время торгово-экономические, военно-промышленные, гуманитарные и туристические связи расширяются, так как представляют интерес для обеих сторон. В силу последних событий, способствующих нарастанию напряжения в отношениях между Россией и странами «Большой семерки», происходит укрепление связей на южноамериканском направлении. Аргентина является стратегическим партнером для РФ, сотрудничество развивается в экономической, энергетической, финансовой и военно-промышленной сферах. Кроме того, правительства поддерживают друг друга по некоторым политическим вопросам, в частности, Россия поддержала позицию Аргентины по поводу, так называемых, фондов-стервятников, отказывающихся реструктуризировать государственные долги Аргентины. В свою очередь, президент Аргентины, Кристина Киршнер выступила против двойных стандартов Запада по отношению к крымской проблеме [1]. Такие крепкие двусторонние связи позволяют ожидать от аргентинских СМИ позитивной оценки российской внешней политики.

Для оценки содержания материалов, публикуемых средствами массовой информации, был выбран контент-анализ как один из самых точных и объективных методов выявления доминирующих тенденций в освещении средствами массовой информации различных событий, явлений и процессов.

Для анализа были выбраны издания **Clarín** и **La Nación** как два самых значительных СМИ Аргентины. Clarín – это крупнейшая в Аргентине ежедневная газета таблоидного формата с печатным тиражом 229 633

экземпляров. Кроме того, в 1995 году у издания появился сайт, ставший одним из самых посещаемых новостных ресурсов в Аргентине [2]. Основную часть содержания составляют развлекательные и спортивные новости. Редакция данного издания известна своими оппозиционными взглядами по отношению к правительству Кристины Киршнер. В политическом спектре занимает положение, близкое к центру. La Nación, широкоформатная ежедневная газета, является главным конкурентом Clarín. Тематика газеты – освещение событий политической жизни, аналитика, обзор вопросов бизнеса и экономики, спортивные новости. Ежедневный тираж составляет 159 486 экземпляров. Редакция придерживается консервативных взглядов.

Была изучена совокупность статей, посвященных внешней политике Российской Федерации и опубликованных в период с 1 марта по 4 апреля, то есть, наиболее актуальный на момент написания данной работы. Отбор статей по изучаемой проблеме осуществлялся путем простого наличия в них высказываний, характеристик, косвенных намеков на внешнеполитический курс России. В качестве единицы аналитического наблюдения была выбрана тема.

В ходе анализа была выработана система категорий-кодов, позволяющих систематизировать темы, освещаемые в газетах Clarín и La Nación. К таким категориям относятся:

- двусторонние отношения Российской Федерации с другими странами (Китай, страны СНГ, Аргентина, Венесуэла, Украина, Прибалтика, Турция, страны ЕС, США);
- направления сотрудничества (торгово-экономические связи, углеводороды, ядерная энергетика, поставки вооружений, деятельность по урегулированию конфликтов, сотрудничество в рамках Евразийского союза);
- общая характеристика внешней политики РФ (склонность к демонстрации военной силы, имперские амбиции).

Кроме того, каждый кодированный фрагмент текста был оценен по тональности высказывания как негативный, позитивный или нейтральный.

В **Clarín** за указанный период было опубликовано 75 статей, так или иначе относящихся к России, из них только 11 было посвящено политической сфере. Такой небольшой процент публикаций на политическую тему объясняется спортивно-развлекательным уклоном данной газеты. Для анализа было отобрано 7 статей, касающихся внешнеполитического курса России [3-9].

Общее содержание проанализированных статей сводится к узкому кругу тем. Основной объем публикаций посвящен отношениям России и других стран, особенно Украины. Однако прямые указания на способствование России эскалации конфликта почти не встречаются. В одной из статей, в контексте попыток мирного урегулирования было упомянуто о поставках со стороны России вооружения и военных в зону конфликта. Однако в остальных случаях отношения между двумя странами описывались в основном косвенным образом, например, было подчеркнуто, что конфликт с Украиной негативно повлиял на отношения России с ЕС, особенно с прибалтийскими странами. Кроме того, в одной из статей была подчеркнута стратегическая важность Крымского полуострова для Российской Федерации и его историческое и символическое значение для русского народа. Общий тон сообщений, посвященных Украине можно обозначить как умеренно негативный.

В одной из статей было указано на ухудшение отношений России и Европейского Союза, что побудило президента Европейской Комиссии высказаться в пользу создания единой европейской армии, для защиты от возможной военной угрозы с востока. Особое беспокойство по этому поводу выражают властные круги Польши, которые настаивают на ужесточении санкций против Москвы и расширении военного присутствия НАТО на своей территории. В то же время, упомянута Италия, которая выступает против санкций.

В позитивном ключе охарактеризованы отношения России со странами Латинской Америки и Китаем, с которыми Россия разделяет общие интересы. Кроме того, в одной из статей была подчеркнута важность для Кремля отношений России и Армении.

Также в публикациях Clarin в качестве направления сотрудничества России с другими странами было подчеркнуто сотрудничество в военно-промышленном комплексе. В качестве примера такого сотрудничества были приведены поставки российских бомбардировщиков СУ-24 и вертолетов Аргентине.

Что касается внешней политики РФ в целом, можно выделить две характерные черты: имперские амбиции и тенденция к демонстрации военной силы. Журналисты Clarin уверены, что Путин делает все для восстановления былого величия страны, делая акцент на привилегированном положении России в мире. Также была отмечено, что в контексте украинского кризиса Российская Федерация наращивает свое военное присутствие в Арктическом регионе. Тем не менее, несмотря на видимую враждебность таких замечаний, их контекстуальное окружение и

подача позволяет сделать вывод о нейтральной тональности с некоторым положительным уклоном.

В **La Nacion** за тот же период было опубликовано 98 статей, связанных с Россией, из них 12 были посвящены ее внешнеполитическому курсу [10-21].

Основная масса проанализированного материала касается либо отношений России с другими странами, либо направлений сотрудничества. Так же, как и в Clarín, больше всего статей посвящено отношениям России и Украины, однако, в La Nacion тон этих публикаций гораздо более негативный. В частности, было отмечено, что Россия использует газ как инструмент внешней политики, ставя ультиматумы своим европейским партнерам и Украине. Более того, было отмечено, что Российская Федерация поставляет оружие сепаратистам на востоке Украины, что способствует эскалации конфликта. Также была опубликована статья, где раскрываются детали присоединения Крымского полуострова, а именно, то, что решение о присоединении было принято за недели до проведения референдума 16 марта. Кроме того, использовались такие выражения как «военная оккупация Крыма» и «аннексия», что, несомненно, указывает на враждебный тон повествования.

В другой статье отмечено, что агрессия России по отношению к Украине и военные учения на границах с прибалтийскими странами беспокоят жителей Латвии, Литвы и Эстонии. Также, по мнению журналистов La Nacion стоит беспокоиться Молдавии и Грузии, которые подписали договор об ассоциации с ЕС.

Кроме того, в нескольких статьях говорилось о сотрудничестве России и стран Латинской Америки, в частности, Аргентины и Венесуэлы. Однако и тут тональность не всегда была положительной. В одной из статей было прямо сказано, что правительство Аргентины совершает ошибку, сотрудничая с Россией, в силу ее экономической слабости и политической нестабильности. В остальных же случаях укрепление связей между Россией и Аргентиной было подано в позитивном ключе.

Так же, как и в Clarín, в La Nacion много писали о поставках российского вооружения, в основном, в Аргентину. Более того, много писалось о сотрудничестве двух стран в ядерном секторе, а также был неоднократно упомянут экспорт аргентинских мясных и молочных продуктов в Россию.

Немало было написано о переговорах по ядерной программе Ирана, однако, участие России в них упомянуто лишь вскользь.

Одна из статей была посвящена проекту Евразийского союза, по мнению авторов, Путин рассматривает его как возможность вернуться к

границам СССР и восстановить былую мощь. Журналисты La Nación считают, что президенту России нужны не союзники, а «вассалы». Это приводит нас к общей характеристике внешнеполитического курса РФ в данном издании. Как и их коллеги из Clarin, журналисты многократно подчеркивали стремление Кремля восстановить имперское могущество России и склонность к демонстрации военной силы.

Для наглядности результаты квантификации данных были сведены в таблицы. В таблице 1 представлены основные тенденции в освещении аргентинскими СМИ двусторонних отношений Российской Федерации и других стран. Как и ожидалось, оба издания много писали о русско-украинских отношениях. Однако в то время как в Clarin больше внимания было уделено отношениям РФ и Евросоюза, в La Nación значительный объем публикаций был посвящен связям России и стран Латинской Америки.

Таблица 1. Аргентинские СМИ: отношения с другими странами

Имя	Clarín		La Nación	
	Частота	% процентов	Частота	% процентов
Украина	5	31,25	5	38,5
ЕС	5	31,25	1	7,7
ЛА	3	18,75	4	30,8
Турция	1	6,25	1	7,7
Китай	1	6,25	0	0
СНГ	1	6,25	0	0
США	0	0,00	0	0
Прибалтика	0	0,00	1	7,7
Грузия, ЮО	0	0,00	1	7,7

Исходя из данных, представленных в таблице 2, консервативная La Nación использует более критический тон в освещении российской внешней политики: 58,6% всей кодированной информации негативно окрашено, в то время, как у центристской Clarin этот показатель составляет 36,8%. В данном контексте необходимо обратить на довольно значительное расхождение в значениях индекса негативности, что говорит о широком спектре мнений, представленном в средствах массовой информации Аргентины.

Таблица 2. Аргентинские СМИ: тональность освещения

Имя	Clarín		La Nación	
	Частота	% процентов	Частота	% процентов
Отрицательная	7	36,8	17	58,6
Положительная	10	52,6	10	34,5
Нейтральная	2	10,5	2	6,90

В таблице 3 собраны слова, наиболее часто употребляемые в проанализированных статьях. Как и ожидалось, на первом месте находятся различные понятия, определяющие Россию. На втором месте в La Nación находятся лексические единицы, связанные военной тематикой (так как значительная часть материала была посвящена поставкам российского вооружения), а в Clarín президент России В.В. Путин. В топ также попали слова, связанные с величием, силой и мощью. Не так часто употреблялись негативные лексемы, такие как война, конфликт, санкции, проблемы.

Таблица 3. Аргентинские СМИ: матричный классификатор частотности

Слово	Частота	%	Clarín	La Nación
Россия/Москва/Кремль	188	2,62	70	118
Владимир Путин	66	0,92	21	45
Военный/военные/оружие/вооружение	61	0,86	7	54
Европа	43	0,35	12	31
Украина	39	0,55	18	21
США	34	0,48	7	27
Аргентина	24	0,34	0	24
Президент	22	0,31	14	8
Армия	18	0,25	14	4
Ядерный	17	0,24	0	17
Великий	16	0,22	0	16
Иран	16	0,22	0	16
Защита/оборона	16	0,22	4	12
Война	16	0,22	6	10
Сила/мощь	15	0,21	9	6
Экспорт	13	0,18	0	13
Миллионы	13	0,18	5	8

Конфликт	13	0,18	7	6
Санкции	12	0,17	2	10
Газ	11	0,15	0	11
НАТО	11	0,15	5	6
Самолеты	10	0,14	1	9
Проблемы	10	0,14	2	8
Переговоры	10	0,14	4	6

Таким образом, можно говорить об относительно положительной оценке российской внешнеполитической линии в аргентинских новостных изданиях. Несмотря на некоторую долю критики в публикациях, результаты контент-анализа указывают на наличие благоприятных условий для дальнейшего развития двусторонних отношений между Российской Федерацией и Аргентиной. На фоне небывалого подъема антироссийских настроений в мире вследствие непрекращающейся информационной войны, Москве как никогда необходима поддержка ее постоянных партнеров.

Библиографический список

1. Россия – Аргентина: чем две страны интересны друг другу? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/07/140711_agrentina_russia_relations
2. Top Sites in Argentina [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/AR>
3. Putin reaparece tras diez días de misterio [Электронный ресурс]. – URL: http://www.clarin.com/mundo/Putin-reaparece-misterio-Rusia-Artico_0_1321667987.html
4. Putin anuncia un acuerdo de alto el fuego en Ucrania [Электронный ресурс]. – URL: http://www.clarin.com/mundo/cumbre-paz-Putin-anuncia-acuerdo-alto-el-fuego-Ucrania_0_1302469884.html
5. Presiones de Turquía a Rusia por el Genocidio Armenio [Электронный ресурс]. – URL: http://www.clarin.com/mundo/Presiones-Turquia-Rusia-Genocidio-Armenio_0_1324667847.html
6. Europa quiere un ejército común para ponerle un freno a Rusia [Электронный ресурс]. – URL: http://www.clarin.com/mundo/Europa-quiere-ejercito-ponerle-Rusia_0_1316868720.html
7. Modernidad al estilo ruso [Электронный ресурс]. – URL: http://www.revistaenie.clarin.com/ideas/Modernidad-estilo-ruso_0_1320467956.html
8. Incertidumbre y dudas por la relación con Rusia [Электронный ресурс]. – URL: http://www.clarin.com/politica/Relacion-Garcia_Moritan-Rusia_0_1329467506.html

9. Gran Bretaña destinará otros U\$S 267 millones para defensa en Malvinas [Электронный ресурс]. – URL: http://www.clarin.com/politica/Malvinas-Argentina-Reino_Unido-Rusia-Michael_Fallon_0_1326467668.html
10. Cristina viaja a Rusia a reforzar lazos [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1780445-cristina-viaja-a-rusia-a-reforzar-lazos>
11. La negociación nuclear con Irán entró en su fase decisiva [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1780465-la-negociacion-nuclear-con-iran-entro-en-su-fase-decisiva>
12. El acuerdo entre las potencias e Irán, más cerca que nunca [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1780198-el-acuerdo-entre-las-potencias-e-iran-mas-cerca-que-nunca>
13. ¿A qué países venden más armas EE.UU. y Rusia? [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lanacion.com.ar/1778219-a-que-paises-venden-mas-armas-eeuu-y-rusia>
14. El Gobierno admite que el Ejército no está preparado para una guerra [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lanacion.com.ar/1778962-el-gobierno-admite-que-el-ejercito-no-esta-preparado-para-una-guerra>
15. Maduro se acerca a Rusia y refuerza sus lazos militares y económicos [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1776005-maduro-se-acerca-a-rusia-y-refuerza-sus-lazos-militares-y-economicos>
16. Elisa Carrió cuestiona la cercanía de la Argentina con la Rusia de Vladimir Putin y elige a India [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1777129-elisa-carrio-cuestiona-la-cercania-de-la-argentina-con-la-rusia-de-vladimir-putin-y-elige-a-india>
17. Avanza el acuerdo entre Irán y Occidente [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lanacion.com.ar/1778226-avanza-el-acuerdo-entre-iran-y-occidente>
18. Rusia puede perder su poderío en gas por culpa de Putin [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1772246-sin-titulo>
19. Las ambiciones geopolíticas de Putin no paran de crecer [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1777000-las-ambiciones-geopoliticas-de-putin-no-paran-de-crecer>
20. El poderío militar ruso que hace temer una guerra a los países del Báltico [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1774990-el-poderio-militar-ruso-que-hace-temer-una-guerra-a-los-paises-del-baltico>
21. Putin reveló detalles de la anexión de Crimea [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanacion.com.ar/1774787-putin-revelo-detalles-de-la-anexion-de-crimea>

**“...histérica, o erotismo, de crueldade...”:
истерия как “изобретенная традиция” и воображаемое “место
памяти” в контексте социальной и культурной истории
поздней Бразильской Империи**

Бразильская литература 19 века стала отражением социальных и экономических трансформаций и изменений в Бразильской Империи. Эти процессы повлияли на идентичность бразильцев. Рост психических болезней и расстройств был среди последствий ускоренной модернизации в обществе, которое было не готово принять столь серьезные перемены. Бразильские интеллектуалы в 19 веке начали активно интересоваться проблемами психиатрии, нервных болезней и расстройств. Бразильские писатели 19 века уделяли особое внимание этим проблемам. Роман Жулиу Рибейру «Плоть» стал отражением стереотипов и идей, которые были распространены в Бразилии в 19 веке. Истерия стала одной из центральных тем в литературе бразильского натурализма.

Ключевые слова: Бразилия, литература, психические расстройства, натурализм, истерия

Brazilian literature of the 19th century reflected social and economic transformations and changes in Brazilian Empire. These processes influenced on the identity of Brazilians. The growth and rise of mental illnesses and disorders was among the effects of rapid modernization in a society that was not ready to accept so radical changes. Brazilian intellectuals in the 19th were actively interested in the problems of psychiatry, nervous diseases and disorders. Brazilian writers of the 19th century paid special attention to these issues. The novel of Julio Ribeiro "A carne" was a reflection of stereotypes and ideas, which distributed in Brazil in the 19th century. Hysteria has become one of the central themes in the literature of the Brazilian naturalism.

Keywords: Brazil, literature, mental disorders, naturalism, hysteria

На протяжении длительного времени в европейской и американской историографических традициях в отношении описания и написания истории доминировали позитивистские принципы и разного рода социально-экономические подходы. В подобной историографической ситуации история была преимущественно архаичной и традиционной, так как писалась почти исключительно в событийном и хронологическом ключе. Позднее историческая наука становится более разнообразной и гетерогенной: европейскими и американскими интеллектуалами предлагаются новые идеи и подходы для интерпретации фактов прошлого и в 19 веке первым крупным прорывом в этом отношении стал марксизм и последующее развитие марксистской историографии.

В 20 столетии историографические ситуации в национальных исторических науках стали более разнообразными, а сама историография –

---

* Курчанов Максим Валерьевич – д-р ист. н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

гетерогенной. История утратила архаичную событийность в качестве своей системной и доминантной характеристике. В подобной ситуации на смену большой истории пришли качественно иные истории, созданные, написанные и изобретенные в других системах координат. Такими историями, в частности, стала интеллектуальная, локальная, региональная, культурная, социальная история, микроистория, историческая антропология, психоистория...

Подобным радикальным переменам в западной историографии содействовало несколько исторических школ, которые возникли в XX веке. Важнейшим и системным на историографическую ситуацию, вероятно, следует признать влияние со стороны «школы “Анналов”» и различных марксистских (и более поздних - неомарксистских, «новых левых») течений и направлений в исторической науке. Поэтому, современная историографическая ситуация в корне отлична от той, которая существовала к началу 1990-х годов. Важными элементами в изменении историографической картины современной исторической науки стали распад Советского Союза, появление новых национальных историографий и растущие тенденции к междисциплинарному синтезу, активному использованию в исторических исследований методов не только смежных гуманитарных, но и формально более отдаленных наук.

Эти перемены в постсоветской России затронули далеко не все направления исторического знания. Изменениям и трансформациям, к большей или меньшей степени, оказалась подвержена всеобщая (новая и новейшая) и частично российская история, в которых усилиями российских историков были предприняты оригинальные и удачные попытки предложить новые, как правило, междисциплинарные ответы на старые историографические вопросы и вызовы. К сожалению, не все сферы социального и гуманитарного знания в постсоветских общественных науках оказались подвержены столь значительным переменам, изменениям и трансформациям. Среди наиболее консервативных сфер в постсоветской России оказалась латиноамериканистика.

Проблемы методологического кризиса и теоретической замкнутости российской латиноамериканистики, с одной стороны, неоднократно актуализировались автором в раннее опубликованных текстах. С другой, им же предпринимались и попытки переноса, намеренной и сознательной трансплантации в контекст современной российской латиноамериканистики тех методов и принципов, которые оказались чрезвычайно плодотворными и продуктивными в контексте междисциплинарного синтеза и диалога в других сферах гуманитарных и социальных наук. Настоящая статья

продолжает подобные попытки, предпринятые автором в более ранних публикациях, но в несколько ином контексте.

Автор не ставит в качестве своей цели в очередной раз констатировать кризис современной российской латиноамериканистики в силу того, что констатировать очевидное уже не имеет смысла. Автор, наоборот, предпримет попытку проанализировать некоторые частные проблемы бразильской истории в контексте истории ментальностей, медицинской истории и частично психоистории. Известно, что болезни, в том числе – и социальные, были неизбежными спутниками всех обществ на протяжении истории.

Различные группы, сообщества и общества выработали и предлагали разные тактики и стратегии отношения и взаимодействия с теми членами группы, которые, по мнению большинства, отличались качественно другим, отличным, девиантным поведением. Периодически эти индивиды привлекали внимание современников, попадая на страницы источников. Другой формой интеллектуальной рефлексии относительно таких членов общества стали литературные тексты, в той или иной степени, отражавшие и фиксировавшие факты и случаи девиантного поведения, или коллективные представления о них, связанные с описанием ситуаций и диагнозов, которые современными исследователями признаются исключительно в качестве исторических.

Поэтому, в качестве источника, который фиксировал эти коллективные представления, ментальные и психиатрические уровни в истории Бразилии, Автор статьи использует некоторые тексты бразильских писателей. В частности, в контексте психоисторического измерения будет предпринята попытка проанализировать один из классических текстов бразильского натурализма – роман «Плоть» Жулиу Рибейру, хотя интерес к психическим состояниям и девиантным формам поведения нашел свое отражение и в других памятниках бразильской классической литературы.

В частности особое внимание со стороны бразильских авторов, которые занимаются историей психиатрии в Бразилии и отражением разного рода психических состояний в бразильской классической литературе, привлекает наследие Машаду де Ассиза [16; 34], Алуизиу Азеведу [52], Кларисе Лиспектор [12; 45], Гимарайнша Розы [28; 55], Мариу де Андраде [8] и ряда других авторов. Что касается «Плоти», то этот роман уже пребывал в центре внимания как автора [67; 68], так и других исследователей [35], но его изучение в контексте истории психиатрии, психоистории и истории психических состояний и расстройств не получило систематического изучения. Попытки нахождения и локализации различных психических состояний, в том числе – и истерии, имеют место так же и в

рамках русского литературного пространства, в частности – в текстах Ф.М. Достоевского [69].

Проблемы ментальной истории Бразильской Империи, как и более раннего, колониального [13], периода в российской историографии относятся к числу малоизученных проблем, хотя вопросы подобного плана неоднократно изучались бразильскими историками [22; 25; 26; 32; 43], которые пребывали под мощным влиянием со стороны европейской, в частности – французской [19; 20], историографической традиции. На современном этапе эта фактически междисциплинарная проблематика продолжает вызывать интерес со стороны интеллектуалов, пребывая в центре их многочисленных исследований, в том числе – диссертационных [4; 25; 55; 60], хотя заметен определенный крен в направлении истории психоанализа [6; 20; 21; 38; 39; 41; 42], что, вероятно, следует связывать с европейскими и американскими влияниями, но при этом собственно бразильская историографическая традиция отличается значительным разнообразием.

Современная бразильская историография по данной теме является чрезвычайно разнообразной. Бразильскими авторами [30] предпринимаются попытки ее систематизации и критического переосмысления. Бразильские интеллектуалы наряду с развитием традиционной психической истории Бразилии, выдержанной в контексте «больших нарративов» и написанной в русле событийной истории [37], предпринимают попытки предложить и написать «новую историю психиатрии» [14], выдержанную в рамках большого междисциплинарного дискурса, как историю многоуровневую, одновременно социальную и культурную, историю медицины и историю ментальностей. В подобной ситуации в бразильской историографии сложилось мощное междисциплинарное направление [44], связанное с изучением истории психиатрии в Бразилии [10], отношением общества к подобным проблемам [7; 17; 32; 33], ментальные и психологические измерения и компоненты в политическом воображении [16], региональной истории [9], попыткам институционализации таких коллективных представлений [29], пребывающих на стыке культурной, интеллектуальной, социальной истории, исторической антропологии и истории ментальностей.

В романе Жулиу Рибейру многие герои испытывали явные проблемы со здоровьем, некоторые из них и вовсе играли в романе фоновую роль, упоминаясь почти исключительно в контексте своей несчастной и несвоевременной кончины, что в принципе отражает демографические тенденции в развитии Бразильской Империи, где смертность оставалась достаточно высокой, что было связано с крайне незначительным уровнем

развития медицины и тем, что империя не стремилась брать на себя подобные социальные роли. Другие герои Ж. Рибейру также не отличались хорошим здоровьем. Полковник Борбоза, например, «страдал ревматизмом и, случалось, сутками не вставал с постели» [70]. Но гораздо большую опасность для героев Ж. Рибейру представляли качественно иные болезни, связанные с ментальным состоянием жителей Империи, психическими расстройствами, представленными, по мнению бразильских интеллектуалов, к концу 1880-х годов «истерическим срывом, эротическими фантазиями и вспышками жестокости» [70], хотя подобные состояния в поздней Империи интеллектуалы были склонны оправдывать и в определенной степени легитимизировать, полагая, что «это была не болезнь, не патология, а просто физиология» [70].

В Империи были сделаны первые шаги к формированию бразильской психиатрии [5], отмеченные общими культурными и интеллектуальными европейскими влияниями. Особое внимание бразильскими интеллектуалами в Империи уделялось проблемам женщин [3], перечень и диапазон социальных и культурных ролей не отличался значительным разнообразием, сводясь к подчинению. При этом в контексте общества мужчин именно женщины [47; 50; 51; 53; 62] в Бразилии 19 века стали объектом для их литературного воображения, конструирования их образов в рамках сложившейся системы ролей. Это, в свою очередь, привело к попыткам как ревизии сложившихся социальных ролей, так и к актуализации противоположной тенденции, связанной с попыткой вообразить и сконструировать гендерную ограниченность, приписав им строго определенный набор ролей.

В частности, Ж. Рибейру был одним из первых бразильских классиков, который описал психические расстройства и депрессивные состояния. Например, в романе «Плоть» одна из героинь «Ленита едва не обезумела от горя. Неожиданность случившегося, внезапная и ужасная пустота, образовавшаяся вокруг нее, гордость, не допускавшая пошлых утешений, – все это только усиливало страдания. Целыми днями несчастная девушка не выходила из комнаты, никого не принимала, ела какие-то крохи, да и то по настоянию прислуги» [70], но Рибейру в этом контексте интересуют вовсе не причины и не симптомы, которые современными авторами, вероятно, могли быть интерпретированы в контексте анорексии [26], а в большей степени моральный и социальный аспект проблемы, так как именно с ней он был склонен связывать те перемены, которые имели место среди представителей политических классов Бразильской Империи.

Герои Жулиу Рибейру были жертвами многочисленных фобий: например, Ленита сталкивалась с «возрастающей вялостью, упадком сил,

почти полной протрацией... Читать ей не хотелось, фортепьяно безмолвствовало. Казалось, что со смертью отца переменялось все ее естество – она была уже не столь сильной и мужественной, как прежде. Ее терзали страхи, она боялась одиночества... Она перестала есть, пища внушала ей отвращение, но иногда ей хотелось чего-нибудь соленого или острого. У нее начались обильные слюнотечения, то и дело ее рвало желчью. И однажды утром ей было уже не встать с постели» [70]. Жулию Рибейру в конце 1880-х годов создал весьма беспомощные образы представителей политической элиты Империи («когда врач приехал, Ленита была в беспомощнейшем состоянии: изнуренная, бледная, с кругами под глазами. То и дело хватаясь за грудь, она хрипела и задыхалась. Словно ком поднялся у нее от желудка к горлу и не давал дышать. В левой части головы она ощущала сильную непрерывную, мучительную боль, точно ей загнали туда раскаленный гвоздь. Нервная система у нее была расшатана донельзя – малейший шум или полоска света из открытой двери исторгали у нее стоны» [70]), подчеркивая, тем самым, что политический класс был болен в социальном и экономическом плане, будучи неспособным адаптироваться к социально-экономическим и политическим изменениям и трансформациям.

Состояние Лениты, описанное Ж. Рибейру, врачами Бразильской Империи [63] определялось как истерия – *histeria* [41; 42; 49]. До Ж. Рибейру и позднее подобные интерпретации, преимущественно – в отношении женщин [31], сохраняли свое влияние в бразильской литературе, в которой истерия стала одной из популярных тем. В данной статье мы не рассматриваем медицинские интерпретации истерии [66], так как нас интересует только литературная рецепция истерии, которая успела обрести свою собственную интеллектуальную историю, став популярной темой или почти общим местом в истории бразильской литературы [11], воображаемым конструктом и изобретенной традицией в контексте развития гуманитарного знания.

В тексте романа производные от этого понятия встречаются, как минимум, пять раз в следующие контекстах: «*Analisava a crise histérica, o erotismo, o acesso de crueldade que tivera*», «*achando-se apenas ridícula a si própria por tê-lo arvorado um herói durante um longo acesso de extravagância histérica*», «*aos ardores pelo homem ideal da cisma histérica, à antipatia pelo homem real da antevéspera*», «*Sentia-se de novo presa do mal-estar do histerismo antigo*» и «*Entregara-o de mãos atadas aos caprichos de uma mulher histérica que se lhe oferecera*» [46]. Комментируя феномен истерии, французский исследователь Ж. Аппу-Ревиди подчеркивает, что «истерия долгое время рассматривалась как женская болезнь, впоследствии как

общее заболевание, а потом просто-напросто была изъята из многих учебников по психиатрии» [64].

В романе «Плоть» описаны различные формы психический расстройств и состояний. В подобной ситуации романе не формирует единый образ истерии, что в принципе соотносится с предположением о том, что «истерическая страсть – это всего лишь слово, столь разнообразны и бесчисленны ее проявления» [64], высказанным Галеном. Истерия, которая на современном этапе признается не всеми специалистами, но воспринимается в качестве устаревшего диагноза, в большей степени соотносимым с историей психиатрии [65], для Бразильской Империи 19 века была вполне нормальной воображаемой категорией не только медицинского (как в Империи, так и в республиканский период бразильские интеллектуалы проявляли определенный интерес к проблемам истерии, о чем свидетельствует ряд книг [56], посвященных этой проблеме), но и частично культурного плана, которая привлекала внимание интеллектуалов [51], использовалась для интерпретации социальных и политических процессов, для легитимации тех или иных состояний, социальных и гендерных ролей.

Культурная среда Империи содействовала весьма своеобразной социализации представителей бразильского политического класса в окружении многочисленных социальных и расовых Других – рабов, метисов и мулатов, актуализируя в них не самые лучшие качества: например, в героине «Плоти» Ленисте «пробудилась жестокость – она щипала креолок, тыкала иголкой или перочинным ножиком в животных, попадавших ей на пути. Как-то раз одна собака не выдержала и укусила ее. А был еще случай, когда Лениста поймала канарейку, залетевшую к ней в комнату, оторвала ей лапки, сломала крылышко, а потом выпустила, от души потешаясь, как изуродованная пташка силится взлететь, взмахивая одним крылом и волоча другое, оставляя кровавые следы на дворе, мощеном камнем» [70].

Подобные качества, по мнению одного из основателей бразильского натурализма Ж. Рибейру, свидетельствами не только о моральных и нравственных проблемах элит в Империи, но и фактически об их неспособности эту империю защитить от реальных угроз и вызовов, так как потенциально созидательная энергия элит растворилась в проявлениях ничем не мотивированного бытового садизма и насилия. Садизм и насилие в романе «Плоть» имело не только социальные и экономические, но и частично расовые основания и предпосылки, так как негры [18; 50; 51; 57; 61] были важной составной частью имперского социума. В Бразильской Империи на протяжении всего 19 века протекал процесс постепенного

смешения различных расовых групп [58], что привело к появлению качественно других, новых и смешанных идентичностей, которые содействовали формированию различных стратегий поведения у их носителей.

Бразильские авторы 19 века в такой ситуации нередко прибегали к помощи расовых теорий и к евгенике [15], стремясь мотивировать, интерпретировать и объяснить ментальные, поведенческие и психические особенности различных расовых групп, в том числе и смешанного происхождения. Подобная миксация вовсе не означала того, что в Бразильской Империи не сложилась своя версия расизма [23], но она в большей степени покоилась не на биологических, а на социальных основаниях, тесно переплетаясь с медицинским воображением, попытками при помощи евгеники и других форм социальной инженерии решить расовые проблемы. Поэтому, процесс становления, возникновения и развития современной нации в Бразильской Империи (и позднее) имел ментальные и психические формы [1; 2], протекая одновременно с политическими, социальными и интеллектуальными измерениями.

В подобной ситуации миксация рас, по мнению бразильских интеллектуалов 19 века, предопределила и некоторые ментальные особенности поведения не только белых, но и групп смешанного происхождения. Садизм в романе «Плоть» со стороны белых и метисов был направлен в отношении негров-рабов, актуализируя одновременно собственно насилие и болезненную склонность к вуайеризму – если метис-надсмотрщик избивает негра, отправляя свою социальную функцию и реализуя легитимизированное, разрешенное и узаконенное насилие, то белая героиня, Ленита, подсматривая как бы санкционирует само насилие, получая при этом и удовлетворение: «негде, и он смирился. Дрожащими руками он медленно расстегнул грязные штаны, упавшие к его щиколоткам и обнажившие тощие ягодички, и без того уже густо испещренные рубцами. Метис встал слева, чуть поодаль, слегка наклонился, отставил назад левую ногу, взмахнул плетью справа налево – быстро, сильно, но не напрягаясь, умело, искусно, элегантно, как профессионал, обожающий свое дело. Два жестких, крепких, звучных ремня со свистом впились заостренными концами в кожу беглеца. Две белесых полоски с неровными краями образовались на лиловой коже правой ягодички. Негр испустил ужасный вопль. Плеть мерно вздымалась и со свистом опускалась, облизывая и рассекая голое тело. Появились первые капли крови, словно жидкие рубины, потом они слились в ручейки и потекли на пол. Негр извивался точно уж на сковородке, впивался ногтями в земляной пол, мотал головой, кричал и выл... Вопли негра стали хриплыми и сдавленными. Его курчавые

волосы были перепачканы землей, которая от пота превратилась в липкую массу. Метис положил плетъ на помост с колодками и... взяв из рук управляющего заранее припасенный тыквенный сосуд, он вылил содержимое на истерзанную плоть. Негр выгнул спину, словно кот. Из его глотки вырвался сдавленный рев, в котором уже не угадывалось ничего человеческого, и он потерял сознание. Ленину всю трясло от наслаждения. Она побледнела, глаза метали молнии. Ее била лихорадка. Жестокая, ледяная улыбка кривила ей рот, обнажая ослепительно белые зубы и розовые десны. Свист плети, корчи и крики истязуемого, струйки крови опьяняли ее, сводили с ума, доводили до неистовства. Она нервно ломала руки и притопывала ногами. словно весталке на гладиаторских играх, ей хотелось повелевать жизнью и смертью; хотелось продолжать истязание, покуда жертва не лишится жизни... она вся дрожала от неведомых прежде ощущений, от болезненного сладострастия. Вот рту она чувствовала привкус крови» [70].

Подобные нарративы оказались чрезвычайно влиятельными в бразильской научной традиции [48], где женская сексуальность нередко связывалась с истерией или различными формами психоза, а бразильские исследователи нередко использовали примеры из классической литературы для описания тех или иных состояний. Не менее влиятельны эти идеи оказались и в рамках бразильской художественной литературы, в которой женские образы [40] нередко воображались и конструировались в соответствии с теми канонами, которые были заложены Ж. Рибейру, что создало условия для изоляции женских образов в бразильском интеллектуальном дискурсе в крайне ограниченном пространстве, пределами которого были истерия и попытки ее интерпретации в рамках психоанализа. Жулиу Рибейру, создавая негативный, точнее – натуралистический, образ представителей политического класса, актуализировал несдержанную и разнузданную сексуальность, склонность к реализации сексуального желания, биологизации существования представителей элит.

В этом контексте показателен образ Ленины, которая «десятки раз любовалась она этим анатомическим чудом и изучала его в мельчайших подробностях, из которых складывалось художественное совершенство, но сейчас она испытывала то, чего никогда прежде не испытывала... Ленина не могла пошевелиться, она была пленена, зачарована. Она ощущала себя слабой и упоенно осознавала свою слабость. Ее обуревало стремление к неведомому – неясное, смутное, но настойчивое и острое. Ей представлялось, какое беспредельное наслаждение она бы получила, если бы этот боец бросился на нее, растоптал, избил, разорвал бы ее на

кусочки. У нее возникло страстное желание впиться поцелуями в отлитую в бронзе мужскую плоть. Ей хотелось обнять ее и раствориться в ней. Она залилась краской до корней волос – за один миг, словно в каком-то внезапном озарении, она узнала о самой себе больше, чем за долгие годы изучения физиологии. Ей стало ясно, что она, в общем-то неординарная женщина, несмотря на свой могучий интеллект и на все свои познания, оставалась в каком-то смысле обыкновенной самкой. И то, что она ощущала, было не что иное, как вождление, органическая потребность в самце» [70].

Характеристика психического состояния героев Ж. Рибейру дополняется и описанными им галлюцинациями, когда «ею овладела некая истома, не похожая ни на сон, ни на бодрствование. Ей грезилось, что боец Боргезе увеличивается в размерах, достигает человеческого роста, выпрямляется, сходит с постамента, направляется к ее ложу, останавливается рядом с ней, пристально и страстно ее разглядывает. И Ленига блаженствовала в магнетическом сиянии его взгляда, словно в теплой воде для купания. Внезапная дрожь прошла по телу девушки; волоски на нем встали дыбом в порыве блаженного и пронзительного сладострастия. Боец вытянул левую руку, оперся о кровать, присел на краешек, поднял одеяло и, не переставая глядеть на нее с завораживающей улыбкой, бережно притронулся к Лениге, после чего лег рядом, прижавшись к ней обольстительной наготой мужского тела. Это было не холодное и твердое прикосновение бронзовой статуи, а теплое и мягкое касание живого человека. И от этого прикосновения у Лениги зародилось неясное чувство – опаска и вождление, боязнь и сладострастие одновременно. Ее пронзало желание, но было страшно. Уста ее слились с устами бойца, его сильные руки обхватили ее, его мощная грудь прижалась к ее нежным грудям. Ленига задышалась от сладостных содроганий, но наслаждение было неполным, ущербным, мучительным. Обнимая призрак из своих грез, она каталась по постели, словно разгоряченное хищное животное в пылу течки. Нервный тонус, возбуждение, оргазм ощущались во всем – во вздрагивании пухлых губ, в затвердевших, торчащих сосках. Потом содрогания прошли, и она впала в забытьё» [70].

Подобные нарративы в наследии Ж. Рибейру могут быть интерпретированы не только и не исключительно в литературно-историческом контексте, не только в категориях натурализма, большого натуралистического дискурса, к которому принадлежит «Плоть». Что касается галлюцинаций и бредовых состояний, описанных Жулиу Рибейру, то они играют в данном контексте положительной и конструктивной роли –

не имеет смысла искать у героев бразильского натурализма хотя бы элемент потенциально конструктивного и созидательного религиозного бреда и исступления – подобные состояния не выходят в романе за пределы спонтанной и постыдной, по мнению героев, актуализации биологической компоненты аристократки как женщины [27], которая по воле бразильских писателей в 19 столетии колебалась между биологизацией и принятием доминировавших тогда социальных норм. ее социальной роли из социального и культурного контекста поздней Империи, стали жертвами многочисленных фобий, которые в значительной степени ослабляли адаптивный потенциал политического класса Бразильской Империи, содействуя росту апатии, апогей которой наступил в конце 1880-х годов, когда элиты Империи оказались не в состоянии защитить тот политический режим, который их сформировал.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Фиксация фактов, о которых речь шла в статье, и интерес к ним со стороны бразильских интеллектуалов, свидетельствует о значительных культурных и социальных переменах и трансформациях, которые имели место в бразильском обществе в 19 и 20 веке. Их переосмысление в литературе отразило, с одной стороны, кризис и трансформации идентичности, а, с другой, интерес к науке. Кризис идентичности проявлялся в росте проявлений девиантного поведения, так как часть носителей старых культур и архаичных идентичностей не была в состоянии приспособиться к новым тенденциям. Интерес же к науке вылился в ее фетишизацию и вульгаризацию, так как отражение ее достижений в литературе нередко выливалось в легко воспроизводимый, продаваемый интерес потребителя к науке, но к науке в ее упрощенных формах.

Тот мир, тот социум, который был зафиксирован Жулиу Рибейру формально казался стабильным и устойчивым, но фактически доживал последние дни: действие романа происходит в поздней Империи, накануне отмены рабства и провозглашения республики. В подобной ситуации, социальные отношения, описанные Ж. Рибейру, архаизировались и отмирали, а история, описанная и зафиксированная Жулиу Рибейру, стала не только историей социальной, культурной или экономической – она стала и своеобразной историей болезни, точнее – препарированной историей умирания и отмирания, социальной и культурной смерти старой Бразилии, смерти империи, на смену которой постепенно приходила республика как более новое, современное и адаптивное государство. Вместе с Империей в романе Ж. Рибейру умирают и те, кто вырос в Империи, кто прошел социализацию в условиях доминирования имперской культуры и идентичности.

В этом контексте, роман «Плоть» - роман о смерти как социальном и почти медицинском факте, текст об агонии старых социальных и экономических институтов и тех подданных, которые были в состоянии существовать только в рамках имперской модели – поэтому, не должно вызывать удивления, почему одна героиня предпочитает эскапизм, а второй делает выбор в пользу суицида. Подобные герои и сами понимают, что в новом мире Республики, где отношения будут не столь архаичны, а социальные связи и культурные коммуникации подвержены иерархизации в меньшей степени, им не будет места. В этом контексте бразильский натурализм в лице Жулиу Рибейру фактически пропагандирует социальную санитарную, которая граничит с социальным, культурным и политическим расизмом.

Роман «Плоть» в этом контексте трансформируется в роман почти о социальной и расовой гигиене, в качестве проводника которой выступает сама история, чья логика не знала жалости и снисхождения к маргиналам, о которых писали бразильские натуралисты. Поэтому, подобные герои оставляют себе единственный выбор – самоубийство, которое стало и суицидом «высокой культуры», которая оказалась не в состоянии выиграть в конкуренции с новыми внутренними вызовами, исходившими от новых, альтернативных, идентичностей, предлагавшим их носителям другой набор ценностей, качественно другие формы, тактики и стратегии социального и культурного поведения.

Роман «Плоть» в этом контексте стал не только натуралистическим текстом, который способствовал кризису традиционной романтической и реалистической модели в бразильской литературе, содействуя рождению в рамках реалистического и натуралистского канона новых литературных трендов, которые составили основу модернизма, возобладавшего в литературе Республики. Роман отразил широкую панораму перемен и трансформаций, затронув не только культурные и политические уровни, но и ментально-психические измерения и уровни социальных пространств, зафиксированных в бразильской классической литературе.

Библиографический список

1. A invenção do Brasil moderno: medicina, educação e engenharia nos anos 20 – 30 / org. M.M Herschmann, C.A. Messeder Pereira. – Rio de Janeiro: Rocco, 1994.
2. Almeida A.A., Moreira-Almeida A. Construindo uma Nação: Propostas dos Psiquiatras Para o Aprimoramento da Sociedade / A.A. Almeida, A. Moreira-Almeida // Rignonatti S.P. Temas em Psiquiatria Forense e Psicologia Jurídica / S.P. Rignonatti. – São Paulo: Vetor Editora. 2003.

3. Almeida Machado J.S. de, Lima Caleiro R.C. Loucura feminina: doença ou transgressão social? / J.S. de Almeida Machado, R.C.Lima Caleiro // Desenvolvimento social. – 2008. – Vol. 1. – No 1.
4. Amarante P.D. de C. Psiquiatria Social e Colônias de Alienados no Brasil (1830 – 1920) [Dissertação. Mestrado em Medicina Social. Instituto de Medicina Social. Universidade do Estado do Rio de Janeiro] / P.D. de C. Amarante. – Rio de Janeiro, 1982. – 160 p.
5. Bastos O. Primórdios da psiquiatria no Brasil / O. Bastos // Revista de psiquiatria do Rio Grande do Sul. – 2007. – Vo. 29. – No 2. – P. 154 – 155.
6. Bicudo V. Contribuição para a história do desenvolvimento da psicanálise em São Paulo / V. Bicudo // Arquivos de Neuropsiquiatria. – 1948. – Vol. VI. – No 1. – P. 69 – 72.
7. Bocayuva H. Sexualidade e gênero no imaginário brasileiro, metáforas do biopoder / H. Bocayuva. – Rio de Janeiro: Revan, 2007.
8. Cardoso C.L. Cultura e sociedade pelo viés poético de Mário de Andrade / C.L. Cardoso // Psicanálise e Barroco. Revista de Psicanálise. – 2007. – Vol. 5. – No 1. – P. 22 – 32.
9. Costa E., Süsskind Borenstein M. Wilson Kraemer de Paula: da trajetória do nomen à história da enfermagem psiquiátrica em Santa Catarina / E. Costa, M. Süsskind Borenstein // História da enfermagem. – 2014. – Vol. 1. – No 1 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.abennacional.org.br/centrodememoria/here/n1vol1ano1_artigo2.pdf
10. Costa J. História da Psiquiatria no Brasil. Um corte ideológico / J. Costa. – Rio de Janeiro: Editora Documentário, 1976.
11. Cruz da Castro A. Histeria: sintomas da psicanálise aos romances portugueses / A. Cruz da Castro [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psicologia.pt/artigos/textos/TL0333.pdf>
12. Cruz Klinkby I.M., Carvalho da Silva P.J. Essa escrita do impossível: uma abordagem do Real em “Um sopro de vida” de Clarice Lispector / I.M. Cruz Klinkby, P.J. Carvalho da Silva // Psicanálise e Barroco em Revista. – 2013. – Vol. 11. – No 2. – P. 109 – 135.
13. Del Priore M. Ao Sul do Corpo: condição feminina, maternidades e mentalidades no Brasil Colônia / M. Del Priore. – Rio de Janeiro: José Olympio, 1995.
14. Diaz F.S. Os Movimentos Sociais na Reforma Psiquiátrica: O “Novo” na História da Psiquiatria do Brasil [Tese de Doutorado apresentada ao Curso de Pós-Graduação em História das Ciências e da Saúde da Casa de Oswaldo Cruz-FIOCRUZ, como requisito parcial para obtenção do Grau de Doutor. Área de Concentração: História das Ciências] / F.S. Diaz. – Rio de Janeiro, 2008. – 335 p.
15. Diwan P. Raça Pura: uma história da eugenia / P. Diwan. – São Paulo: Contexto, 2007.
16. Dutra E. O ardil totalitário: imaginário político no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro – Belo Horizonte: UFRJ / UFMG, 1997.
17. Engel M.G. Os delírios da razão: médicos, loucos e hospícios (Rio de Janeiro, 1830 – 1930) / M.G. Engel. – Rio de Janeiro: Fiocruz, 2001.
18. Fernandes F. A integração do negro na sociedade de classes / F. Fernandes. – São Paulo: Ática, 1978.
19. Foucault M. A ordem do discurso / M. Foucault. – São Paulo: Edições Loyola, 1996.
20. Foucault M. História da Loucura / M. Foucault. – São Paulo: Perspectiva, 1978.
21. Franco de Rocha F. O pansexualismo na doutrina de Freud / F. Franco de Rocha. – São Paulo: Typographia Brasil de Rothschild Cia, 1920.
22. Frayze-Pereira J.A. O que é loucura? / J.A. Frayze-Pereira. – São Paulo: Brasiliense, 2005.

23. Frota de Albuquerque C.V. A Eugenia e o Mito da Superioridade Racial Branca: Racismo no Brasil Moderno / C.V. Frota de Albuquerque [Электронный ресурс]. – URL: <http://estudosculturais.com/congressos/europe-nations/pdf/0082.pdf>
24. Gonçalves M. Os primórdios da Psiquiatria no Brasil: o Hospício Pedro II, as casas de saúde particulares e seus pressupostos epistemológicos (1850 – 1880) / M. Gonçalves // Revista Brasileira de História da Ciência. – 2013. – Vol. 6. – No 1. – P. 60 – 77.
25. Gonçalves M. de S. *Mente sã, corpo são: disputas, debates e discursos médicos na busca pela cura das "nevrozes" e da loucura na corte imperial (1850 – 1880)* [Tese. Doutorado em História das Ciências e da Saúde. Fundação Oswaldo Cruz, Rio de Janeiro] / M. de S. Gonçalves. – Rio de Janeiro, 2011. – 244 p.
26. Goulart M.S.B. A Construção da Mudança nas Instituições Sociais: A Reforma Psiquiátrica / M.S.B. Goulart // Pesquisas e Práticas Psicossociais. – 2006. – Vol. 1. – No 1 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ufsj.edu.br/portalrepositorio/File/revistalapi/A_Construcao_da_Mudanca_nas_Instituicoes_Sociais..._MSB_Goulart.pdf
27. Hahner J.E. A mulher brasileira e suas lutas sociais e políticas: 1850 – 1937 / J.E. Hahner. – São Paulo: Brasiliense, 1981.
28. Henriques I.S.A. A travessia pelo sertão como percurso analítico em “Grande Sertão”: veredas / I.S.A. Henriques // Psicanálise e Barroco em revista. – 2010. – Vol. 8. – No 1. – P. 33 – 55.
29. Isaia A.C. O discurso médico-psiquiátrico em defesa do esperitismo na faculdade de medicina do Rio de Janeiro dos anos 1920 / A.C. Isaia // Revista Brasileira de História das Religiões. – Ano I. – No 1 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dhi.uem.br/gtreligiao/pdf/1920Artur_Cesar_Isaia.pdf
30. Lima A. de A., Furtado Holanda A. História da psiquiatria no Brasil: uma revisão da produção historiográfica (2004 – 2009) / A. de A. Lima, A. Furtado Holanda // Estudos e Pesquisas em Psicologia. – 2010. – Vol. 10. – No 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-publicacoes.uerj.br/index.php/revispsi/article/view/8983/6859>
31. Lopes S.F. “Retratos” de mulheres na literatura brasileira do século XIX / S.F. Lopes // Revista Plures Humanidades. – 2011. – Ano 12. – No 15. – P. 117 – 140.
32. Machado R. *Danação da Norma: a medicina social e constituição da psiquiatria no Brasil* / R. Machado. – Rio de Janeiro: Graal, 1978.
33. Magro Filho J.B. *A tradição da loucura: Minas Gerais, 1870 – 1964* / J.B. Magro Filho. – Belo Horizonte: Coopmed – UFMG, 1992.
34. Martins G. “Dom Casmurro” e “Hamlet” / G. Martins // Psicanálise e Barroco em revista. – 2008. – Vol. 6. – No 2. – P. 63 – 74.
35. Masiero A.L. A histeria em “A Carne”, de Julio Ribeiro / A.L. Masiero // Estudos Interdisciplinares em Psicologia. – 2012. – Vol. 3. – No 2. – P. 196 – 214.
36. Mello Neto G.A.R., Velasco Martinez V.C., Otoboni dos Santos F., Silva Junior M.C. da, Anorexia e bulimia, suas interfaces com a histeria e o discurso psicanalítico / G.A.R. Mello Neto, V.C. Velasco Martinez, F. Otoboni dos Santos, M.C. da Silva Junior // Aletheia. – 2006. – No 23. - P. 101 – 111.
37. Miranda-Sá Junior L.S. de, Breve histórico da psiquiatria no Brasil: do período colonial à atualidade / L.S. de Miranda-Sá Junior // Revista de psiquiatria do Rio Grande do Sul. – 2007. – Vol. 29. – No 2. – P. 156 – 158.
38. Montechi Valladares de Oliveira C.L. Os primeiros tempos da psicanálise no Brasil e as teses pansexualistas na educação / C.L. Montechi Valladares de Oliveira // Ágora. – 2002. – Vol. V. – No 1. – P. 133 – 154.

39. Moraes D. A psicanálise na Educação / D. Moraes. – Rio de Janeiro: Mendonça, Machado e Cia, 1927.
40. Neri R. A Psicanálise e o feminino: um horizonte da modernidade / A. Neri. – Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2005.
41. Nunes S.A. Da medicina social à psicanálise / S.A. Nunes // Percursos na História da Psicanálise. – Rio de Janeiro: Taurus, 1988. – P. 61 – 122.
42. Nunes S.A. Histeria e psiquiatria no Brasil da Primeira República / S.A. Nunes // História, Ciências, Saúde. – 2010. – Vol. 17. – No 2. – P. 373 – 389.
43. Oliveira W.V. de, Discursos e práticas psiquiátricas no Brasil oitocentista: O hospício de Pedro II e o processo de medicalização da loucura / W.V. de Oliveira [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.outrotempo.uema.br/oitocentista/cd/ARQ/58.pdf>
44. Portocarrero V. Arquivos da loucura: Juliano Moreira e a descontinuidade histórica da psiquiatria / V. Portocarrero. – Rio de Janeiro: Editora FIOCRUZ, 2002. – 152 p.
45. Raveli F.A. A alteridade na obra de Clarice Lispector a partir da leitura do conto “Amor” / F.A. Raveli // Psicanálise e Barroco em revista. – 2014. – Vol. 12. – No 1. – P. 48 – 58.
46. Ribeiro J. A Carne / J. Ribeiro. – São Paulo: Martin Claret, 1999 [Электронное издание]. – URL: <http://www.culturabrasil.org/zip/acarne.pdf>
47. Ribeiro L.F. Mulheres de papel: um estudo do imaginário em José de Alencar e Machado de Assis / L.F. Ribeiro. – Niterói: EDUFF, 1996.
48. Richa C.M.O. Efeitos do encontro com o sexual na psicose: um estudo de Freud a Lacan / C.M.O. Richa // Psicanálise e Barroco: Revista de Psicanálise. – 2006. – Vol. 4. – No 1. – P. 86 – 130.
49. Riemenschneider F. Da histeria: para além dos sonhos / F. Riemenschneider. – São Paulo: Casa do Psicólogo, 2004.
50. Rodrigues L.M.P. A instrução feminina em São Paulo: subsídios para a sua história até a proclamação da República / L.M.P. Rodrigues. – São Paulo: Faculdade Sedes Sapientiae, 1962.
51. Rodrigues N. Os africanos no Brasil / N. Rodrigues. – São Paulo: Madras, 2008.
52. Roth A.M., Medeiros M.P. de, A beleza será convulsiva ou não será: O discurso histórico e a estética da histeria na obra surrealista “Nadja” / A.M. Roth, M.P. de Medeiros // Psicanálise & Barroco. – 2013. – Vol. 11. – No 1. – P. 151 – 170.
53. Rouanet S.P. A construção da histeria em Aluísio Azevedo / S.P. Rouanet // Psicologia Clínica. – 2004. – Vol. 16. – No 1. – P. 97 – 113.
54. Samara E.M. As mulheres, o poder e a família. São Paulo, século XIX / E.M. Samara. – São Paulo: Marco Zero, 1989.
55. Sant’Anna M.A. De um lado, punir. de outro, reformar: projetos e impasses em torno da Casa de Correção e do Hospício de Pedro II no Rio de Janeiro [Dissertação. Mestrado em História Social, Universidade Federal do Rio de Janeiro] / M.A. Sant’Anna. – Rio de Janeiro, 2002. – 197 p.
56. Scher Pereira M.L. O exílio em “Páramo” de Guimarães Rosa: dilaceramento e superação / M.L. Scher Pereira // Psicanálise e Barroco. Revista de Psicanálise. – 2007. – Vol. 5. – No 1. – P. 7 – 21.
57. Schutel C. Histeria e Fenômenos Psíquicos As Curas Espíritas / C. Schutel. – Rio de Janeiro, 1911.
58. Schwarcz L.M. O espetáculo das raças: cientistas, instituições e questão racial no Brasil, 1870 – 1930 / L.M. Schwarcz. – São Paulo: Companhia das Letras, 1993.

59. Silva Bento M.A. Branqueamento e branquitude no Brasil / M.A. Silva Bento // Psicologia social do racismo – estudos sobre branquitude e branqueamento no Brasil / org. Iray Carone, Maria Aparecida Silva Bento. – Petrópolis: Vozes, 2002. – P. 25 – 58.
60. Silva de Almeida A.A. "Uma fábrica de loucos": Psiquiatria e espiritismo no Brasil (1900 – 1950) [Tese de Doutorado apresentada ao Departamento de História do Instituto de Filosofia e Ciências Humanas da Universidade Estadual de Campinas sob a orientação da Prof. Dra. Eliane Moura da Silva] / A.A. Silva de Almeida. – Rio de Janeiro, 2007.
61. Silva Lima M.J. História da loucura na obra "O alienista" de Machado de Assis: discurso, identidades e exclusão no século XIX / M.J. Silva Lima // Caos: Revista Eletrônica de Ciências Sociais. – 2011. – No 18. – Setembro. – P. 141 – 153 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cchla.ufpb.br/caos/n18/12_MarcioJoseSLima_HISTORIA_DA_LOUCURA_NA_OBRA.pdf
62. Skidmore Th.E. Preto no branco: raça e nacionalidade no pensamento brasileiro / Th. Skidmore. – Rio de Janeiro. Paz e Terra, 1976.
63. Soihet R. Condição feminina e formas de violência: mulheres pobres e ordem urbana, 1890 – 1920 / R. Soihet. – Rio de Janeiro: Forense Universitária, 1989.
64. Villari R.A. É possível uma história da histeria? / R.A. Villari // Revista de Ciências Humanas. – 2001. – No 29. – P. 131 – 145.
65. Арру-Ревиди Ж. Истерия / Ж. Арру-Ревиди / пер. с франц. Ермаковой Е.А. – М.: Астрель – АСТ, 2006. – С. 5.
66. Каннабих Ю.В. История психиатрии / Ю.В. Каннабих. – М. – Мн., 2002.
67. Кернсберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях / О.Ф. Кернсберг / пер. с англ. А.Ф. Ускова. – М.: Независимая фирма "Класс", 2001. – 368 с.
68. Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с.
69. Кирчанов М.В. Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. – 295 с.
70. Лахманн Р. «Истерический дискурс» Достоевского / Р. Лахманн // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 148 – 168.
71. Рибейру Ж. Плоть / Ж. Рибейру / пер. с порт. А. Родосского. – СПб., 2007 [Электронное издание]. – URL: <http://www.litres.ru/zhuliu-ribeyru/plot/>

ТЕМА НОМЕРА II: БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО: РЕВОЛЮЦИИ КАК ИДЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТИПЫ И ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

М.В. Курчанов

Общие места и идеальные типы историографии, или буржуазная революция в Бразилии, которой могло и не быть

Концепт «революция» стал одним из идеальных типов в бразильской историографии 20 века. Роль «буржуазной революции» как социального и историографического конструкта сопоставима с коллективными местами памяти. Автор ставит под сомнение универсальность буржуазной революции как теории. Автор полагает, что концепт «буржуазная революция» стал изобретенной традицией. Концепт использовался для легитимации экономических и политических изменений и трансформаций. Теория «буржуазной революции» основана на игнорировании факторов аграрной традиционности и неприятия буржуазных и капиталистических ценностей обществами, которые были не готовы к столь радикальным изменениям и трансформациям.

Ключевые слова: революция, историография, ревизионизм, буржуазная революция, архаика, традиция

The concept of "revolution" was one of the ideal types in Brazilian historiography of the 20th century. The role of "bourgeois revolution" as a social and historiographical construct is comparable with places of collective memory. The author doubts on the universality of the "bourgeois revolution" theory. The author believes that the "bourgeois revolution" concept was the form of the invention of tradition in historiography. The concept was used to legitimize the economic and political changes and transformations. The theory of "bourgeois revolution" is based on ignoring of factors of agrarian traditions domination and bourgeois capitalist values rejection by societies that were not ready for radical changes and transformations.

Keywords: Revolution, historiography, revisionism, the bourgeois revolution, archaic tradition

Использование термина и в более широком плане концепта «революция» в отношении неевропейской, а именно - латиноамериканской, истории также связано с определенными сложностями и трудностями методологического плана. В историографии, в особенности – в советской, утвердилась традиция связывать революции с войнами за независимость. Подобные революции советскими историками воображались и описывались как «буржуазные» и прогрессивные в том плане, что привели

к национальному освобождению и появлению новых государств. Некоторым странам Южной Америке «повезло», и советские историки, то ли в порыве исторического воображения, то ли выполняя идеологический заказ, в некоторых странах нашли не одну, а две революции. К числу таковых относилась Бразилия, где Война за независимость (1822) и отмена рабства, приведшая к падению Бразильской Империи (1889), описывались и воображались как буржуазные революции.

Следующая революции, имевшая место в Бразилии, датируется 1930 годом и связана с приходом к власти Жетулиу Варгаса, но проблема «революции 1930 года» представляет собой проблему в большей степени историографическую, связанную с различными версиями бразильской исторической и политической идентичности. Из этих трех, упомянутых выше революций, как минимум, две нередко воспринимались как буржуазные, а третья как национальная или либеральная. В этой «святой троице» бразильской социально-экономической истории мы не находим «социалистической» революции или любой другой, которая в историческом воображении СССР четко соотносилась бы с левыми политическими и идеологическими коннотациями. Действительно, в бразильской новейшей истории гораздо легче найти элементы или даже состоявшуюся консервативную, то есть правую, революцию, в то время как левые революционеры были вынуждены не только довольствоваться, но и играть роль политических маргиналов и аутсайдеров в рамках бразильского общества, которая в силу своей исторической и социальной специфике было не склонно ориентироваться на левые революционные политические проекты.

Анализ революционной проблематики в теоретическом плане с последующим переносом некоторых методологических принципов в бразильский контекст представляется маловероятным без обращения к текстам двух историков, исследования которых претендуют на статус классических. Речь идет о работах Ричарда Лахмана [5; 6] – автора, который олицетворяет прочтения и интерпретации феномена революции в контексте новой истории, отличные от доминирующих в историографии.

Ричард Лахман никогда не определял латиноамериканистику и бразильские штудии в качестве своих приоритетных научных и исследовательских интересов. Концепция Р. Лахмана может рассматриваться как часть большого ревизионистского дискурса [1; 2; 9], порожденного сомнениями в казавшихся классическими историческими схемах и интерпретациях. Теория Ричарда Лахмана основана преимущественно на английском и французском материале Позднего Средневековья и Раннего Нового Времени, но перенос теоретических ее

положений (без конкретной исторической специфики, связанной с динамикой развития и трансформации феодализма) в бразильский исторический контекст представляется вполне возможным. Если за Эриком Хобсбаумом прочно утвердилась репутация классика, то статус Ричарда Лахмана, оценки его работ и интерпретации высказанных в них идей более чем противоречивы.

Классическая монография Ричарда Лахмана была на русский язык переведена относительно поздно, по сравнению с оригинальной версией [4], и издана только в 2010 году. Автором предисловия выступил Г. Дерлугьян, который назвал его с долей определенной претенциозности – «Буржуазных революций не бывает!» [7]. По мнению Г. Дерлугьяна, Р. Лахман отрицает буржуазный характер революций, полагая, что их участники преследовали свои собственные цели, которые могли в значительной степени варьироваться и отличаться, но, тем не менее, эти участники революций, как добровольные, так и вынужденные, стали капиталистами вопреки своим собственным, вероятно, в большей степени традиционным предпочтениям. По мнению ряда российских авторов, Лахман «склонен рассматривать капитализм как продукт, скорее, феодального конфликта, нежели влияния внешних сил» [8], что, в свою очередь, ставит вопрос о буржуазной революции как форме перехода от феодализма к капитализму.

После столь краткого обзора того, как воспринимается концепция Ричарда Лахмана и, какие оценки она получила среди исследовательского сообщества, обратимся непосредственно к его весьма оригинальному восприятию буржуазных революций.

Ричард Лахман полагает, что само понятие «буржуазные революции» в научной литературе в значительной степени подвергнуто мифологизации и идеологизации. Комментируя проблемы генезиса лидеров буржуазных революций, Р. Лахман подчеркивает, что «цепочки случайных изменений начинаются с элит, а не с классов или индивидуумов. Конфликт элит приводит в движение и направляет каждую эпоху трансформаций. Если мы хотим понять, почему капитализм развился вначале в определенный момент в отдельных частях Европы, и если мы хотим понять различия между экономикой и политикой европейских стран, мы должны начать с того, чтобы отследить различия в структуре отношений внутри элит, между элитами и классами по отдельности, в городах-государствах, в империях и в государствах Европы Средних веков и раннего Нового времени» [10, с. 31].

Именно политические классы, именно элиты, как участники политической борьбы и связанных с ней социальных противоречий, сами того, вероятно, не понимая привели к тому, что позднее стало известно как

«буржуазные революции». Комментируя эту компоненты в европейской истории, Р. Лахман подчеркивал, что «новые социальные отношения и политические институты Европы раннего Нового времени развивались шаг за шагом, когда осторожные элиты пытались сохранить те привилегии и полномочия, которыми они уже пользовались. Те немногие элиты, чьи серии по большей части оборонительных маневров произвели гигантские и непредсказуемые изменения в их обществах, никогда не намеревались создавать новые социальные отношения или новые способы производства. Они в действительности были капиталистами поневоле» [10, с. 411]. Поэтому роль социальных агентов, акторов и институтов в этих процессах преувеличена или подвергается идеологизации. Ричард Лахман полагает, что в ходе буржуазных революций не менее значимую роль играла не только буржуазия, но и те группы, которые относились к традиционным политическим классам для Европы Раннего Нового Времени. В такой ситуации, в подобной историографической атмосфере буржуазная революция оказывается воображаемым конструктом, в рамках которого буржуазность как некая воображаемая историческая категория навязывается ее участникам.

По мнению Р. Лахмана то, что позднее станет известно как «буржуазные революции», имели преимущественно политические, а не социальные и экономические причины. В связи с этим им подчеркивается, что «все элиты должны присваивать себе ресурсы неэлит, если они хотят выжить. Их интерес в этом первично формируется классовыми силами, то есть производственными отношениями. Однако способность каждой элиты реализовывать свои интересы главным образом определяется структурой межэлитных отношений. Конфликт элит в первую очередь угрожает способностям элиты. При этом те интересы, которые каждая элита пытается защитить, коренятся в ее отношениях с производящими классами» [10, с. 33]. Более того, если рассматривать условно «буржуазные революции» в контексте теории элит, точнее – конфликта элит, то нет достаточных оснований для их восприятия именно как буржуазных в силу того, что «теория элит в истории в основном весьма пессимистично оценивает возможности классовых конфликтов преобразовать классовые отношения» [10, с. 38]. Поэтому, конфликты, которые предшествовали революции и те конфликты, которые развивались в ходе условно буржуазных революций нередко могли быть вовсе несвязанны с развитием капитализма, с реализацией экономических интересов буржуазии. В этой ситуации, буржуазные революции были буржуазными только формально в то время, как фактически они носили преимущественно политический характер.

Анализируя феномен революций, традиционно воспринимаемых как буржуазные, Ричард Лахман полагает, что их участники преследовали совершенно различные цели, которые порой могли не соотноситься в логикой развития капитализма и последующей рыночной модели экономики. По версии Р. Лахмана, городские участники революций в большей степени были ориентированы на защиту своих политических, групповых интересов. Политические предпочтения участников революции в аграрной периферии также могли мало соотноситься с логикой именно буржуазной революции, так как «весь спектр ответов крестьянства на покушение на их древние права, которые предъявили землевладельцы и другие элиты... повлияли на силу крестьянских общин и возможности крестьян сопротивляться или формировать аграрные отношения производства, которые появились в 18 веке» [10, с. 43]. Поэтому подобные революции следует рассматривать в большей степени как не буржуазные, а антибуржуазные и антикапиталистические, традиционные или частично крестьянские, так как ценности буржуазии могли практически не соотноситься и не пересекаться с целями буржуазных участников революции. В этом отношении крестьяне, если они и были участниками «буржуазной революции», то они принимали участие в ней или вынуждено, или, преследуя свои собственные интересы, которые могли быть весьма далеки от интересов формирующегося капитализма.

Развивая это предположение, Ричард Лахман указал, что многие революции, в том числе – и буржуазные, были не столь буржуазны в контексте их монолитности. Ричард Лахман полагает, что «чаще всего элита добивается частичного успеха в своей атаке на другую, например, более слабая элита может предложить порцию экспроприруемого у класса-производителя в обмен на некоторую степень автономии во взаимоотношениях с более сильной элитой. Такой вид компромисса может ослабить связи между первичными экспроприаторами ресурсов внутри ослабленной элиты и вторичными получателями дохода, которые добились соглашения с конкурирующей элитой. В таких условиях первичные экспроприаторы могут организовать элиту, отдельную от своих номинальных лидеров, либо в одиночестве, либо в содружестве с третьей элитой, либо под ее давлением» [10, с. 36]. В подобной ситуации, историческое и прогрессивное значение буржуазной революции оказывается не столь значительным и тем более прогрессивным, так как революционные процессы воспринимаются преимущественно в политическом контексте. В этом контексте буржуазная революция по Р. Лахману является не такой и буржуазной, представляя собой

кульминационные моменты в политическом противостоянии различных групп, кланов и течений в рамках правящих классов.

Эти предположения, высказанные Р. Лахманом, могут быть применены и для изучения бразильской истории. Поэтому ниже Автор предложит несколько утверждений дискуссионного характера, которые в значительной степени возникли под влиянием концепции Р. Лахмана.

Таким образом, бразильские революции не решали, а преимущественно содействовали формированию новых политических проблем, социальных и экономических конфликтов, классовых противоречий. Не менее важная особенность условно или номинально «буржуазных» революций в Бразилии состояла и в крайней малочисленности представителей той группы, по имени которой получила свое название революция, то есть буржуазии. Кроме этого, степень урбанизации Бразильской Империи к моменту ее падения так же была не столь высокой, чтобы предположить там проведение успешной буржуазной революции. Общая нерешенность аграрных проблем, начало аграрного перенаселения и наличие большого числа формально свободного, но фактически безземельного и, как следствие, маргинального населения на уровне негородской периферии создавало качественно иные проблемы.

В подобной ситуации революция имела шансы стать аграрной, крестьянской революцией или вовсе бунтом, направленным на решение вовсе и совершенно не буржуазных, а в большей степени традиционных задач, связанных с теми архаичными и традиционными типами и формами идентичности, которые доминировали на уровне аграрной периферии как к началу истории Бразильской Империи, так и на ее излете в конце 1880-х годов. Поэтому, революции 1822 и 1889 года можно воспринимать как революции воображенные, созданные и мифологизированные последующими поколениями историков. Они могут быть в одинаковой степени воображены как, с одной стороны, формально буржуазные прокапиталистические и, с другой, как фактически аграрно-руральные и антибуржуазные, антикапиталистические в том смысле, что в их буржуазном характере или его отсутствии, в актуализации различных форм традиционного народного, в том числе, антикапиталистического протеста были уверены не их участники (безземельные крестьяне или негры, представители городских низов, вряд ли, с большим бы воодушевлением восприняли свою социальную миграцию в направлении пролетариата, предпочтя, вероятнее, уничтожить станки и фабрики, так как роль последних в еще преимущественно аграрном мире и социальном пространстве, к которому они принадлежали, была более чем спорной и

неясной), но последующие поколения историков, которые сформировали некий уникальный революционный миф.

В этом отношении революции, которые усилиями ни одного поколения историков и интеллектуалов, описывались и воспринимались как буржуазные, фактически таковыми не были, а являлись, вероятно, антибуржуазными и традиционными. Ситуация усугублялась и ускоренными темпами перехода от архаического института рабства к качественно иным формам отношений. Подобный процесс был актуализирован и в рамках формирования и развития классовой структуры бразильского общества, где не классы делали социальные революции, а революционные процессы формировали важнейшие социальные классы буржуазного общества – пролетариат и буржуазию – которые сложились не до и не во время формально буржуазных революций, но их институционализация в качестве классов оказалась пролонгированной в более длительной хронологической перспективе.

Конечно, весьма приятно, соблазнительно и, если признаться, просто с методологической точки зрения писать, а точнее – фактически конструировать, историю бразильских классов – пролетариата и буржуазии – в 19 столетии, но это будут не более чем упражнения на заданную тему идеологически маркированными и мотивированными результатами, о чем, например, свидетельствует опыт активно этим занимавшейся советской латиноамериканистики.

Библиографический список

1. Brenner R. Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe / R. Brenner // Past and Present. – 1976. – No 70. – P 30 – 75.
2. Brenner R. The Agrarian Roots of European Capitalism / R. Brenner // Past and Present. – 1982. – No 97. – P. 16 – 113.
3. Burawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism / M. Burawoy // East European Politics and Societies. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 269 – 290.
4. Lachmann R. Capitalists in Spite of Themselves. Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe / R. Lachmann. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
5. Lachmann R. From Manor to Market: Structural Change in England, 1536 – 1640 / R. Lachmann. – Madison: University of Wisconsin Press, 1987.
6. Lachmann R. States and Power / R. Lachmann. – Cambridge, UK – Malden, MA: Polity Press, 2010.
7. Дерлугьян Г. Буржуазных революций не бывает! / Г. Дерлугьян // Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Р. Лахман / перевод с англ. Андрея Лазарева. – М., 2010. – С. 7 – 12.

8. Жихаревич Д.М., Резаев А.В. Тупики и повороты исторического анализа раннего капитализма: «Капиталисты поневоле» Р. Лахмана / Д.М. Жихаревич, А.В. Резаев // Экономическая социология. – 2013. – Т. 14. – № 4. – Сентябрь. – С. 125 – 136.
9. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
10. Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Р. Лахман / перевод с англ. Андрея Лазарева. – М., 2010.

**Буржуа, рабы, мулаты, религиозные фанатики и etc
в протестных движениях в Бразильской Империи:
историографические мифологемы
и «революционные» реальности**

Концепт «буржуазная революция» игнорирует региональные особенности развития стран Латинской Америки. Концепт игнорирует также традиционные социальные и экономические отношения, которые существовали в дореволюционных обществах. Теория «буржуазной революции» сфокусирована преимущественно на социальных, экономических и политических компонентах исторического процесса, игнорируя роль идентичности в генезисе социальных и экономических перемен. Теория «буржуазной революции» может восприниматься как попытка модернизации истории. Теория «буржуазной революции» основана на игнорировании факторов аграрной традиционности и неприятия буржуазных и капиталистических ценностей обществами, которые были не готовы к столь радикальным изменениям и трансформациям.

Ключевые слова: революция, историография, ревизионизм, буржуазная революция, архаика, традиция

The concept was used to legitimize the economic and political changes and transformations. The concept of "bourgeois revolution" ignores regional characteristics of Latin American countries. The concept also ignores traditional social and economic relations existed in pre-revolutionary societies. The theory of "bourgeois revolution" is focused primarily on social, economic and political components of historical process, ignoring the role of identity in genesis of social and economic changes. The theory of "bourgeois revolution" may be understood as an attempt to modernization history. The theory of "bourgeois revolution" is based on ignoring of factors of agrarian traditions domination and bourgeois capitalist values rejection by societies that were not ready for radical changes and transformations.

Keywords: Revolution, historiography, revisionism, the bourgeois revolution, archaic tradition

В одной из песен современной бразильской группы «Cidade Negra» с весьма радикальным и откровенным названием «Luta de Classes» есть такие слова:

Mas veio o ideário
Da tal revolução burguesa
Veio o ideário, veio o sonho socialista.
Veio a promessa de igualdade e liberdade [8]

Задолго до современных столь «революционно» сознательных бразильских певцов восставшие луддиты когда-то в Англии пели:

...around and around we all will stand,
and sternly swear to will,
we'll break the shears and windows too,
and set fire to tazzling mill... [11]

...в кругу едином мы стоим,
и все клянемся в том,
что высадим окна,
сломаем станки и
фабрику подожжем... [34, с. 111]

Текст, вне всякого сомнения, можно воспринимать как политический или в значительной степени политизированный, но основания этой политизированности и тех идей, которые придерживались участники восстаний в Англии являются в настоящее время весьма дискуссионными, хотя еще несколько десятилетий назад советские историки подобными идеологически неудобными и неприятными вопросами предпочитали и вовсе не задаваться, полагая, что идеологически выверенный ответ, интегрированный в принятый канон советского исторического знания, лучше чем все возможные научные дискуссии относительно природы и политической направленности луддитов и всех подобных радикальных движений не только в Англии, но и в других регионах мира.

В наибольшей степени подобная идеологически выверенная направленность советской историографии проявилась в тех случаях, когда речь шла о революциях [20; 21; 22; 23], в особенности – буржуазных, хотя в современной российской историографии предприняты некоторые шаги, направленные на ревизию старых подходов [38], но новый модус исследований и альтернативная парадигма восприятия революций (не в качестве буржуазных, но как других – преимущественно политических переворотов элит и прочих представителей правящих классов; религиозных движений формирующегося потенциального среднего класса или более абстрактной буржуазии, крестьянских и традиционалистских попыток последней актуализации руральных идентичностей как исторической альтернативы модерновым буржуазным нациям) пока не сложился.

Поэтому, следуя идеологически выверенным задачам, советские историки предлагали не менее идеологические версии, объяснения и интерпретации подобных народных движений. Согласно советскому историографическому канону, такие движения следовало и можно было рассматривать и интерпретировать как прогрессивные, направленные против угнетения, их участники воспринимались в качестве сознательных борцов за права угнетенных классов и групп, хотя иногда советские историки и могли позволить себе замечания относительно того, что не все участники классовых боев доросли до верного и идеологически правильного понимания характера, задач и целей классовой борьбы.

Тем не менее, идеологически выверенные интерпретации подобных исторических сюжетов доминировали в советской историографии почти безраздельно вплоть до начала 1990-х годов, хотя и в постсоветский период в российской историографии [17; 18] радикальной ревизии не произошло, но определенные тенденции к переоценке, к иной расстановке акцентов все же наметились. При этом общая линия в развитии историографии, основанная при признании определяющей роли буржуазных революций, осталась все-таки почти неизменной. Более того, если такие объяснения считались не только допустимыми, но и идеологически верными, например, в отношении истории социальных движений и классовой борьбы в Европе, то они неизбежно переносились на объяснения похожих процессов и событий в истории других, в том числе – и неевропейских, стран, одной из которых была Бразилия, где на протяжении 19 века также имели место протестные, в большей или меньшей степени, народные движения [26].

Перед советскими историками еще в 1960-е годы была поставлена задача сформировать идеологически правильные нарративы для описания и написания бразильской истории в целом, с чем они, в принципе, справились [24; 29]. Написание же социальной истории страны, а тем более – истории в контексте классовой борьбы, формирования и исторического развития бразильского пролетариата, вызвало большие и немалые сложности теоретического и методологического плана. Поэтому, советская историография, несмотря на весь ее методологический потенциал и мобилизационный аппарат, смогла предложить только одну версию истории бразильского пролетариата [28], которая формально принадлежала советскому историографическому канону, но фактически оказалась гораздо шире, а ее автор, Б.И. Коваль [31], почти вплотную приблизился к формированию советской версии социальной истории [30], что, к сожалению, дальнейшего развития не получило. Тем не менее, на протяжении длительного времени в советской латиноамериканистике, да частично и в современном постсоветском российском бразиловедении, национальная уникальность истории Бразилии воспринималось как нечто неважное и второстепенное в сравнении с актуализацией бразильской принадлежности или вовлеченности в общеисторические процессы, для описания которых использовались большие нарративы типа «классовая борьба», «история пролетариата», «революционное движение»...

В подобной ситуации советские и российские историки, описывая и анализируя историю Бразилии в 19 веке, склонны находить в ней те процессы, которые существовали или имели место в европейской истории, в том числе – буржуазные революции и разного рода прогрессивные революционные движения. О дискуссионности и проблемах применения

концепта «буржуазные революции» речь шла в предыдущих статьях этого специализированного раздела. В данном случае нас интересуют акты социального протеста, которые уже пребывали в центре некоторых работ автора [25; 27], и имели место в Бразилии 19 века, точнее – нас интересует то, насколько мы можем оценивать и интерпретировать их в контексте буржуазных революций или вообще движений, связанных с интересами буржуазии, или это были все-таки качественно иные и другие движения?

На протяжении 19 века на территории Бразильской Империи имело место несколько волнений, которые необходимо рассмотреть как в контексте их политического и идеологического характера, так и в рамках генезиса социальных и экономических перемен и трансформаций.

Первое движение, на котором следует, вероятно, остановиться – это кабажен (Cabanagem) [1], имевшее место в 1835 – 1840 годах [2; 3]. Центром движения были провинции Гран-Пара и Мараньян. Движение стало следствием наличия широкого числа социальных и экономических проблем и противоречий среди местного населения, как его маргинальных групп, так и занятых в сельском хозяйстве. Протестные движения в значительной степени содействуют активизации различных социальных групп – от буржуазии [19] и городских слоев [32] то традиционных политических элит [35]. Рассматривая это движение, во внимание следует принимать сложные процессы, имеющие место среди крестьян [16; 33], в среде непосредственных производителей аграрной периферии, в контексте любых социальных, экономических и политических процессов и потрясений, которые содействуют актуализации именно традиционных идентичностей, что является реакцией на внешние, формально некрестьянские, не связанные с традиционными формами идентичности, вызовы.

Отличительной особенностью местной экономики была бедность небелого населения, в первую очередь - индейцев, негров и носителей разного рода смешанных идентичностей – мулатов и кабоклу. Недовольством социальных низов воспользовались местные политические элиты, но в этой ситуации примечательно то, что ни восставшие, ни их формальные руководители не были заинтересованы в проведении каких бы то ни было реформ, в перспективе содействовавших развитию капитализма и буржуазных отношений – рядовые участники движение руководствовались стремлением захватить более лучшие земли, а элиты – надеждой восстановления своих привилегий, утраченных после отделения Бразилии от Португалии. В этом отношении весьма сомнительно говорить о прогрессивном значении движения – оно, скорее, было традиционалистским и реакционным, так как его различные участники были

движимы верой в социальную аграрную утопию и стремлением к реставрации утраченных прав.

В традиционной системе координат следует рассматривать и другое восстание 1835 года – восстание мале [4; 13]. Волнения имели место в Сальвадор. Участники восстания были негры [6], известные как «мале», что на языке йоруба означало принадлежность к мусульманской религии. Восстание 1835 года стало крупнейшим мусульманским восстанием в Империи [15], продиктованным в одинаковой степени религиозным и социальным угнетением, что вынудило правящие элиты Империи пересмотреть политику в отношении меньшинств, хотя восстание так и не стало стимулом для применения практик и стратегий, характерных для континентальных европейских империй. Лидерами движения были жители Байи – торговец Элисбуа ду Карму и раб Луиш Сантим. Восстание стимулировалось как социальными, так и религиозными причинами – тяжелым положением рабов и попытками принудительной христианизации мусульман. Восстание завершилось неудачей после столкновения с правительственными войсками, которые захватили около 200 сбежавших рабов, а также четырех вдохновителей бунта, позднее расстрелянных. В бразильской историографии имеют место попытки объявить движение революционным, а само восстание – революцией [7], хотя аргументация сторонников подобной концепции представляется неубедительно и базируется на переносе историографических схем, хорошо зарекомендовавших себя при изучении европейских континентальных революций. Религиозная направленность в целом роднит и сближает движение с традиционными средневековыми крестьянскими восстаниями, хотя аналогия представляется дискуссионной, так как основными участниками были рабы.

Не значительным образом от этих волнений отличалось и восстание балаюда в 1838 – 1841 годах [10], лидером которого в провинции Мараньян стал Мануэл Франсишку Анжус Ферейра «Балаю». Массу участников движения составили безземельные крестьяне и беглые рабы, которыми активно манипулировали вакейруш (скотоводы) и представители местной аристократии. В протестные движения были вовлечены киломбу – поселения, возникшие в результате стихийного и самовольного захвата земель беглыми рабами. Это восстание, как и другие, явно далекое от буржуазных и капиталистических целей, стимулируемое стремлением участников захватить территории, пригодные для сельского хозяйства, завершилось его подавлением со стороны правительственных войск.

В истории Империи имели место и преимущественно религиозные волнения, в частности – именно это определение можно применить к

восстанию муккеров в 1873 – 1874 годах в городе Сан-Леопольду в Риу-Гранди-ду-Сул. Сан-Леопольду относился к числу городов, значительную часть населения которых составляли выходцы из Германии. Среди немцев особое место принадлежало муккерам [5; 12] – небольшой, но радикально ориентированной, религиозной общины во главе с Якобиной Ментц Маурер и ее мужем Жоау Маурером. Якобина утверждала, что она является реинкарнацией Христа. Своих сторонников она привлекала обещания строительства «града Божьего». Кроме этого Якобина и Жоау устраивали в своем доме религиозные собрания, в ходе которых они назначили новых «апостолов». Параллельно супруги занимались целительством, воспользовавшись тем, что единственный профессиональный врач жил в трех часах пути от Сан-Леопольду. На своих сторонников супруги наложили жесткие ограничения, запретив им курить, употреблять алкоголь и отмечать светские праздники. Деятельность супругов постепенно привлекла внимание со стороны светских властей Бразильской Империи. В 1873 году супругов арестовали, но вскоре они были освобождены. В ответ супруги организовали нападение на дом своего оппонента Карла Бреннера и других противников, часть из которых была сожжена заживо. После этого уже муккеры стали жертвой нападения со стороны их противников: столкновения протекали с переменным успехом, пока правительственные войска и полиция не арестовали часть членов секты, а ее лидеры были убиты. Если в других волнениях, которые имели место в период Империи, и возможно найти или предположить социально-экономическое содержание, то события 1873 – 1874 годов следует интерпретировать в контексте религиозной истории, то есть в большей степени соотносить с традиционалистскими, а не модернизационными тенденциями.

Доминирование традиционного содержания в протестных движениях и отдельных бунтах и волнениях рабов признавалось и самими бразильскими интеллектуалами в поздней Империи. В частности, в романе Жулиу Рибейру «Плоть» описан случай такого стихийного народного бунта, волнения, самосуда, организованного неграми-рабами, которые в качестве жертвы выбрали другого негра, обвинив его в колдовстве: «И под этот всеобщий гвалт злодея схватили и поволокли. Возле амбара была насыпана куча сухой мякины, а рядом валялась старая, сломанная, полусгнившая телега с единственным колесом. Колдуна мгновенно привязали к телеге, хотя тот и оказывал теперь отчаянное сопротивление – отбивался, брыкался и даже кусался. Принесли мякины и насыпали под телегу. “Керосину!” – раздался голос. – “Принесите керосину!”. Один негренок помчался на сахароварню и вскоре вернулся с жестяной банкой, почти до краев наполненной керосином. Кто-то из негров взял ее, залез на

телегу и вылил содержимое на Жоакина Камбинду. Жидкость потекла ясной, прозрачной струей с синеватыми переливами по волосатой груди негра, по лоснящейся лысине, впитываясь в грязную одежду, смешиваясь с потом, который лился с него ручьями. Несчастный неистово вращал налитыми кровью глазами, скрежетал зубами и пыхтел. “Спички! Спички! У кого есть спички” – крикнул негр, опорожнив жестянку и осыпая Жоакина Камбинду мякиной. “У меня!” – откликнулась негритянка, подавшая сигнал к расправе, и протянула коробок спичек. Негр соскочил с телеги, взял коробок, наклонился, чиркнул спичкой, прикрывая пламя полусогнутой ладонью, и поднес ее к куче мякины, запалив ее у самой земли. Поднялся густой столб дыма – сверху голубой, снизу цвета ржавчины. Пламя вспыхнуло длинными, прожорливыми языками, стало лизать телегу, охватило кучу мякины и добралось до тела негра. Его одежда, пропитанная керосином, моментально воспламенилась. Он хрипло, сдавленно замычал и отчаянно забился в корчах... Все исчезло в туманном вихре огня и дыма. Далеко разлетались искры. Ветер повсюду разносил обугленную мякину. По воздуху разливался резкий, тошнотворный запах горелого жира и паленого мяса» [36]. В подобном акте стихийной расправ ее участниками руководили исключительно религиозные мотивы и то, что они были носителями традиционной идентичности. Даже в случае гипотетического большого восстания негры-рабы, скорее всего, боролись бы за идеалы воли и свободы, за возможность захватить часть имущества и территории фазендейру с целью их дальнейшего использования в рамках сельскохозяйственной модели экономического поведения, которое почти не соотносилось с буржуазной логикой капитализма.

В других протестных акциях так же в большей степени доминировала логика традиционности, а буржуазное содержание и вовсе могло быть минимальным. В сентябре 1875 года в городе Массору в Риу-Гранди-ду-Норди произошло т.н. «восстание женщин» [9], которое, вероятно, следует признать наиболее традиционным в его проявлениях и формах их всех протестных движений в Бразильской Империи. Основу восставших составили местные женщины, которые воспротивились призыву их мужей в армию – в то время Империя вела войну против Парагвая. В этом контексте, вероятно, уместно рискованная и чрезвычайно спорная параллель между солдатом Наполеоновской Франции [37] и солдатом Бразильской Империи. Если первый нес в завоеванные европейские регионы условно прогрессивное и условно антифеодальное влияние революционной Франции, то второй подобной миссией не обладал, так как идентичность большинства солдат в Бразильской Империи, вероятно, была ограничена набором традиционных ценностей. Восставшие захватили

административное здание, после чего уничтожили документы о призыве. Это восстание следует воспринимать как народный и стихийный протест не просто против Империи, но против Империи как регулярного государства, которое определяет и регламентирует жизнь своих подданных. Примечательно и то, что восставшие никаких политических требований не выдвигали, а их протест в определенной степени носил стихийный характер, будучи направленным против государства как основного агента и актора модернизации.

Подводя итоги обзора, во внимание следует принимать ряд факторов. Протестные движения, которые мы рассматривали выше, вероятно не могут быть отнесены ни к одной из разновидностей буржуазных революций в силу целого ряда причин. В Бразильской Империи в 19 столетии объективно не было оснований не только для успешной буржуазной революции, но даже и для попытки таковой. Экономика страны относилась к числу традиционных, а наличие мануфактур, а потом и фабрик не могло радикальным образом изменить вектор развития экономики от имитации капитализма в направлении реально функционирующего капитализма. Социальная и расовая структура населения, которое имело традиционную идентичность, содействовала подобному положению вещей.

В нашем предположении ключевое место принадлежит именно «идентичности» – поэтому, ее носители, представленные политическими классами, то есть формальными и номинальными представителями правящих, господствующих и доминирующих элит, или непосредственные производители в данном контексте вторичны. Подобному тому, как национализмы формировали модерновые нации, предлагая им идентичности – так и идентичности формировали в Бразильской Империи социальные группы, которые позднее трансформировались в социальные классы и на раннем этапе сознание, равно как и идентичности, таких групп оставались, как правило, традиционными.

Традиционные идентичности обладают значительным адаптивным и реакционным потенциалом, они способны заставить и вынудить их носителей тем или иным образом, так или иначе, реагировать на различные, как правило, внешние вызовы – политические, экономические, социальные – исходившие от того государства, к которому формально носители этих идентичностей принадлежали. Поэтому, большинство протестов или, по меньшей мере, их значительная часть, которые имели место в городах или аграрных регионах Бразильской империи в 19 веке вряд ли можно воспринимать в качестве «буржуазных» и, тем более, в качестве «буржуазных революций». Представители политических элит вряд ли преследовали цели, которые стояли перед классическими европейскими

буржуазными революциями, так как гипотетическое следование им для элит было чревато исключительно кризисом и утратой политических позиций.

Поэтому, было бы наивно предполагать, что политический и правящий класс Империи стремился к буржуазной революции и установлению Республики, полностью осознавая историческую прогрессивность этих перемен. Подобные предположения применимы и для представителей городских низов, для маргинальных групп из аграрных регионов, для свободных негров и для негров-рабов. Ни условные воображаемые «крестьяне», ни негры, ни рабы не стремились к буржуазной революции и не были в ней заинтересованы, так как гипотетическая буржуазная революция в корне не соответствовала их интересам и не соотносилась с ними. Сфера протекания и последующей победы буржуазной революции – город, но интересы тех групп, о которых речь шла выше, с городом как центром капиталистических отношений, соотносились в наименьшей степени. Большинство интересов подобных групп было сосредоточено в аграрной периферии, предназначенной для сельскохозяйственного производства, или в городе, будучи сосредоточенными на торговле, а сельское хозяйство и торговля успешно могут развиваться и вне капиталистического общества.

В такой ситуации и политические элиты, и непосредственные производители, как носители традиционных отношений, были вовсе не заинтересованы в буржуазной революции, предпочитая адаптировать сложившиеся раннее политические и социально-экономические отношения и связанные с ними институты, в функционирование которых они были включены, под свои собственные интересы. Поэтому, те группы, о которых речь шла, выше оказались невольными и вынужденными агентами изменений, перемен и трансформаций, в которых в большей степени были заинтересованы малочисленные круги формирующейся национальной буржуазии и международный капитал. Капитализация состоялась вопреки их в значительной степени традиционной идентичности.

Именно это и определило последующие особенности развития Бразилии в рамках той капиталистической международной системы, в которой бразильский капитализм довольствовался статусом зависимого капитализма, а сама страна существовала в качестве полупериферии с уникальными социальными, экономическими, политическими и культурными отношениями, которые, впрочем, должны стать объектом самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Chiavenato J.J. As lutas do povo brasileiro / J.J. Chiavenato. – São Paulo: Moderna, 1988.
2. Chiavenato J.J. As lutas do povoado contra os elites / J.J. Chiavenato. – São Paulo: Moderno, 1989.
3. Chiavenato J.J. Cabanagem, o povo no poder / J.J. Chiavenato. – São Paulo: Brasiliense, 1984.
4. Costa S.C. da, Brasil, segredo de Estado / S.C. da Costa. – Rio de Janeiro: Record, 2001.
5. Domingues M. A Nova face dos Muckers / M. Domingues. – São Leopoldo: Rotermund, 1977.
6. Farelli M.H. Malês: os Negros Bruxos / M.H. Farelli. – São Paulo: Madras, [n.d.].
7. Freitas D. A Revolução dos Malês / D. Freitas. – Porto Alegre: Movimento, 1985.
8. Luta de Classes [Электронный ресурс]. – URL: <http://letras.mus.br/cidade-negra/95599/>
9. Maia G. O motim das mulheres / G. Maia [Электронный ресурс]. – URL: <http://www2.uol.com.br/omossoroense/120904/nhistoria.htm>
10. Miranda A. Balaios e Bem-te-vis: a guerrilha sertaneja / A. Miranda. – Teresina: Instituto Dom Barreto, 2002.
11. Peel F. The Rising of the Luddites, Chartist and Plug-Drawers / F. Peel. – Brighouse, 1895. – P. 120.
12. Petry L. Episódio do Ferrabraz - Os Muckers / L. Petry. – São Leopoldo: Rotermund, 1957.
13. Reis J.J. A revolta dos males em 1835 / J.J. Reis [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.educacao.salvador.ba.gov.br/documentos/a-revolta-dos-males.pdf>
14. Reis M. Cabanos, a História / M. Reis. – Belém: Maguen, 2011.
15. Shareef M. The Islamic Slave Revolts of Bahia, Brazil / M. Shareef. – Pittsburg: Sankore Institute, 1998.

16. Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция / А.В. Адо. – М., 1987.
17. Блуменау С.Ф. "Ревизионистское" направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII в. / С.Ф. Блуменау. – Брянск, 1992.
18. Блуменау С.Ф. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов / С.Ф. Блуменау. – Брянск, 1994.
19. Буржуазия и Великая французская революция / Е.М. Кожокин, Э.Е. Гусейнов, Д.М. Туган-Барановский, А.В. Ревякин. – М., 1989.
20. Гордон А.В. Великая Французская революция в зеркалах советской эпохи / А.В. Гордон [Электронный ресурс]. – URL: <https://his.1september.ru/2001/30/6.htm>
21. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии / А.В. Гордон. – М.: Наука, 2009.
22. Гордон А.В. Великая французская революция, преломленная советской эпохой / А.В. Гордон // Одиссей. Человек в истории. 2001. – М., Наука, 2001. – С. 311 – 336.
23. Гордон А.В. Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918 – 1941 / А.В. Гордон. – Саратов, 2005.
24. Кирчанов М. Советское бразиловедение в 1960-1970-е гг. и проблемы «большого» нарратива / М. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 34 – 54.

25. Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008.
26. Кирчанов М.В. Восстание как акт, бунтарь как социальная роль: социальная перформативность в истории Бразильской Империи / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 7. – С. 69 – 84.
27. Кирчанов М.В. Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013.
28. Кирчанов М.В. История бразильского пролетариата, или «забытая» социальная история в советской латиноамериканистике / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2014. – № 2. – С. 5 – 13.
29. Кирчанов М.В. Советское бразиловедение в 1980-е годы: запоздалый расцвет бразильских исследований в СССР / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2013. – № 13. – С. 60 – 78.
30. Кирчанов М.В. Социальный поворот: (не)возможность социальной истории в латиноамериканистике в России / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2014. – № 1. – С. 11 – 23.
31. Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857 – 1967) / Б.И. Коваль / отв. ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1968.
32. Кожокин Е.М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года / Е.М. Кожокин. – М., 1985.
33. Мягкова Е.М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII – XVIII веках / Е.М. Мягкова. – М.: Academia, 2006.
34. Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX веков / А.Н. Николюкин. – М., 1961.
35. Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции / Л.А. Пименова. – М., 1986.
36. Рибейру Ж. Плоть / Ж. Рибейру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litres.ru/zhuliu-ribeyru/plot/>
37. Форрест А. Французские солдаты и распространение революции в Европе / А. Форрест // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). – М., 1998 [Электронный ресурс]. – URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Forrest-soldaty.html>
38. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы / А.В. Чудинов. – М.: Наука, 2006. – С. 100 – 127.

**От «национальной проблемы»
к «национальной реальности», 1914 – 1938:
об антикапиталистическом и антибуржуазном уклоне
в бразильской интеллектуальной традиции**

Капитализм принадлежит к числу величайших тем в историографии и истории экономической мысли. Отношение интеллектуалов к капитализму и буржуазии никогда не было однозначным. Историками были предложены различные версии истории и роли капитализма. Сторонники либеральной и неолиберальной историографии полагают, что роль капитализма и принципов свободного рынка была позитивной и прогрессивной. Историки марксистской ориентации и представители актуальных левых течений в историографии воспринимают капитализм, буржуазные отношения и капиталистическую систему отрицательно. В 20 веке в историографии возникло и развивалось антикапиталистическое течение. Некоторые историки в разных странах воспринимали и оценивали капитализм негативно. Отрицательное отношение к капитализму не означало того, что они были сторонниками радикальных левых подходов. Отрицание и неприятие ими капитализма имело моральные и нравственные основания. Автор анализирует антикапиталистические тенденции в истории бразильской экономической мысли.

Ключевые слова: капитализм, буржуазия, историография, интеллектуальная история, марксизм, коммунизм, антикапиталистическая идентичность

Capitalism is one of the great themes in historiography and economic thought history. The attitude of intellectuals to capitalism and bourgeoisie has never been straightforward. Historians have offered various versions of the history and the role of capitalism. The supporters of liberal and neo-liberal historiography believe that roles of capitalism and free market principles were positive and progressive. The historians of Marxist orientation and representatives of leftist movements in actual historiography perceive capitalism, bourgeois relations and capitalist system negatively. In the 20th century anti-capitalist trends emerged and developed in historiography. Some historians in different countries perceive and evaluate capitalism negatively. The negative attitude toward capitalism does not mean that intellectuals minded in this way were supporters of radical left approach. The denial and rejection of capitalism was based on moral and ethical backgrounds. The author analyzes the anti-capitalist tendencies in a history of Brazilian economic thought. Keywords: capitalism, bourgeoisie, historiography, intellectual history, Marxism, communism, anti-capitalist identity

Подавляющее большинство современных экономик развиваются как капиталистические, а история западного мира, начиная с нового времени, интерпретируются в категориях буржуазных революций, постепенного развития и утверждения капиталистической модели. История Запада – Европы и Америк – в мировой историографии упорно ассоциируется с развитием капитализма в его различных национальных формах. Благодаря усилиям как европейских, так и советских историков капитализм стал универсальной исторической категорией, которая определяла развитие не только Запада, но с некоторым опозданием распространилась и на другие регионы мира. В подобной ситуации капитализм стал идеальным

историографическим типом и вокруг него сложилась уникальная миология – как позитивная, так и негативное.

В целом, отношение к капитализму среди историков и экономических историков никогда не было однозначным и статичным. Историки и экономисты либерального и неолиберального отношения относились к капитализму как к системе и капиталистическим экономикам как ее более частным формам и версиям преимущественно позитивно, содействуя как мифологизации, так и идеализации капитализма. Капитализм для определенной части экономического и исторического сообщества ассоциируется, как правило, с такими ценностями и принципами как свобода, права человека, частная инициатива, либерализм, свободное предпринимательство. Подобная позиция в современной историографии установилась благодаря деятельности либеральных теоретиков [38; 39], представленных Людвигом фон Мизесом и Фридрихом фон Хайеком [6; 10; 36 – 37; 40 – 42].

Либеральная и неолиберальная точка зрения на генезис, историю, развитие и успехи капитализма, капиталистической экономики стала своеобразной интеллектуальной реакцией на развитие марксизма, а позднее – и других левых неомарксистских интеллектуальных тенденций в истории западной мысли. Если либеральный и неолиберальный полюс в мировой историографии капитализма сформирован благодаря усилиям Людвиг фон Мизеса и Фридриха фон Хайека, то интеллектуальные течения противоположного и оппозиционного плана связаны в основном с классическим марксизмом и более поздними экономическими, историческими и политическими теориями и концепциями, авторы которых в той или иной степени ориентировались на наследие классического марксизма.

Для марксистской историографии капитализма, если рассматривать ее, конечно, условно и схематично характерна определенная антикапиталистическая или более частная и узкая антибуржуазная направленность. Подобная направленность марксизма как философии и связанной с ним марксистской историографии была заложена основателями марксизма, но они создали свои тексты в условиях доминирования именно капиталистической системы, которая в определенной степени и простимулировала их к столь пространной рефлексии относительно капитализма и капиталистических экономик. С другой стороны, специфика историографической ситуации состоит в том, что наибольшее количество условно антибуржуазных и антикапиталистических исторических сочинений было создано в рамках советской историографии, где сложилась устойчивая

антикапиталистическая и антибуржуазная историографическая ментальность.

Подобный уклон в советской историографии имел общий характер и обладал преимущественно политическими и идеологическими основаниями. Антикапиталистические и антибуржуазные советские историографические мифы обладали универсальным характером и распространялись советскими историками на истории всех изучаемых ими стран и регионов. В подобной ситуации история Бразилии не была исключением – советские историки распространяли на бразильскую историю политически и идеологически выверенные схемы и клише, что в наибольшей степени проявилось в изучении проблем социально-экономической истории, особенно – в тех случаях, когда речь шла о развитии капитализма или истории бразильской буржуазии, хотя оба сюжета в советской историографии Бразилии не получили системного изучения. При этом, советскими историками история бразильского капитализма в тех редких случаях, когда они брались за ее изучение в целом, интерпретировалась в идеологически выверенной системе координат. Поэтому, «капитализм» и «буржуазия» в советском историографическом воображении фигурировали в качестве негативных категорий, но подобное негативное и отрицательное отношение к капитализму было характерно и для некоторых западных историков.

Негативное отношение к капитализму вовсе не означает, что его выразители в историографии обязательно были марксистами и, тем более, коммунистами. «Настрой интеллектуалов против капитализма – явление, не ограниченное одной или несколькими странами» [36], – полагал Л. фон Мизес. Хэкер М. Луис, комментируя подобные историографические предпочтения критиков капитализма, подчеркивает, что «антикапиталистический уклон многих историков не обязательно вызван влиянием марксистов. Марксистские идеи сыграли свою роль, но их влияние было кратковременным и поверхностным» [44]. Несколько развивая и конкретизируя подобное предположений, Бертран де Жувениль полагал, что «отрицательное мнение о капитализме, целые философские школы, направленные против него, начали превалировать среди представителей интеллигенции задолго до того, как историки стали писать о пороках капитализма, и даже до того, как они обратили внимание на социальную историю» [27, с. 115]. В этой ситуации критика капитализма и буржуазных отношений с социально-экономических позиций фактически оказалась вторичным продуктом по сравнению с его критикой, неприятием и отрицанием, выдержанных в духе морализаторства. Примечательно, что именно склонность к такому морализаторскому подходу сыграла не совсем

добрую службу для критиков капитализма, содействуя его критике с идеалистических позиций, а не в контексте социального, экономического и политического анализа, что было бы более продуктивно для развития историографии.

Хэкер М. Луис полагал, что антикапиталистические настроения в историографии стимулировались «переносом аграрных предрассудков на капиталистические процессы» [44, с. 89], так как «влияние коммунистов на исторические труды, в отличие от их влияния на литературное творчество, было небольшим» [44, с. 91]. Кроме этого, «антикапиталистические убеждения» многих интеллектуалов шли и проистекали не из экономической ситуации, а из «политических дебатов, которые сохраняли привлекательность для историков» [44, с. 92]. Поэтому, история бразильской исторической, социальной и экономической мысли [28 – 35] шире и гораздо сложнее тех оценок и интерпретаций, которые предлагались в советской историографии. Антикапиталистические и антибуржуазные тенденции в историографии могли обладать самыми различными основаниями. В центре авторского внимания в настоящей статье будут проблемы развития и функционирования антикапиталистических и антибуржуазных идей и настроений, форм и проявлений антикапиталистической ментальности и антибуржуазного дискурса в бразильской историографии.

Антикапиталистические идеи и настроения в 20 веке нашли свое отражение в ряде текстов бразильских интеллектуалов [28; 29; 32; 34]. Значительное число бразильских интеллектуалов, которые занимались изучением экономической истории, были склонны актуализировать факторы экономической и социальной специфики и уникальности экономического пространства Бразилии.

Алберту Торрес [18; 21; 23] был одним из первых интеллектуалов, кто предпринял попытку актуализировать специфику социального и экономического развития Бразилии [8 – 9; 12 – 13; 16; 18]. В своем сочинении «Источники существования Бразилии» Алберту Торрес подчеркивал, что «реальность нашей социальной и экономической ситуации не только полностью игнорируется, но и запутана самыми нелепыми ошибками» [25]. Алберту Торрес полагал, что негативную роль в экономическом развитии Бразилии сыграли не только «предрассудки экспансии и колонизации», но и интеллектуальная зависимость Бразилии от европейских научных и экономических теорий [25]. По мнению А. Торреса, европейские доктрины расизма [11; 22], которые в начале XX века проникли в Бразилию, в полной мере не отражали и не описывали национальную и региональную бразильскую специфику.

Комментируя подобные антикапиталистические настроения в европейской и американской историографиях, Фридрих фон Хайек полагал, что «многое из того, в чем обвиняли капиталистическую систему, на деле результат пережитков докапиталистических отношений или их оживления: монополистических элементов, которые были либо прямым результатом непродуманных действий государства, либо следствием неспособности понять, что гладкое функционирование конкурентного порядка требует соответствующих правовых рамок» [40]. В подобной ситуации сторонники либерального течения в историографии и экономической теории были склонны реабилитировать капитализм и буржуазные отношения, настаивая на то, что социальные и экономические проблемы с ними связанные, являются порождением вовсе не капитализма, но его не совсем последовательной и полной институционализации.

Алберту Торрес ставил под сомнение именно расовую аргументацию расцвета и упадка, полагая, что в Бразилии более значительную роль играет социальный фактор, что ведет к формированию не биологически, но социально выделенных расовых групп – «социальных рас» [25]. Алберту Торрес полагал, что уже в начале XX века в Бразилии сложились предпосылки для формирования бразильской нации на локальном уровне как «объединения отдельных лиц и семей, которые живут в Бразилию с намерением остаться» [26]. С другой стороны, несмотря на свою отдаленность от Европы в начале XX века Бразилия была вынуждена столкнуться с такими же вызовами, что и европейские государства. В данном контексте речь идет об империализме и милитаризме [25]. При этом капитализм и буржуазные отношения не были среди героев работ А. Торреса полагавшего, что после 1914 года Бразилия обрела уникальный исторический шанс. По мнению бразильского интеллектуала, европейскую войну, которая не докатилась до Южной Америки, следовало использовать для социальной и экономической консолидации пока «современный империализм продолжает воевать, используя свои пушки, милитаризм, капитал, миграцию и предложение» [25]. Подобный технический и экономический инструментарий бразильский интеллектуал определил как «философию милитаристского патриотизма» [25]. Алберту Торрес указывал на то, что первая мировая война в Европе была в значительной степени вызвана не политическими, а экономическими причинами [26].

По мнению А. Торреса, несмотря на то, что на бразильской территории не велось военных действий, Бразилия тоже участвовала в войне «за свободу, мир и порядок» в социальной и экономической сферах [25]. С другой стороны, А. Торрес высказывал предположение, что первая мировая война приведет к значительным социальным и экономическим изменениям,

предпосылки для которых сложились в Германии с ее стремлениями к «капиталу и пространству», а так же в Италии, где социальные и экономические проблемы сочетаются со способностью к экономическому росту [25]. Именно с подобными капиталистическими и буржуазными основаниями и предпосылками мировой войны А. Торрес связывал не прогресс, а нравственные и этические проблемы, с которыми столкнулась Бразилия. Таким образом, Алберту Торрес придавался излишнему морализаторству и именно на капитализм возлагал ответственность за появление новых политических режимов, которые будут в своей политике опираться на противоречивые результаты войны, сочетая государственное вмешательство в экономику с приверженностью к рыночным отношениям.

Склонность к подобным морализаторским оценкам была характерна для бразильской историографии и интеллектуальной традиции. Комментируя эту компоненту антикапиталистической историографии, английский историк экономики Т.С. Эштон подчеркивал, что критики капитализма предпочитали морализировать сравнения условия жизни рабочих на фабриках и в более ранний период: «условия труда на фабриках и условия жизни фабричных рабочих были настолько скверными, что казалось, что раньше они были лучше и потом очевидно ухудшились... это предполагаемое ухудшение наступило в то время, когда все больше начали использовать машинное оборудование, во всех грехах обвиняли владельцев механических агрегатов и сами машины» [45]. В целом, внедрение фабричной системы признается «самым примечательным феноменом промышленной революции», а развитие фабрик в мире, в том числе – и в Бразилии, стало «результатом прямого или косвенного подражания британской модели» [43]. Кроме этого, критики капитализма, как полагал Бертран де Жувениль [27], не совсем полно и четко понимали социальные и экономические последствия триумфа фабрики по сравнению с другими формами организации производства. Таким образом, по мнению либеральных историков экономики, обвинения капитализма, основанные на апелляции к морали, являются необоснованными, так как их сторонники игнорировали объективные социальные и экономические процессы, которые были порождены в результате капитализации старых экономик, предпочитая все списывать на моральную и нравственную испорченность капитализма.

Многие критики капитализма, по мнению Л.М. Хэкера, слабо знали как историю, так и специфику капитализма, не интересуясь «капиталистическими процессами как таковыми или их экономическими последствиями», отрицая их «по моральным, а не по классовым, идеологическим или диалектическим причинам» [44, с. 89]. Анализируя

особенности развития бразильской экономики в начале XX века, А. Торрес значительное внимание уделил критике капитализма и буржуазных отношений именно с нравственных и моральных позиций, противопоставляя универсальному капитализму уникальность Бразилии как «свободного общества» [25], экономика которого не воспринималась им как только и исключительно капиталистическая, а буржуазные отношения в качестве доминирующих. Морализаторству в отношении капитализма содействовало и то, что 19 столетие, по мнению Хэкера М. Луиса, не только «не знало чувства ответственности», но и содействовало «погоне за материальными благами», которая «овеществила, т.е. опошшила отношения между людьми» [44]. По мнению английского историка, Т.С. Эштона, значительная часть экономистов, если даже не их большинство, «жившее в период быстрых экономических изменений, высказывали несколько мрачный взгляд» [46] на влияние различных социальных перемен на рабочий класс.

Критикуя капитализм и буржуазные отношения с нравственных и морализаторских позиций, А. Торрес невольно озвучивал идеи, которые были созвучны настроениям Ф. Энгельса, который связывал моральные и нравственные проблемы буржуазного общества именно с развитием капитализма: «история рабочего класса в Англии начинается с изобретения паровой машины и машины для обработки хлопка... до этого рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, материальное их положение было значительно лучше положения их потомков... им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось... у них был досуг для здоровой работы в саду... введение машин вызвало к жизни пролетариат... усовершенствование машин могло иметь для рабочих только неблагоприятные и часто очень тяжелые последствия» [7].

Подобные идеи позднее были подвергнуты жесткой критике со стороны Людвига фон Мизеса, который утверждал, что «известные рассказы о том, что фабрики нанимали женщин и детей и что эти женщины и дети до своего устройства на фабрики жили во вполне сносных условиях, является одним из самых больших исторических обманов» [37, с. 218]. Некоторые более поздние историки экономики, которые не были марксистами, а, наоборот, могли пребывать среди его критиков, несколько развили это предположение Ф. Энгельса, подчеркнув, что «рост численности населения (в частности, увеличение числа людей трудоспособного возраста), по-видимому, привел к падению заработной платы» [46], что усугублялось существованием «массы неквалифицированных и низкоквалифицированных рабочих», которые «не

смогли разделить выгоды экономического развития» [46]. Подобная риторика и фразеология охотно была взята на вооружение сторонниками антикапиталистических течений в историографии, которые столь активно критикуя капитализм и обличая его социальные язвы, фактически содействовали позитивной идеализации более архаичных экономик. Именно поэтому английский экономический историк Т.С. Эштон приписывал критикам капитализма то, что они переносят свою «враждебность к машинам» на «враждебность к товарам, выработанным с их помощью, и вообще – ко всем инновациям в потреблении» [45].

Согласно А. Торресу, в первой четверти XX века бразильская экономика имела три основания, а именно: сельское хозяйство (созданное в колониальный период), торговлю и промышленность, создаваемая не столько усилиями национальной буржуазии, сколько инициативами властей, действующих «при помощи протекционистских тарифов» [26]. Примечательно, что капиталистическая компонента к экономике ставилась им на третье место, а сельское хозяйство и торговля воспринимались как более значимые. При этом, Алберту Торрес в значительной степени идеализировал аграрную Бразилию и сожалел, что в стране не возникло национального крестьянства и городских слоев. Поэтому А. Торрес вынуждено констатировал, что «Бразилия не обладает национальным рабочим классом» [25], полагая, что страна не только не готова к капитализму, но оказалась и в состоянии избежать традиционных для капитализма социальных проблем. Фактор наличия пролетариата, его слабости или влияния, признается в качестве одного из центральных в интерпретациях истории капитализма. В частности еще Фридрих фон Хайек подчеркивал, что «пролетариат, созданный капитализмом, был не долей населения, которая существовала бы и без него и которая была низведена на более низкий уровень... пролетариат был добавочным населением, которое получило возможности вырасти благодаря предоставленным капитализмом новым возможностям занятости» [40].

Отношение к капитализму среди историков и прочих интеллектуалов никогда не было однозначным. Комментируя его неприятие, один из теоретиков неолиберального течения в экономической историографии Людвиг фон Мизес писал, что «капитализм подвергается яростным нападкам и критике. Необходимо понимать истоки этой неприязни. Фактом является то, что ненависть к капитализму возникла не среди масс, не среди самих рабочих, а среди землевладельческой аристократии – поместного дворянства, родовой знати Англии и европейского континента. Они обвиняли капитализм в том, что оказалось для них не слишком приятным: в начале 19 века более высокая оплата труда промышленных рабочих

землевладельцев столь же высоко оценивать труд своих сельскохозяйственных работников. Аристократия подвергла промышленность критике, критикуя условия и уровень жизни трудящихся масс» [37]. В этом контексте антикапиталистическая риторика среди бразильских интеллектуалов актуализировала в меньшей степени европейские культурные марксистские влияния, но преимущественно местное разочарование политических элит, которые не могли адаптироваться и приспособиться к той системе, которая сложилась в стране после падения Империи.

Алберту Торрес полагал, что в Бразилии не сложились объективные основания и предпосылки для развития капитализма, настаивая, что важнейшими проблемами Бразилии являются социальная бедность, связанная с двумя другими – нехваткой воды и истощением природных ресурсов. Критики подобного подхода традиционно указывали на то, что антикапиталистическая историография уделяла излишнее внимание именно критике социальных проблем капитализма. Сторонники либеральных течений в историографии и экономической истории полагали, что социальные проблемы капитализма стали следствием не собственно капитализма, а сопутствующих развитию буржуазных отношений, процессов, например – урбанизации. Хэкер М. Луис, например, в связи с этим полагал, что «одной из особенностей индустриализации был необычно быстрый рост городов. Частные инвесторы не успевали удовлетворять растущий спрос на жилье... так появились трущобы... убогость жилищ и перенаселенность городов не свидетельствовали об отказе нового промышленного класса нести моральную ответственность, а были результатом естественных факторов» [44, с. 75].

В начале XX века Алберту Торрес писал о проблеме возобновляемости природных ресурсов как необходимом условии развития экономики [25]. Таким образом, уже в начале XX века усилиями бразильских интеллектуалов были сформулированы основные внутренние вызовы, с которыми позднее столкнется бразильская экономика. Именно это оказало существенное влияние на дальнейшее развитие экономической теории и социальных концепций в рамках бразильских гуманитарных исследований. Анализируя политическое и социально-экономическое наследие Алберту Торреса, во внимание следует принимать то, что его антикапиталистические и антибуржуазные идеи и настроения имели переходный характер, основываясь преимущественно на склонности к интерпретациям в контексте культуры и нравственных проблем.

Жоан-де-Кампуш Жоаким да Коста и Медейруш и Альбукерке (Medeiros e Albuquerque, 1867 – 1934), автор книги «Парламентаризм и

президентализм в Бразилии» [15], также внес свой вклад в развитие антикапиталистических настроений в бразильской историографии.

Центральной идеей в концепции Медейруш и Альбукерке была связь между политическим режимом, точнее – формой правления, и социально-экономическим развитием. По мнению бразильского автора в Бразилии более приемлемым был режим парламентской демократии, а не президентской республики, которая им связывалась с более успешными США, основанными исключительно на капитализме. По мнению бразильского автора, учреждение института президентства в Бразилии явилось исторической ошибкой, вызванной сложностями перехода от Империи к Республике. Медейруш и Альбукерке, анализируя особенности развития президентской власти в Бразилии, полагал, что существенным фактором стала своеобразная историческая и политическая инерция, связанная с тем, что в имперский период центральной политической фигурой был император [15].

Другим фактором, который упоминает Медейруш и Альбукерке, была идеализация президентской системы в США и практически полное отсутствие у Бразилии опыта политической деятельности в президентских режимах и в рамках свободного капитализма. Анализируя институт президентства в США Медейруш и Альбукерке подчеркивал, что своим прогрессом Соединенным Штатам обязаны не американским президентам, а благоприятной экономической динамике. Медейруш и Альбукерке, критикуя президентский режим, настаивал на том, что наличие института президентства ведет к росту коррупции, делая элиты безответственными перед избирателями. В связи с этим бразильский политик констатировал, что «парламентская система уникальна тем, что в ее рамках существует ответственность власти... в противоположность ей президентская система предстает как полностью безответственная» [15].

Примером подобной безответственности, как полагал Медейруш и Альбукерке, стала внешняя политика бразильского президента Венсеслау Браза, который инициировал вступление Бразилии в первую мировую войну на стороне Антанты, что не соответствовало бразильским национальным интересам. Критикуя внешнюю политику В. Браза, Медейруш и Альбукерке полагал, что втягивание Бразилии в войну привело к усилению американских позиций в бразильской экономике [15] с ее слабым капитализмом, который не мог составить достойной конкуренции американскому сопернику. Подобные идеи были, вероятно, навеяны свертыванием демократических институтов, инициатором чего стал президент Жетулиу Варгас. Медейруш и Альбукерке настаивал на том, что

президентский режим неизбежно приведет к установлению авторитаризма, что связано с его закрытостью.

Медейруш и Альбукерке полагал, что для Бразилии президентский режим неприемлем и по той причине, что политические элиты в условиях особого и уникального экономического контекста, наличия традиционных институтов и слабого капитализма должны играть патерналистскую роль в отношении всего населения страны в целом. С другой стороны, Медейруш и Альбукерке подчеркивал, что парламентские режимы легко отстраняемы от власти политической оппозицией, что дает возможность избежать не только военных переворотов, но и возможных революционных потрясений. Осуществление связи между массами и элитами, согласно точке зрения бразильского политика, было возможно исключительно через избираемый парламент, но не через фигуру президента [15].

Следующей фигурой в развитии антикапиталистической компоненты в бразильской интеллектуальной традиции стал Азеведу Амарал (Azevedo Amaral) [1 – 4], известный как автор книги «Авторитарное государство и национальная реальность» («O estado autoritário e a realidade nacional»), вышедшей в 1938 году [4].

Азеведу Амарал полагал, что политические и экономические процессы, которые протекали на протяжении 1930-х годов, нуждаются в изучении новой сложившейся «национальной реальности», что может быть достигнуто только через поиск «социологической доминанты исторического развития» Бразилии, на которое значительное влияние оказал как колониальный, так и имперский период, на протяжении которых были заложены основы той экономической модели, трансформацией которой был вынужден заниматься пришедший в 1930 году к власти Ж. Варгас. А. Амарал предполагал, что большинство проблем Бразилии 1930-х годов, коренилось в истории колониального периода, когда Бразилия как колония имела почти исключительно экономическое значение для Португалии [4].

Генезис антикапиталистической идентичности и ментальности Азеведу Амарал связывал со спецификой бразильской истории. В колониальный период Лиссабон в управлении своей крупнейшей колонией руководствовался «исключительно экономическими соображениями». Поэтому вся политика португальских властей была подчинена логике «эффективного использования бразильских богатств». Азеведу Амарал полагал, что появление независимой Бразилии было связано с развитием не только политического национализма, но и постепенным складыванием экономической самостоятельности колоний, что вело к росту противоречий между колонистами и метрополией. По мнению А. Амарала, именно в колониальный период в Бразилии сложились предпосылки негативного

отношения к государству как экономическому актору, что было связано с ростом антипортугальского экономического национализма [4].

Это привело к сложностям становления политической сферы в независимой Бразильской Империи. Во второй половине 1930-х годов А. Амарал полагал, что на протяжении XIX века имперские власти не смогли преодолеть экономическое отставание, заложенное португальцами и связанное с преимущественно сырьевым характером бразильской экономики. В подобной ситуации в Бразилии не мог возникнуть классический капитализм в западном понимании. С другой стороны, именно на том этапе, как полагал Азеведу Амарал, на территории Бразилии протекали принципиально важные процессы, связанные с формированием бразильской нации через смешение трех групп – индейцев, португальцев и негров. Согласно А. Амаралу, именно две последние группы позднее внесли наиболее весомый вклад в развитие бразильской экономики [4].

С другой стороны, процесс формирования бразильской экономической модели был в значительной степени отягощен некапиталистическими институтами и небуржуазными отношениями, в первую очередь – рабством [17; 20], которое привело к появлению олигархических группировок, которые определялись А. Амаралом как «паразитические». Азеведу Амарал полагал, что центральную роль в экономической эволюции Бразилии в прошлом играл средний класс, представленный буржуазией, торговой и промышленной, которая формировалась в результате иммиграции в Бразилию португальцев и других европейцев. Процесс формирования национальной бразильской буржуазии осложнялся отсутствием предпосылок для развития капитализма. В целом же бразильские экономисты, понимая ограниченность капитализма, признают вынужденно его универсальность и неизбежность капиталистической модели развития, дискутируя, тем не менее, относительно прогрессивности капитализма и его адаптивной способности [24], указывая на то, что капитализм был привнесен в страну извне. По мнению Азеведу Амарала, «исторический фон и традиции, унаследованные от португальской метрополии, не имели ничего общего с теми процессами, которые могли бы привести буржуазному протесту против феодализма» [4].

В Бразилии сложилась своеобразная антикапиталистическая идентичность, связанная с романскими народными традициями переселенцев из Португалии. Поэтому экономика Бразильской Империи, как считал А. Амарал, не была капиталистической в классическом понимании, так как не только зависела от региональных монокультур (сахар и кофе), но и от института рабства [5; 14]. Поэтому, как полагал А. Амарал, в имперский период в Бразилии не сложилась «национальная реальность»,

важные шаги в направлении которой были сделаны только после провозглашения Республики. Развитию новой республиканской идентичности, как полагал Азеведу Амарал, не способствовал политический опыт, полученный в рамках имперской модели. Несмотря на наличие в Империи «конституционных механизмов» центральной фигурой политической системы являлся император, личная власть и воля которого были «важнейшими движущими силами политики и государственного управления» [4].

Именно поэтому А. Амарал подчеркивал, что установление Республики «не могло изменить менталитет, который сложился на протяжении длительного периода существования монархии». Процесс политического и экономического развития республики, согласно А. Амаралу, был в значительной степени отягощен попыткой трансплантации на бразильскую почву чуждых капиталистических, демократических и федералистских теорий, заимствованных из США. Азеведу Амарал, анализируя политические особенности республики, полагал, что она испытала мощное влияние со стороны имперского наследия, что связано с учреждением института президентства. В отличие от Медейруша и Альбукерке, А. Амарал полагал, что именно институт президентской власти способствовал не только политической консолидации, но и сохранению Республики. Именно те политические механизмы, которые были созданы в начале 1890-х годов, позволили Бразилии относительно динамично развиваться до 1920-х годов. Азеведу Амарал считал, что в Бразилии не сложились условия для нормального и эффективного «функционирования либеральной демократии» [4].

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с интеллектуальной историей антибуржуазных трендов в бразильской историографии. Генезис антибуржуазных и антикапиталистических тенденций в бразильской историографической традиции является спорным и дискуссионным. Конечно, весьма соблазнительно связывать и объяснять их появление интеллектуальным и историографическим влиянием со стороны европейских историографий, преимущественно – различных марксистских течений. Фактор интеллектуальных влияний, вероятно, имел место, но не он представляется определяющим. Интеллектуальные европейские влияния имели место, но их сфера, вероятно, была незначительной и ограничивалась только отдельными бразильскими интеллектуалами. Кроме этого не следует связывать формирование, появление и последующее развитие антикапиталистических тенденций в бразильской историографии с влиянием только и исключительно марксизма.

В Бразилии конца 19 века и в 20 столетии существовали не самые лучшие и благоприятные условия не только для восприятия, но и для успешного усвоения марксизма, что было связано со спецификой развития бразильской экономики, отягощенной многочисленными проблемами, архаичными и неформальными отношениями, институтами и процедурами. В советской историографии, в свою очередь, имели место попытки доказать прогрессивное влияние со стороны революции 1917 года на Латинскую Америку. Кроме этого советские историки были вынуждены периодически, словно выполняя некий ритуал, констатировать положительное и прогрессивное советское влияние в целом и воздействие советской историографии на Южную Америку, в том числе – и на Бразилию, но, несмотря на это, идею о прогрессивном советском влиянии на генезис, рост и развитие антикапиталистических настроений в Бразилии, в особенности – в бразильской историографии, следует воспринимать и рассматривать как историографический миф, как изобретенную историографическую традицию.

Вероятно, советское интеллектуальное влияние на бразильскую историческую науку было минимальным и крайне незначительным: развитых и хорошо институционализированных связей между советскими и бразильскими историками не существовало, интерес советских интеллектуалов к Бразилии носил почти исключительно односторонний характер. Кроме этого, если советские историки были в состоянии читать не только на португальском, но и на других западных языках, то мы не можем утверждать подобное в отношении их бразильских коллег, которые в большей степени ориентировались на западные историографические традиции, на исторические штудии в США, Великобритании, Франции и Германии. Поэтому, любовь советских историков к Бразилии на протяжении всего существования СССР оставалась неразделенной.

В подобной ситуации будет уместным предположить, что антибуржуазные и антикапиталистические направления в бразильской историографии имели качественно другие, иные основания. С одной стороны, на генезис и развитие подобных настроений повлияло историографическое и интеллектуальное западное влияние, в том числе – и со стороны марксизма, к которому бразильские интеллектуалы прибегли самостоятельно, без чьего-либо интеллектуального посредничества. Кроме классического марксизма на генезис и развитие антикапиталистической идентичности в бразильской историографии оказали воздействие и другие историографические тенденции в западной – английской и американской – историографии. Западные историографические влияния были более значимыми и несомненно

определяющими в оформлении антикапиталистического пласта в бразильской историографии, но, принимая во внимание интеллектуальные воздействия, не следует забывать и о национальных, местных социальных, культурных и интеллектуальных стимулах, которые повлияли на возникновение и генезис антикапиталистических настроений в бразильской историографии.

Вероятно, большее и порой определяющее влияние на генезис подобных идей оказала социально-экономическая, культурная и интеллектуальная специфика Бразилии. Экономика Бразилии к началу 20 века формально развивалась как капиталистическая, но фактически существовала в условиях одновременного софункционирования качественно отличных друг от друга социальных и экономических институтов и отношений. Существенным фактором было и то, что рабство в Бразилии было отменено только в 1888 году. Капитализм и буржуазные отношений в Бразилии к тому времени не успели в достаточной степени укрепиться. Значительная часть населения обладала не современной, а различными формами традиционной идентичности. Традиционная идентичность имела различные основания, базируясь в том числе и на антикапиталистической ментальности, отрицании и отторжении капитализма как качественно и идейно чуждой системы, которую бразильцы в начале 20 века еще были не в состоянии объективно воспринимать и принимать буржуазные отношения.

Поэтому, неприятие и отторжение капитализма и буржуазных форм культуры и экономики в бразильской историографии могло иметь не только и столько социальные и экономические, сколько культурные и нравственные основания. Капитализм бразильскими интеллектуалами отторгался как культурно и нравственно чуждый, а стимулом для подобного восприятия были преимущественно идеалистические и морализаторские тенденции. Таким образом, антикапиталистические и антибуржуазные идеи, настроения и предпочтения бразильских историков имели различные предпосылки и основания, но основывались преимущественно на уникальной бразильской идентичности. При этом, несмотря на интеллектуальное влияние подобных тенденций они никогда не были определяющими в бразильском интеллектуальном пространстве, представители которого более охотно и активно предпочитали размышлять и рефлексировать в отношении капитализма и связанных с ним проблемах и особенностях социального и экономического развития Бразилии.

Библиографический список

1. Amaral A. A Aventura Política do Brasil / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1935.
2. Amaral A. Ensaios Brasileiros / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1930.
3. Amaral A. O Brasil na Crise Atual / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1914.
4. Amaral A. O estado autoritário e a realidade nacional / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1938 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/azevedo.html#A>
5. Chambouleyron R. Escravos do Atlântico equatorial: tráfico negreiro para o Estado do Maranhão e Pará (século XVII e início do século XVIII) / R. Chambouleyron // Revista Brasileira de História. – 2006. – Vol. 26. – No 52. – P. 79 – 114.
6. Collectivist Economic Planning: Critical Studies on the Possibilities of Socialism / ed. F.A. von Hayek. – L., 1935.
7. Engels Fr. The Condition of the Working Class in England in 1844 / Fr. Engels. – L., 1892.
8. Garrido Pimenta J.P. Portugueses, americanos, brasileiros: identidades políticas na crise do Antigo Regime luso-americano / J.P. Garrido Pimenta // Almanack braziliense. – 2006. – No 3.
9. Haesbaert R. Des-territorialização e identidade: a rede “gaúcha” no Nordeste / R. Haesbaert. – Niterói, 1997.
10. Hayek F.A. von, Individualism and Economic Order / F.A. von Hayek. – Chicago – L., 1947.
11. Hofbauer A. Ações afirmativas e o debate sobre racismo no Brasil / A. Hofbauer // Lua Nova. – 2006. – No 68. – P. 9 – 56.
12. Lessa C. A identidade e a autoestima nacional dependem da propriedade imobiliária individualizada / C. Lessa // Jornal dos economistas. – 2010. – No 254. – P. 3 – 4.
13. Love J. O regionalismo gaúcho e as origens da Revolução de 1930 / J. Love. – São Paulo, 1975.
14. Machado C. As muitas faces do compadrio de escravos: o caso da Freguesia de São José dos Pinhais (PR), na passagem do século XVIII para o XIX / C. Machado // Revista Brasileira de História. – 2006. – Vol. 26. – No 52. – P. 49 – 77.
15. Medeiros e Albuquerque. Parlamentarismo e presidencialismo / Medeiros e Albuquerque. – Rio de Janeiro, 1932 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/medeiros.html>
16. Menasche R. Gauchismo: tradição inventada / R. Menasche // Estudos Sociedade e Agricultura. – 1993. – No 1. – Novembro. – P. 22 – 30.
17. Motta J.F. Escravos daqui, dali e de mais além: o tráfico interno de cativos em Constituição (Piracicaba), 1861 – 1880 / J.F. Motta // Revista Brasileira de História. – 2006. – Vol. 26. – No 52. – P. 15 – 47.
18. Oliven R.G. O Nacional e o Regional na Construção da Identidade Brasileira / R.G. Oliven // Revista Brasileira de Ciências Sociais. – 1986. – No 1. – P. 68 – 74.
19. Rezende M.J. de, Organização, coordenação e mudança social em Alberto Torres / M.J. de Rezende // Estudos de Sociologia. – 2000. – Vol. VIII. – No 1.
20. Soares G.A. Esperanças e desventuras de escravos e libertos em Vitória e seus arredores ao final do século XIX / G.A. Soares // Revista Brasileira de História. – 2006. – Vol. 26. – No 52. – P. 115 – 140.
21. Sobrinho B.L. Presença de Alberto Torres: sua vida e pensamento / B.L. Sobrinho. – Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 1968.
22. Souza J. Raça ou classe? Sobre a desigualdade brasileira / J. Souza // Lua Nova. – 2005. – No 65. – P. 43 – 69.

23. Souza R.L. de, Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres / R.L. de Souza // Sociologias. – 2005. – No 13. – P. 302 – 323.
24. Tauile J.R., Faria L.A.E. Mudança em tempos de globalização: o capitalismo não é mais progressista? / J.R. Tauile, L.A.E. Faria // Revista de Economia Política. – 2005. – Vol. 25. – No 3.
25. Torres A. As fontes de vida no Brasil / A. Torres. – Rio de Janeiro, 1915 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/fontes.html>
26. Torres A. O problema nacional brasileiro / A. Torres. – Rio de Janeiro, 1914 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/torresb.html#5>
27. Жувениль Б. де, Интерпретация капитализма европейскими интеллектуалами / Б. де Жувениль // Хайек Ф. Капитализм и истории / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С.104 – 140.
28. Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с.
29. Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. – 163 с.
30. Кирчанов М.В. Институционализм Симона Шварцмана и проблемы развития экономических исследований в Бразилии / М.В. Кирчанов // Народное хозяйство. Вопросы инновационного развития. – 2012. – № 3. – С.153 – 159.
31. Кирчанов М.В. Марксистские теории девелопментализма в современной бразильской экономической теории / М.В. Кирчанов // Народное хозяйство. Вопросы инновационного развития. – 2012. – № 4. – С. 119 – 125.
32. Кирчанов М.В. Национализм, этатизм, модернизация: интеллектуальная история Бразилии XX – начала XXI века / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – 346 с.
33. Кирчанов М.В. Ревизионизм и новейшие левые интерпретации бразильской национальной экономической классики / М.В. Кирчанов // Народное хозяйство. Вопросы инновационного развития. – 2012. – № 5. – С. 165 – 171.
34. Кирчанов М.В. Руритания vs Мегаломания: политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 179 с.
35. Кирчанов М.В. Современные левые экономические теории в Бразилии: основные направления развития / М.В. Кирчанов // Народное хозяйство. Вопросы инновационного развития. – 2012. – № 6. – С. 88 – 92.
36. Мизес Л. фон, Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес // Хайек Ф. Капитализм и истории / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С. 259 – 377.
37. Мизес Л. фон, Капитализм / Л. фон Мизес // Хайек Ф. Капитализм и истории / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С. 211 – 228.
38. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа. Рынок и предпринимательское творчество / Х. Уэрта де Сото. – Челябинск, 2007.
39. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы / Х. Уэрта де Сото. – Челябинск, 2007.
40. Хайек Ф. фон, История и политика / Ф. фон Хайек // Хайек Ф. Капитализм и истории / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С. 7 – 36.
41. Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. – М., 2005.

42. Хайек Ф.А. фон, Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. фон Хайек. – М., 2001.
43. Хатт У.Х. Фабричная система начала XIX века / У.Х. Хатт // Хайек Ф. Капитализм и историки / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С. 178 – 210.
44. Хэкер Л.М. Об антикапиталистическом уклоне американских историков / Л.М. Хэкер // Хайек Ф. Капитализм и историки / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С. 71 – 103.
45. Эштон Т.С. Трактовка капитализма историками / Т.С. Эштон // Хайек Ф. Капитализм и историки / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С. 37 – 70.
46. Эштон Т.С. Уровень жизни рабочих в Англии в 1790 – 1830 гг. / Т.С. Эштон // Хайек Ф. Капитализм и историки / Ф. Хайек / пер. с англ. – М., 2012. – С. 141 – 177.

ПОЛЕМИКА, ДИСКУССИИ, КРИТИКА

М.В. Курчанов

Латиноамериканистика в современной России: кризис и невидимость отечественных латиноамериканских штудий в международном контексте

Автор полагает, что современная российская латиноамериканистика пребывает в состоянии перманентного кризиса. Этот кризис имеет теоретические и методологические измерения. Методологически латиноамериканистика в России развивается инерционно. Идеологический фактор также негативно влияет на развитие латиноамериканских штудий. Российский индекс научного цитирования отражает кризисные тенденции в современных латиноамериканских штудиях.

Ключевые слова: латиноамериканистика, методология, методологический кризис

The author believes that the actual Latin American Studies in Russia are in a state of permanent crisis. This crisis has the theoretical and methodological dimensions. Methodologically Latin American Studies develop in Russia by inertia. The ideological factor has also a negative impact on Latin American studies development. Russian Science Citation Index reflects the crisis tendencies in actual Latin American studies in Russia.

Keywords: Latin American Studies, methodology, methodological crisis

Констатация того, что латиноамериканские штудии в современных гуманитарных науках в России пребывают в состоянии почти перманентного кризиса успела стать не только почти общим местом в некоторых более ранних публикациях автора [4; 5; 6; 7; 8], в том числе и в собрании дискуссионных текстов, опубликованных в 2015 году [9], но и вызвало ответную реакцию со стороны ИЛА РАН, но не в форме конструктивного ответа, но в виде почти доноса, направленного руководству Факультета международных отношений Воронежского государственного университета и позднее опубликованного автором [12].

В 2014 году некоторые российские электронные СМИ опубликовали информационное сообщение: «в 2015 году прекратит свое существование Институт Латинской Америки Российской Академии наук (ИЛА РАН). “Мягким” вариантом ликвидации этой организации может быть слияние с Институтом мировой экономики и международных отношений РАН, сообщил [ИА REGNUM](#) источник в профильном департаменте МИД России. Институт Латинской Америки был учрежден в 1961 году. В советский период

это был крупный исследовательский центр. Однако, в последние годы институт пришел в упадок. С 2009 года, как указано на официальном сайте ИЛА РАН, там не было защищено ни одной докторской диссертации, а с 2010 года — ни одной кандидатской, несмотря на наличие ученых советов. Сотрудники ИЛА РАН крайне редко выезжают в страны, которые изучают. Притока молодых научных кадров практически нет. В настоящее время Институт Латинской Америки возглавляет доктор экономических наук, профессор Владимир Давыдов» [3]. Подобное сообщение было, вероятно, попыткой прозондировать почву с целью дальнейших шагов, направленных на реальную реформу академических институтов, но ИЛА РАН используя разного рода лоббистские связи инициировал ответное сообщение ТАСС [10], которое опровергло информацию ИА REGNUM. После этого, вопрос о реорганизации ИЛА РАН был снят с повестки дня, но нельзя исключать, что только временно.

Данный текст отражает личную позицию автора и никоим образом не соотносится и не может соотноситься с мнением руководства ВГУ в целом и Факультета международных отношений в частности. В подобной ситуации, претензии, замечания и возражения, облаченные в конструктивную форму, а не в форму доноса, желательно адресовать лично автору этого текста. Попытка выразить свою точку зрения на страницах журнала «Латинская Америка» так же не была реализована в полной мере, так как главный редактор издания обвинил автора в клевете на современную отечественную латиноамериканистику. Подобная тактика и стратегия свидетельствует о том, что современная российская латиноамериканистика развивается в рамках закрытой модели, ориентируясь исключительно на некие мифические собственные ресурсы и развиваясь инерционно.

Критические публикации, в которых предпринимались попытки показать те проблемы и вызовы, с которыми сталкивается российская латиноамериканистика были опубликованы исключительно в журнале «Политические изменения в Латинской Америке», представляющим собой единственное специализированное российское региональное латиноамериканистское издание. Кроме этого, принимая во внимание специфику поведения редакционной коллегии журнала «Латинская Америка» и руководства ИЛА РАН, которое подменило даже попытки начать дискуссию написанием фактически доноса, Автор счел необходимым не только обнародовать текст доноса, но и в данном тексте высказать очередные соображения относительно тех проблем, с которыми сталкивается российская латиноамериканистика на современном этапе. Кроме этого, автор отдает себе отчет не только в том, что этот текст, как и

другие, фактически останется незамеченным и сознательно будет проигнорирован, но и может стать причиной и стимулом написания очередного доноса со стороны руководства как ИЛА РАН, так и контролируемой им РОО «АИИМ».

Региональная общественная
организация
**Ассоциация Исследователей
Ибероамериканского Мира**

АИИМ
АЕМИ

Organización Social
Regional
**ASOCIACIÓN DE ESTUDIOS
SOBRE EL MUNDO IBEROAMERICANO**

115035 Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16 Тел: (+7 495) 951-1331 Факс: (+7 495) 953-4070
e-mail: osr-aemi@rambler.ru, www.ilaran.ru

Иск. № 014-07 от «11» марта 2014г.

Обращаемся к Вам, как к члену Правления Ассоциации, в связи с тем, что на страницах журнала «Политические изменения в Латинской Америке: история и современность» (ISSN 2219-1976) нередко содержатся необоснованные и некорректные высказывания в адрес ИЛА РАН и российского сообщества исследователей Латинской Америки, которые обвиняются в «методологической деградации» (в частности, в статье Кирчанова М.В. «Самый неудобный методолог» №8 за 2011 г.).

С уважением,
Президент АИИМ

исп. Тайар В.М.
(495) 951-13-31

В.М. Давыдов
член-корреспондент,
В.М. Давыдов

Прежде чем обратиться к проблемам современной российской латиноамериканистике, необходимо озвучить в очередной раз положения

автора, высказанные как в ранних текстах, так и те претензии, которые были предъявлены со стороны ИЛА РАН.

В книге 2015 года Автор высказал несколько весьма жестких замечаний в отношении московской версии современной российской латиноамериканистики, предположив, что она характеризуется чертами, которые к науке не имеют отношения, а именно – супранатурализмом, непризнанием иных методологических принципов, консервативной и закрытой моделью функционирования, наличием в формально научных текстах политических идей, собственное самопозиционирование в качестве некой универсальной версии знания в сфере латиноамериканистики и приверженностью к использованию нефальсифицируемых теорий.

Супранатурализм в его современной латиноамериканистской версии проявляется в новой версии почти религиозной веры, основанной на идеологизации и сознательной неосветизации «большого» научного текста в рамках латиноамериканистики. Непризнание иных методологических принципов, которые отличны от тех, которыми руководствует официальное руководство институционализированной латиноамериканистики характерно для современной российской латиноамериканистики. В подобной ситуации публикация в журнале «Латинская Америка» любого текста, который не отвечает методологическим (но в большей степени политическим и идеологическим) принципам, если таковые кроме сервиллизма, имеются у главного редактора, является фактически невозможной.

Кроме этого, консервативная и закрытая модель функционирования доминирует в современной российской латиноамериканистике. Именно эта модель развития фактически исключает такие нормальные для науки явления как научные революции (единственная научная революция в отечественной латиноамериканистике была связана с усвоением и советизацией марксизма, потенциал которого российские латиноамериканисты уже успели исчерпать, а сам марксизм деградировал до идеологического фетиша), выдвижение, пересмотр и отказ от более старых парадигм в пользу более новых (этот процесс в российской латиноамериканистике не имеет места вообще и вряд ли возможен в ближайшей хронологической перспективе), неспособность выработать исследовательские программы (с их классическими и неизбежными элементами в форме «жесткого ядра» и «защитного пояса»). В целом, такое состояние современной российской латиноамериканистики фактически свидетельствует о том, что она пребывает не только в изоляции, но и практически никак не соотносится с современными моделями латиноамериканистского знания. Вместо этого теоретиками

современной российской латиноамериканистики предлагается и продвигается почти сектантская замкнутость.

Подобная замкнутость проявляется в стремлении ввести политические и идеологические принципы в формально научные публикации, что превращает современную российскую латиноамериканистику в одну из форм левого движения, содействуя росту в ее рамках негативных тенденций, среди которых политизация, идеологизация, использование политических и идеологических клише, выполнение политического заказа в пользу преимущественно левых сил в Латинской Америке через продвижение негативных образов нелевых политических течений. В этом контексте не должно вызывать удивления и то, что российская современная латиноамериканистика в тех формах, о которых идет речь, продвигает свое восприятие в качестве носительницы истины субъективных форм и выражений опыта, основанных на формальной принадлежности к латиноамериканистике, приверженности к коммунистической идеологии и прочим левозкстремистским течениям.

Поэтому, резкое неприятие альтернативных, в первую очередь, правых политических и идеологических традиций в изучаемом регионе, также характерно для современной российской латиноамериканистике. Самой опасной системной характеристикой современной российской латиноамериканистики следует признать сознательную и намеренную приверженность к использованию теорий, которые нельзя фальсифицировать. Фальсификация и пересмотр теоретических оснований любой науки есть доказательство того, что она является именно наукой, а не формой религиозной веры. С другой стороны, фальсификация и пересмотр положений современной российской латиноамериканистики не только теоретически возможен, но и может оказаться полезным – при этом в рамках российской институционализированной латиноамериканистики доминирует почти религиозная вера, уверенность и убежденность в ее методологическом и теоретическом потенциале, невозможности и ненужности ревизии и пересмотра ее оснований: таким образом, латиноамериканисты, по версии официальной латиноамериканистики, не могут сомневаться в основаниях той науки, к которой они формально принадлежат, ибо это неизбежно ведет к размыванию идеологической замкнутости и монополии на истину.

Латиноамериканистика в современных российских условиях развивается инерционно, предпочитая следовать неосоветской инерции, фактически игнорируя при этом значительны потенциалы связанные с использованием новейших методов, а также междисциплинарного подхода.

Теоретики современной российской латиноамериканистики с подобной оценкой не согласны. В частности, В.М. Давыдов предлагает идеализированное и идеологически выверенное видение состояния и перспектив развития современной российской латиноамериканистики, полагая, что «за полтора последних десятилетия, созданная школа продолжает поступательное развитие, она подтверждает свою роль в системе обществоведческого и гуманитарного знания, выполняя значимую функцию – воспроизводства научных знаний о крупном регионе мира, давая российскому обществу и государству выверенные ориентиры понимания того, чем живет три десятка стран региона, и ориентиры взаимодействия с ними» [2]. Подобное утверждение, конечно, можно было в принципе не комментировать, но оно заслуживает внимания хотя бы уже потому, что фактически содержит признание сервилистского характера современной отечественной латиноамериканистики, точнее – той ее части, что непосредственно связана с ИЛА РАН.

Утверждение В.М. Давыдова о «открытости ИЛА к научным достижениям зарубежных коллег, стремлении к быстрому реагированию на новые проблемы региона и мирового развития», что «сочетаются с наследованием плодотворных традиций отечественного обществоведения» [2] и вовсе вызывает недоумение, если принимать во внимание закрытую модель развития и функционирования современной российской латиноамериканистики в ее московской версии, практически полное игнорирование достижения зарубежной как классической, так и современной историографии и политологии. Печально и то, что значительный творческий и научный потенциал российской науки в ее теоретической и методологической части также не востребован современной московской латиноамериканистикой. Поэтому, с теоретической и методологической точки зрения уровень текстов ИЛА РАН остается крайне невысоким в силу доминирования принципов нормативной историографии и склонности к политически выверенной идеологизации конечного научного продукта.

Что касается деятельности журнала «Латинская Америка», то она со стороны руководства ИЛА РАН получает исключительно позитивную оценку. В частности, В.М. Давыдов полагает, что «стержнем объединения российских специалистов в этой области независимо от ведомственной принадлежности и географического расположения остается ежемесячный журнал «Латинская Америка». Преодолевая аномалии в условиях работы последних пятнадцати лет, редакционный коллектив во главе с В.Е.Травкиным поддерживает научное качество и познавательную привлекательность» [2]. Главный редактор журнала В. Травкин [11] также

предпочитает ограничиваться парадными и победными речениями и реляциями, посвященными успехам и перспективам вверенного ему издания. «Латинская Америка», будучи объективно крупнейшим российским периодическим изданием, в сфере латиноамериканистики, фактически играет роль не только «стержня», но и разделяет российское и русскоязычное научное сообщество, интегрированное в латиноамериканистские штудии.

При этом «научное качество» и «познавательная привлекательность» данного издания относятся к числу не только воображаемых, но и весьма сомнительных. На протяжении последних лет журнал последовательно утрачивает свой научный характер, игнорируя принципы междисциплинарности, публикуя почти исключительно формализованные научные тексты, которые отличаются значительной степенью политической и идеологической ангажированности. Сравнивая современный журнал, с его советским предшественником невольно возникает не совсем приятное сравнение: до 1991 года левая идеология в текстах журнала была представлена более изысканно и изящно, а их общий теоретический и методологический уровень был несравнимо выше тех материалов, которые публикуются на современном этапе.

Те сложности, с которыми сталкивается «Латинская Америка» в настоящее время в полной степени отражены в его месте в РИНЦ [1]. Место журнала «Латинская Америка» в РИНЦ – Российском индексе научного цитирования – практически и фактически не соотносится с теми радужными перспективами, о которых утверждает В. Травкин. РИНЦ является открытым источником и приводимые ниже данные содержатся в открытом доступе. Поэтому, дальнейшие утверждения являются только данными, взятыми из РИНЦ, а не очередной попыткой намеренного очернения латиноамериканистики в ее московской версии, в чем автор неоднократно обвинялся.

По состоянию на 15 мая 2015 года РИНЦ содержит 1666 статей, 148 номеров журнала. Суммарное число цитирований журнала составило 1873. Журнал занимал на 2013 года 1724 место в рейтинге Science Index, пребывая также на 10 месте в этом индексе по тематике «Комплексное изучение отдельных стран и регионов». К 2014 году журнал сместился в рейтинге Science Index на 2200 [1], значительно ухудшив свои показатели.

Показатели цитирования также оставляют желать много лучшего: издание злоупотребляет самоцитированием: например, в 2012 году число цитирований составляло 36, в 2013 – 15, в 2014 – 19 [1]. Двухлетний коэффициент самоцитирования, соответственно, равнялся в 48.3 (в 2008 году), 57.1 (в 2012), 23.4 (в 2013) и 24.7 (в 2014). Десятилетний индекс

Хирша для журнала «Латинская Америка» доступен только за пять лет – с 2010 года. Индекс Хирша соответственно составляет 2 (2010), 3 (2011, 2012) и 4 (2013, 2014) [1].

Тематика публикаций «Латинской Америки», по данным РИНЦ, также является чрезвычайно ограниченной: согласно РИНЦ – 1583 статьи посвящены «комплексному изучению отдельных стран и регионов», истории и историческим наукам – 29, политике и политическим наукам – 29, экономике и экономическим наукам – 6, внешней торговле – 4 [1]. Подобные данные, конечно, могут отражать не только специфику и тематическую ограниченность «Латинской Америки», но и проблемы адекватного отражения информации в РИНЦ.

Репутация и сложившийся образ «Латинской Америки» также вызывают немало вопросов, если обратиться к статистическим данным по цитированию. По данным на 15 мая 2015 года, 1325 публикаций из журнала имеет показатель цитирования, который равен нулю, 194 статьи были процитированы 1 раз, 61 статья – 2 раза, 32 статьи – 3 раза, 25 статей – 4 раза, 5 статей – 13 раз...[1]

Не менее интересная и своеобразная география цитирования, то есть те издания, в которых предпочитают цитировать статьи, ранее опубликованные в «Латинской Америке». Большинство цитирований «Латинской Америки» (224) представлены в... самой «Латинской Америке». В целом, статьи из «Латинской Америки» цитируются почти исключительно в российских журналах, а именно – 25 в “Iberoamerica” (но формально иноязычное название не должно вводить в заблуждение, издателем журнала является ИЛА РАН, а его авторами те же сотрудники Института, которые публикуются и в «Латинской Америке»), 21 в «Новой и новейшей истории», 12 в «Клио», 11 в «МЭиМО» [1].

«Латинская Америка» является журналом невидимым для международных англоязычных латиноамериканских штудий: РИНЦ не фиксирует цитирование статей из журнала в “Bulletin of Latin American Research”, “Latin American Perspectives”, “Journal of Latin American Studies”, “Mexican Studies/Estudios Mexicanos”, “The Journal of Latin American and Caribbean Anthropology”, “Journal of Latin American Cultural Studies”. При этом статьи из «Латинской Америки» фиксируются в других иностранных изданиях («[Народна творчість та етнографія](#)», «[Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії](#)», «[Веснік БДУ. Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права](#)», «[Вісник СевНТУ](#)» [1]), что просто формирует количественное цитирование и фактически не отражается на репутации издания. С другой стороны Цитирования в зарубежных журналах, которые все-таки зафиксированы в РИНЦ, также свидетельствует о весьма

сомнительной репутации издания: статьи из «Латинской Америки» цитировались, например, в «[European Social Science Journal](#)» [1], который практикует взимание платы с авторов за публикацию.

Кроме этого организационная принадлежность авторов журнала также слабо соотносится с утверждениями г-на В. Травкина об «открытости» журнала. Подавляющее большинство авторов (316) «Латинской Америки», по данным РИНЦ, являются сотрудниками ИЛА РАН, который выступает и в качестве издателя журнала. На втором месте (71) по числу авторов пребывает СПбГУ. В целом, среди авторов доминируют столичные ученые: МГИМО(У) – 29, МГУ – 28, ИМЛ им. А.М. Горького – 22, РУДН – 20, ИВИ РАН – 19, Дипломатическая Академия – 8 [1]. Региональные университеты представлены незначительно, среди них лидирует Воронежский государственный университет (6). Другие региональные университеты представлены авторами в еще более меньших и незначительных масштабах (ВолГУ – 4) [1]. По данным РИНЦ, «Латинская Америка» является чрезвычайно закрытым журналом, который крайне неохотно публикует иностранных авторов.

По статистике, доступной в РИНЦ, иностранные авторы представлены только сотрудниками Белорусского государственного университета. РИНЦ, например, упоминает 3 статьи, написанные авторами из этого университета. Распределение публикаций по авторам также свидетельствует о доминировании почти исключительно московской географии. Немосковские авторы представлены авторами из Санкт-Петербурга (Л.С. Хейфец, В.Л. Хейфец) и Воронежа (А.А. Слинько) [1], хотя система РИНЦ далека от совершенства в генерировании списка авторов, что проявляется в неправильном написании фамилий и в повторении одних и тех же, но различно, написанных фамилий.

Таким образом, открытые данные из РИНЦ слабо соотносятся с оптимистическим тоном парадно-дежурных публикаций в «Латинской Америке» и утверждениями ее главного редактора об уважении журнала в международном научном сообществе. На современном этапе, латиноамериканистика в международное перспективе является англоязычной наукой, а «Латинская Америка» в этом контексте является фактически невидимым изданием. Причин такой ситуации несколько: специфика редакционной политики, склонность следовать идеологическим и политическим предпочтениям, почти исключительно русскоязычная издательская активность.

Подводя итоги обзора, во внимание следует принять ряд факторов. Положения, озвученные ниже, высказывались автором и ранее. Поэтому в данном случае они будут только уточнены и скорректированы.

Доминирование несоветских принципов в российской современной латиноамериканистике свидетельствует значительно идеологизации того конечного продукта, который в большинстве случаев выходит из-под пера московских латиноамериканистов – иными словами, современная российская латиноамериканистика в ее московской версии культивирует левый политический миф, почти полностью игнорируя и не замечая или оценивая исключительно негативно и отрицательно правые политические и идеологические тенденции в Латинской Америке.

В подобной ситуации современная отечественная латиноамериканистика развивается и функционирует в рамках нормативной историографической модели, что автоматически исключает появление как альтернативных интерпретаций, так и качественно других текстов, которые отличались бы от большинства формально научных текстов, которые имеют гораздо больше с советской историографией 1970-х годов, нежели современными междисциплинарными гуманитарными штудиями.

Несоветские принципы и идеологизация содействуют тому, что современная российская латиноамериканистика развивается в состоянии методологической и теоретической изоляции от мирового латиноамериканистского сообщества. Изоляция ведет к тому, что «репутация» современной российской латиноамериканистики, о которой утверждал в телефонном разговоре с автором главный редактор «Латинской Америки» В. Травкин, является не более чем удобным мифом, который усиленно культивируется в рамках московской латиноамериканистики. Формально ведущий и крупнейший российский специализированный на латиноамериканских исследованиях журнал фактически не отражает реальной ситуации, которая имеет место быть в современной отечественной латиноамериканистике, но является площадкой для самовыражения лояльных линии издания российских авторов, придерживающихся фактически не научных, а идеологических позиций журнала.

В подобной ситуации современная российская латиноамериканистика не обладает никакой мифической и воображаемой репутацией, а является фактически невидимой в мировой латиноамериканистике – свидетельством этого предположения является место «Латинской Америки» не только в международных системах цитирования, но и в отечественном Российском индексе научного цитирования, о чем речь шла выше. Несмотря на это, теоретики, идеологи и вдохновители московской латиноамериканистики продолжают культивировать нарратив о динамичном и позитивном развитии,

публикуя разного рода дежурные тексты и победные реляции относительно прогресса и успехов отечественной латиноамериканистики.

Таким образом, современная российская латиноамериканистика пребывает в состоянии глубокого теоретического и методологического кризиса, который стал следствием того, что на протяжении всего постсоветского периода руководство ни ИЛА РАН, ни журнала «Латинская Америка» не смогли воспользоваться уникальным шансом и провести необходимые преобразования, имевшие место в других направлениях гуманитарного и социального знания. Именно поэтому, системными тенденциями в развитии актуальной современной латиноамериканистики в России стали стагнация, склонность к изоляции от мирового латиноамериканистского сообщества, так и от групп, выражающих альтернативные точки зрения в самой России, неспособность интегрироваться в мировую науку и фактическая невидимость в ее рамках. Подобные тенденции вынуждают задуматься о перспективах развития современной отечественной латиноамериканистики, но, если предположить, что в ближайшее время не произойдет радикальных изменений в ИЛА РАН, редакционной политике «Латинской Америки», позитивные перемены представляются маловероятными и практически невозможными в то время, как углубление методологического кризиса и международная изоляция актуальных латиноамериканских штудий в России окончательно станут определяющими тенденциями...

Библиографический список

1. Анализ публикационной активности журнала. «Латинская Америка» [Электронный ресурс]. – URL: http://elibrary.ru/title_profile.asp?id=8804
2. Давыдов В.М. Траектория и перспектива отечественной латиноамериканистики / В.М. Давыдов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ilaran.ru/?n=276>
3. Институт Латинской Америки РАН будет ликвидирован [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1876296.html>
4. Кирчанов М.В. Какая латиноамериканистика нам (не) нужна: заметки вовлеченного маргинала / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2014. – № 1. – С. 75 – 82.
5. Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинко, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С.11 – 21.
6. Кирчанов М.В. Российское бразиловедение: между консервативной стабильностью, методологическим кризисом и маргинализацией / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинко, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 6. – С. 84 – 94.
7. Кирчанов М.В. Самый неудобный методолог: неомарксизм и «школа Анналов» К.А. Агирре Рохаса в контексте перспектив развития российской латиноамериканистики / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2011. – № 8. – С. 84 – 92.
8. Кирчанов М.В. Современная отечественная латиноамериканистика: «второе издание» российского неомарксизма / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и

- современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 7. – С. 94 – 97.
9. Кирчанов М.В. Традиции, новации и повороты: проблемы историографии и интеллектуальной истории латиноамериканистики (восемнадцать очерков о латиноамериканистике) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2015.
  10. МИД РФ: сообщения СМИ о закрытии Института Латинской Америки РАН вызывают недоумение [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/politika/1648526>
  11. Обращение главного редактора журнала «Латинская Америка» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ilaran.ru/?n=774>
  12. mkyrchanoff, О нравах латиноамериканистов / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/150681.html>

ISSN 2219-1976

2015 / 2 (18)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

2015 / 2 (18)

ISSN 2219-1976